459

K.

459

116
459

459

ОТЧЕТЪ

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ ЭКСПЕДИЦІИ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РЫБНЫХЪ И ЗВѢРИНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ НА БѢЛОМЪ И ЛЕДОВИТОМЪ МОРЯХЪ,

ЗА **1859** ГОДЪ.

СОСТАВЛЕНЪ
Начальникомъ Экспедиціи
Н. Данилевскимъ.

(Изъ «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1860).

Инв. № 14333

БИБЛІОТЕКА
ПОЛЯРНОЙ КОМИССІИ
А. Н.
Поступление № 1387
Отдел № II
№ Отдела 737

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛЕОНИДА ДЕМИСА.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 мая 1860 года.

Цензоръ *К. Обертъ.*

инв. 1985 пк

Библиотека Академии Наук СССР

1384 / II
737

I. Общій обзоръ.

На Высочайше учрежденную экспедицію для изслѣдованія рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ возложено удовлетворительное разъясненіе слѣдующихъ трехъ задачь или точекъ зрѣнія на наши сѣверные морскіе промыслы:

1. Опредѣлить рыбный запасъ и ежегодный уловъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ, рѣкахъ, озерахъ, и вліяніе на тотъ и другой какъ естественныхъ условій мѣстности и климата, такъ и употребительныхъ способовъ лова. Задача—естественно-историческая и статистическая вмѣстѣ.

2. Разъяснить тѣ способы, которыми добываемое изъ нѣдръ водъ богатство распредѣляется между мѣстными жителями, занимающимися рыбною промышленностью, и сбывается ими. Задача—экономическая.

3. Наконецъ, описать и оцѣнить способы лова и приготовленія рыбы и ея продуктовъ. Задача—техническая.

Относительно Печорскаго края, который не будетъ уже болѣе посѣщенъ экспедиціею и гдѣ, вслѣдствіе однообразія какъ мѣстныхъ физическихъ условій, такъ и хозяйственнаго устройства рыболовства, это послѣднее производится по одному и тому же плану двумя волостями: Пустозерскою и Усть-Цилемскою, экспедиція можетъ представить полный отвѣтъ во всѣхъ трехъ отношеніяхъ. Но отъ нея конечно нельзя ожи-

дать того же относительно Бѣлаго моря, гдѣ рыболововство до крайности разсѣяно и гдѣ мѣстныя условія, способы и времена лова, условія сбыта и самыя породы ловимыхъ рыбъ очень разнообразны. Къ тому же экспедиція посѣтила только одну половину его, именно: лежащую къ Ю. Ю. З. отъ линіи, проведенной между деревнею Кузоменью, при впаденіи рѣки Варзухи въ море, у сѣвернаго угла входа въ Кандалакскій заливъ, и деревнею Зимнею Золотицею, находящеюся почти на серединѣ разстоянія между Архангельскомъ и мысомъ Вороновымъ, т. е. южнымъ угломъ входа въ Мезенскій заливъ. Хотя эта часть моря, меньшая по пространству, есть самая богатая по производимому въ ней рыболовству, однако на первый разъ она была осмотрѣна лишь поверхностно и не всѣ пункты ея, важные въ отношеніи рыбной промышленности, были посѣщены. Первая поѣздка экспедиціи по Бѣлому морю была сдѣлана преимущественно съ цѣлію общаго обзора мѣстности и ознакомленія съ главсными чертами производимаго въ ней рыболовства. Тѣмъ неменѣе экспедиція считаетъ себя въ состояніи дать и теперь, въ главныхъ чертахъ, категорическіе отвѣты на три предложенныя ей задачи.

1. Прежде всего я долженъ предостеречь отъ преувеличенныхъ понятій о рыбномъ богатствѣ Бѣлаго моря и Печоры. Сравнивать ихъ съ Каспійскимъ моремъ и впадающими въ него рѣками рѣшительно невозможно. Чтобы яснѣе выразить мое возрѣніе на этотъ предметъ, составившееся на основаніи наглядпаго изученія какъ нашего сѣвернаго, такъ и южнаго рыболовствъ, я скажу, что въ одинъ апрѣльскій день, при густомъ ходѣ красной рыбы въ Куру, на одномъ Божьемъ Промыслѣ налавливается болѣе севрюгъ, осетровъ и шиповъ, чѣмъ семги на Печорѣ въ теченіи всей осени. Я ни мало не сомнѣваюсь, что на Волгѣ, ниже Астрахани, по всѣмъ ватагамъ, станамъ и тонямъ, во время весенняго хода рыбы, вытянутъ въ сутки частиковой рыбы по меньшей мѣрѣ столько же, сколько добываютъ въ теченіе цѣлаго года такъ называемой бѣлой рыбы на всей Печорѣ. Говоря это, я основываюсь

не только на видѣнномъ мною въ нынѣшнемъ году, который былъ очень неуловистъ, но и на разсказахъ самихъ жителей о золотыхъ прошедшихъ временахъ, богатство которыхъ народъ такъ склоненъ преувеличивать. Чтобы положенія мои не показались голословными, подтвержу ихъ примѣрами. При насъ у хутора, принадлежащаго зырянину Якову Кондратьевичу Чупрову (*), выселившемуся изъ Ижмы и поселившемуся на Печорѣ въ 80 верстахъ ниже Усть-Цильмы, при впаденіи въ нее рѣки Чукчи, утромъ 17-го августа былъ выметанъ мелкоячейный 100-саженный неводъ и имъ, какъ говорится, только процѣдили воду, т. е. не поймали буквально ни одной рыбы. Вечеромъ того же дня поймали тѣмъ же неводомъ десятка полтора зельдей (**) и одну щуку. Рыбаки, тутъ же бывшіе, закинули крупноячейный неводъ въ 120 сажень длиною и поймали только трехъ небольшихъ сижковъ. На другой день, недоѣзжая 10 верстъ до деревни Лемешекъ, рыбаки вытянули при насъ большимъ неводомъ только двухъ сижковъ. 19-го августа, 5 верстъ ниже Лемешекъ, опять-таки 120 саженнымъ неводомъ, поймали одного омуля и крошечнаго сижка. Подъѣзжая уже къ Пустозерской волости, на одномъ рыбачьемъ стану, я попробовалъ купить тоню, и когда не-

(*) Чупровъ — богатый человѣкъ, имѣющій до 1500 оленей и свой замшевый заводъ. Хуторъ его, съ большимъ двухэтажнымъ домомъ и разными хозяйственными заведеніями, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ составляетъ крайній сѣверный предѣлъ распространенія хлѣбопашества на Печорѣ. Въ нынѣшнемъ году произведенъ былъ первый опытъ посѣва ячменя, и такъ какъ 1859-ый годъ былъ во всей Архангельской губерніи необыкновенно урожайный, то опытъ удался превосходно. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи разсказать здѣсь о причинѣ, побудившей этого истинно достойнаго человѣка выселиться изъ своей родины. Подобно большей части богатыхъ ижемцевъ, Чупровъ былъ одержимъ непреодолимою страстью къ пьянству. Чувствуя весь вредъ этой слабости и не имѣя между тѣмъ силы противиться окружавшему его соблазну, онъ рѣшился оставить свою богатую Ижму и поселиться въ пустынномъ мѣстѣ, чтобы вдали отъ искушенія излѣчиться отъ своей пагубной склонности.

(**) Рыба, обыкновенно принимаемая за ряпушку и на видъ на нее похожая, но въ сущности отличная отъ нея. Она должна, какъ кажется, составить отдѣльный видъ въ родѣ сиговъ *(Coregonus)*.

водомъ въ 160 или 180 сажень вытащено было 30 фунтовъ сиговъ и омулей, то всѣ были удивлены такимъ счастливымъ ловомъ. Дѣйствительно и до этого, и послѣ этого неводъ былъ закидываемъ нѣсколько разъ на моихъ глазахъ, но ни разу не удавалось рыбакамъ поймать и половины этого количества. Конечно всѣ рыбаки жаловались на необыкновенно неудачный ловъ въ нынѣшнемъ году; въ прежніе года, говорили они, попадало въ каждую тоню не менѣе полусотни, и даже по сотнѣ омулей и сиговъ, т. е. до 4 и 5 пудовъ. Но самое понятіе, что такой ловъ обиленъ, показываетъ ясно, что Печора не можетъ считаться очень рыбною рѣкою. Во время экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства, подъ начальствомъ академика Бэра, намъ какъ-то случилось на одной тони, не вдалекѣ отъ Астрахани, присутствовать при вытягиваніи невода. Количество пойманной рыбы всѣхъ насъ изумило: рыбаки, выбравъ рыбу изъ невода, объявили, что было поймано около 7000 судаковъ и столько же лещей (прочую рыбу меньшей цѣнности: чехонь, воблу, тарань, бѣшенку выбрасывали вонъ). «Что же вы жалуетесь на неуловъ?» сказали мы имъ.—«Еслибы все такіе были уловы, батюшко,—возразили рыбаки,—то нашему хозяину не на что было бы и кафтана себѣ сшить.» Послѣ этого уже не можетъ быть и рѣчи о сравненіи Печоры съ Волгою, если даже и примемъ въ должное вниманіе, что невода на Волгѣ въ трое или въ четверо длинѣе и на столько же шире печорскихъ и что тамошніе рабаки нѣсколько поискуснѣе печорскихъ въ своемъ дѣлѣ. Вообще количество рыбы какъ на Печорѣ, такъ и на Бѣломъ морѣ таково, что, доставляя въ достаточномъ количествѣ непосредственную пищу для прибрежныхъ жителей, даетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность къ безбѣдному существованію посредствомъ сбыта остающагося за тѣмъ излишка; но здѣшнее рыболовство не можетъ составить предмета сосредоточенной, обширной промышленности. Единственное исключеніе оставляетъ ловъ сельдей въ Сороцкой губѣ, въ теченіе послѣдней половины ноября и въ декабрѣ. Въ насто-

ящемъ отчетѣ я еще не могу представить подробностей объ этомъ ловѣ, потому что для ознакомленія съ нимъ только недавно отправились г.г. Шульцъ и Никитинъ; по показанію же мѣстныхъ жителей, въ прошломъ 1858 году было продано покупщикамъ изъ Вологодской и Олонецкой губерній сельдей на сумму не менѣе 150.000 руб. Впрочемъ 1858-й годъ былъ годъ необыкновенно хорошій какъ по обилію лова, такъ и по сравнительнымъ цѣнамъ на сельдей. Если оцѣнить примѣрно 1000 рыбъ (2 пуда) въ 1 р. с., то уловъ 1858 года составлялъ 150.000.000 штукъ сельдей, или 300.000 пудовъ. Такъ какъ на Волгѣ бѣшенка тянетъ кругомъ по фунту и въ 1857 году было ея поймано въ нижней Волгѣ не менѣе 125.000.000 штукъ, то уловъ сороцкихъ сельдей, по вѣсу, не составляетъ и 10-й доли улова каспійской бѣшенки. Общую массу бѣломорскаго улова, поступающаго въ торговлю, нельзя положить свыше 600.000 пуд., т. е. вдвое противъ улова сороцкихъ сельдей, (именно: 200.000 пудъ на остальныхъ сельдей и 100.000 на семгу, навагу и прочую рыбу какъ Бѣлаго моря, такъ и Печоры). Общій вѣсъ каспійскаго улова нельзя оцѣнить менѣе, какъ въ $2^1/_2$ раза противъ вѣса улова бѣшенки, или въ 7.500.000 пудовъ (примѣрно) рыбы въ свѣжемъ видѣ; при этомъ мы тоже не вводимъ въ расчетъ рыбы, потребляемой на мѣстѣ. Слѣдственно уловъ Бѣлаго моря и Печоры составляетъ неболѣе $^1/_{12}$ или $^1/_{13}$ улова каспійскаго.

Г. академикомъ Бэромъ было выставлено, какъ результатъ долговременныхъ его изслѣдованій надъ рыболовствомъ и физіологическими условіями питанія и размноженія рыбъ, то вполнѣ раціональное начало, что количество рыбнаго запаса въ данномъ водоемѣ опредѣляется количествомъ заключающихся въ немъ питательныхъ веществъ, если только рыбамъ не противуполагаются преграды, препятствующія ходу ихъ въ мѣста, удобныя для выметыванія икры. Хотя принципъ этотъ со всею строгостью примѣняется только къ замкнутымъ водоемамъ, каковы прѣсноводныя озера или, напримѣръ, Каспійское море, однакоже нельзя не приз-

нать, что имъ же обусловливается, если не совершенно исключительно, то по крайней-мѣрѣ преимущественно, количество рыбнаго запаса и въ такихъ водоемахъ, которые, подобно Бѣлому морю, находятся въ непосредственномъ соединеніи съ открытымъ океаномъ. Теорія миграцій, допускающая, что рыбы, по какому-то непобѣдимому инстинкту, періодически совершаютъ, подобно птицамъ, огромныя путешествія, нынѣ оставлена всѣми авторитетами ихтіологіи. Такъ относительно сельдей, на которыхъ собственно и основывалась эта теорія, возстали противъ нея еще въ прошедшемъ столѣтіи Андерсонъ и Блохъ, а въ новѣйшее время вполнѣ опровергли ее Нильсонъ, Сундеваль и Валансіенъ. Относительно семги опытомъ доказано, что она возвращается метать икру въ тѣ рѣки, гдѣ вывелась. Здѣсь не зачѣмъ повторять доказательствъ, приводимыхъ вышепоименованными авторами; но въ своемъ мѣстѣ, именно когда буду говорить о породахъ рыбъ Бѣлаго моря, важныхъ въ экономическомъ отношеніи, я представлю факты изъ естественной исторіи рыбъ, несовмѣстные съ теоріей миграцій. Пока же мы можемъ принять за доказанное, что породы рыбъ, даже появляющіяся періодически, всегда живутъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ ловятъ, въ большихъ или меньшихъ массахъ, во время появленія для метанія икры или для другихъ какихъ-либо цѣлей, и скрываются остальное время въ сосѣдственныхъ глубинахъ. Но хотя рыбы и не имѣютъ того бродячаго или кочующаго характера, какой прежде приписывали имъ вообще и въ особенности нѣкоторымъ ихъ породамъ, однакожe нельзя утверждать, чтобы разныя неблагопріятныя обстоятельства, какъ напримѣръ: недостатокъ питательныхъ веществъ, порча воды, сильный и продолжительный шумъ (*) и т. п., не могли заставить

(*) Такъ въ журналахъ писали, что, во время осады Севастополя, рыбы, водившіяся прежде въ чрезвычайномъ изобиліи у Херсонезскаго полуострова, оставили эту часть крымскаго прибрежья, и что всѣ приписывали это дѣйствію оглушительной канонады.

нихъ удалиться съ мѣстъ обыкновеннаго пребыванія въ другія. И наоборотъ, подобныя же случайныя причины въ другихъ частяхъ моря могутъ заставить рыбу переселиться въ такую мѣстность, гдѣ ея прежде не было. Въ окончательномъ же результатѣ, рыбное населеніе всякаго водоема, даже если онъ находится въ сообщеніи съ океаномъ, соотвѣтствуетъ количеству имѣющихся въ водоемѣ питательныхъ веществъ, если только нѣтъ какихъ либо вредныхъ, противодѣйствующихъ вліяній и, въ особенности, если рыбѣ не противоставляется препятствій къ достиженію удобныхъ мѣстъ для метанія икры; ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ никакъ нельзя ожидать, чтобы проистекающая отъ такихъ препятствій убыль постоянно и правильно вознаграждалась притоками рыбы изъ другихъ частей моря.

Если отъ этихъ общихъ разсужденій мы перейдемъ въ частности къ Бѣлому морю и къ Печорѣ съ сосѣдственной ей частью океана, то уже изъ незначительности и разсѣянности прибрежнаго населенія можно заключить, что причина малорыбья не заключается въ излишнемъ выловѣ рыбы, ни въ преграждении ей свободнаго пути къ мѣстамъ, удобнымъ для метанія икры. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли какая нибудь возможность допустить, чтобы 3.000 душъ обоего пола, (это населеніе Пустозерской и Усть-Цилемской волостей), занимающихся рыболовствомъ на пространствѣ 200 или 300 верстъ по берегу моря и на протяженіи 400 верстъ вдоль по такой огромной рѣкѣ, какъ Печора, (раздѣляющейся къ томуже почти отъ самой Усть-Цильмы на рукава), могли воспрепятствовать размноженію рыбы? Тоже можно сказать и о Бѣломорскомъ прибрежьи. Невозможность эта сдѣлается еще очевиднѣе, если мы примемъ во вниманіе, что орудія этого лова большею частію малыхъ размѣровъ и не препятствуютъ проходу рыбы. Здѣсь нѣтъ ни рядовъ крючьевъ, лежащихъ, какъ на Волгѣ, передъ устьями рѣкъ и въ самыхъ рѣкахъ, нѣтъ гигантскихъ неводовъ, которыми можно перегораживать рѣки. (Самые большіе невода на Печорѣ не превосходятъ 200 саженъ и, слѣд., захватываютъ обыкновенно менѣе четверти

всей ширины рѣки). Если здѣсь и есть нѣкоторые способы лова, несообразные съ здравыми началами рыбнаго хозяйства (преимущественно при ловѣ семги, какъ увидимъ ниже), и которые непремѣнно должны быть выведены изъ употребленія, то ихъ должно считать не общимъ правиломъ, а сравнительно рѣдкимъ исключеніемъ. Итакъ для объясненія относительной малости запаса рыбы въ Бѣломъ морѣ и въ Печорѣ (*) остается принять одно: скудость въ питательныхъ веществахъ, вносимыхъ въ наши сѣверныя моря впадающими въ нихъ рѣками. Если мы припомнимъ выведенное нами выше отношеніе улова бѣломорскаго и печорскаго къ улову каспійскому, если далѣе примемъ въ соображеніе, что въ обѣихъ сравниваемыхъ мѣстностяхъ количество годичного улова равняется количеству подроста рыбы (**), что ежегодный подростъ пропорціоналенъ ежегодному притоку питательныхъ веществъ, и, наконецъ, что самый этотъ притокъ находится, между прочимъ, въ прямой зависимости отъ пространства земли, орошаемой рѣками, впадающими въ какое нибудь море, — то придемъ къ тому заключенію, что количество питательныхъ веществъ, приносимыхъ рѣками въ Бѣлое море и въ часть океана, лежащую

(*) Подъ именемъ Печоры я всегда буду разумѣть не только самую рѣку эту, но и часть моря, сосѣдственную съ устьемъ ея, гдѣ рыболовство производится припечорскими же жителями.

(**) Если это предположеніе было бы и несправедливо и можно бы предположить, что въ Каспійскомъ морѣ уловъ превышаетъ подростъ, то это конечно можетъ имѣть мѣсто единственно отъ недопущенія тамъ достаточнаго числа рыбы къ метанію икры на удобныхъ для сего мѣстахъ, (какъ это во многихъ случаяхъ и было доказано Каспійскою экспедиціею), въ слѣдствіе чего изъ всего количества ежегодно приносимыхъ въ море питательныхъ веществъ, не вся та доля, рядомъ превращеній матеріи, принимаетъ форму рыбьяго мяса, которая могла бы принять ее при болѣе раціональныхъ правилахъ тамошняго рыболовства. Съ другой стороны нельзя также принять, чтобы въ Бѣломъ морѣ и Печорѣ ежегодный выловъ былъ меньше ежегоднаго подроста, и тѣмъ объяснить сравнительную незначительность ежегоднаго въ нихъ улова; ибо въ такомъ случаѣ густота рыбьяго населенія въ нихъ бы увеличивалась, такъ что съ меньшими средствами достигались бы все большіе и большіе уловы, чего не замѣчается.

къ востоку отъ него до Уральскаго хребта (*), должно быть въ 12 или 13 разъ меньше количества, вносимаго въ Каспійское море. Бассейнъ Каспійскаго моря (35.000 миль) почти вдвое больше бассейна Бѣлаго моря и разсматриваемой нами части океана (около 19.000 миль: 12.000 Архангельской губерніи безъ острововъ, 7.000 Вологодской губерніи, части же Пермской и Олонецкой, также принадлежащія сюда, не введены въ расчетъ въ замѣнъ части бывшаго Кольскаго уѣзда, принадлежащей въ гидрографическомъ отношеніи къ невходящей въ наши соображенія части Сѣвернаго океана, лежащей къ западу отъ Святаго Носа); слѣдственно, при одинаковомъ пространствѣ, земли, принадлежащія къ бассейну морей, омывающихъ наши сѣверные берега, доставляютъ ему въ 6 или 7 разъ менѣе органическихъ веществъ, служащихъ къ удобренію моря, чѣмъ земли, входящія въ составъ бассейна Каспійскаго моря. Противъ этого вывода можно сдѣлать нѣсколько возраженій, отчасти, пожалуй, и справедливыхъ, но которыя однакожь не могутъ чувствительно измѣнить его въ цѣломъ. Напримѣръ, можно сказать, что не все количество питательныхъ веществъ, заключающееся въ морѣ, въ рѣкахъ и вообще въ водахъ, приносится въ нихъ съ земли,— что многое образуется растительными организмами непосредственно въ самой водѣ изъ составныхъ частей ея и атмосферы. Но, такъ какъ это образованіе происходитъ въ обоихъ случаяхъ, то оно нисколько не измѣняетъ выведеной выше пропорціи. Если даже и примемъ, что на югѣ, въ слѣдствіе мѣстныхъ и климатическихъ причинъ, этимъ путемъ образуется гораздо болѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ на сѣверѣ, то и это предположеніе весьма немного измѣнитъ нашъ выводъ, потому что пространство, занимаемое тѣми частями рѣчныхъ

(*) Уловъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ океанъ восточнѣе Печоры, какъ производимый припечорскими жителями, не можетъ быть отдѣленъ отъ улова собственно печорскаго. Уловъ же въ рѣкахъ и части моря, лежащихъ между Канинымъ Носомъ и Печорою, самъ по себѣ такъ незначителенъ, что не можетъ измѣнить дѣлаемыхъ нами выводовъ.

и морскихъ заливовъ и ильменей, гдѣ такое образованіе растительныхъ веществъ можетъ происходить, ничтожно въ сравненіи съ пространствомъ твердой земли, принадлежащей къ системѣ обоихъ сравниваемыхъ морей, ибо никто не станетъ утверждать, что такое образованіе растительныхъ веществъ происходитъ среди открытаго моря или въ самомъ стремени рѣкъ. Другое возраженіе можетъ состоять въ слѣдующемъ: рыбы не единственные жители моря, поэтому весьма возможно, что количество ихъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ отъ того такъ мало, сравнительно съ количествомъ живущихъ въ Каспійскомъ морѣ, что въ первыхъ, изъ общей массы питательныхъ веществъ, сравнительно больше удѣляется животнымъ изъ другихъ классовъ и несъѣдомымъ рыбамъ. Но, часто употребляя драгу, я имѣлъ случай убѣдиться, что хотя низшія животныя Бѣлаго моря и несравненно разнообразнѣе низшихъ животныхъ Каспійскаго, однако въ количественномъ отношеніи эти послѣднія нисколько не уступаютъ первымъ. Что же касается до несъѣдобныхъ рыбъ, то достаточно нѣсколько разъ взглянуть на вытягиваемые изъ моря невода или другія сѣти, чтобы убѣдиться, что количество этого рода рыбъ, сравнительно съ количествомъ считаемыхъ годными къ употребленію въ пищу, весьма мало. Само собою разумѣется, что я далекъ отъ мысли считать выведенное мною отношеніе между количествами питательныхъ веществъ, доставляемыхъ равными пространствами земли на сѣверѣ и въ бассейнѣ Каспійскаго моря, за совершенно точное; напротивъ, оно въ моихъ глазахъ только приблизительное и, притомъ, грубо приблизительное. Если бы, напримѣръ, точнѣйшее вычисленіе показало, что это отношеніе составляетъ не 1: 6 или 1: 7, а 1: 5 и даже 1: 4, то это было бы почти все равно для моей цѣли, состоящей единственно въ томъ, чтобы показать, возможно нагляднѣе, превосходство Каспійскаго моря передъ Бѣлымъ.

Такое превосходство кажется на первый взглядъ едва вѣроятнымъ. Ибо, между тѣмъ какъ въ бассейнѣ Каспійскаго

моря значительная часть какъ органическихъ продуктовъ, такъ и органическихъ остатковъ выдѣляется человѣкомъ изъ общаго, естественнаго круговорота матеріи въ свою непосредственную пользу, (огражденіемъ ихъ отъ сноса въ море потоками дождя, тающаго снѣга и разливами рѣкъ), зарывается глубоко въ землю и частію даже вывозится изъ страны, — въ бассейнѣ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана — естественный порядокъ вещей господствуетъ почти въ полной силѣ и органическіе остатки необозримыхъ лѣсовъ и болотъ, незадерживаемые дѣятельностью человѣка, должны, повидимому, въ окончательномъ результатѣ, сдѣлаться добычею рѣкъ и морей.

Въ одномъ гидрографическомъ описаніи нашихъ сѣверныхъ губерній, которое мнѣ случилось читать, выражено было удивленіе, почему наши сѣверныя рѣки по большей части мелководны, между тѣмъ какъ всѣ онѣ вытекаютъ изъ обширныхъ болотъ и по нимъ же протекаютъ, такъ что масса водъ, ихъ питающая, повидимому, очень значительна. Но здѣсь выпущено изъ виду то обстоятельство, что болота потому именно и болота, что масса воды, въ нихъ заключающаяся,не можетъ питать рѣкъ, а остается стоячею, не имѣя достаточнаго стока. Это же самое обстоятельство, т. е. слабость стока, объясняетъ намъ, почему и органическія вещества, какъ растворенныя въ водѣ болотъ, такъ и плавающія въ ней, по большей части не могутъ достигать рѣкъ, а слѣдовательно и моря. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь проѣхать по любой не гористой, а ровной и болотистой части Архангельской губерніи,—не вдоль рѣкъ, а отъ одной рѣки къ другой,—напримѣръ, сдѣлать, подобно мнѣ, поѣздку между Пезою и Мезенью, и между Мезенью и Кулоемъ. Здѣшнія рѣки текутъ какъ бы между двумя валами бо́льшей или меньшей высоты и ширины; все пространство за валами есть равнина, на взглядъ совершенно горизонтальная,—огромное болото, покрытое тонкимъ, низкорослымъ и рѣдкимъ лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ на протяженіи многихъ верстъ и совершенно безлѣсное. Хорошій лѣсъ находится только по

возвышенностямъ, т. е. по валамъ, сопровождающимъ рѣки или по такъ называемымъ здѣсь борамъ. Воды этихъ болотъ стекаютъ посредствомъ немногихъ павнъ, т. е. рѣчныхъ руслъ безъ береговъ, чувствительно отдѣляющихся отъ общей сплошной поверхности болота. Понятно, что въ такой мѣстности большая часть ниспадающей изъ атмосферы влаги, (въ видѣ дождя и снѣга), не стекаетъ рѣками въ море, а остается на мѣстѣ выпаденія, обращая ее въ болото. Итакъ, первая причина малаго количества питательныхъ веществъ, доставляемыхъ морю, лежитъ въ топографическихъ условіяхъ мѣстности. Вторая, не менѣе важная, заключается въ климатическихъ условіяхъ, именно въ недостаткѣ тепла. Въ сѣверныхъ болотахъ большая часть отжившихъ мховъ и травъ не обращается процессомъ разложенія въ растворимыя или мелкораздробленныя вещества, легко уносимыя водою, не разлагается и на составные газы, могущіе улетучиться въ атмосферѣ, а, напротивъ того, изъемлется изъ общаго круговорота органической матеріи, обращаясь въ торфъ, остающійся на самомъ мѣстѣ своего происхожденія. Ежегодно покрываясь все новыми и новыми слоями, торфъ сохраняетъ заключающееся въ немъ органическое вещество въ нетлѣнномъ (такъ сказать) видѣ на неопредѣленно долгія, пожалуй, на вѣчныя времена, если какая нибудь внѣшняя случайная причина не нарушитъ этого процесса. На югѣ тоже есть весьма обширныя болота, но въ нихъ нѣтъ значительныхъ массъ торфа: органическое вещество, отжившн свое время, не отлагается въ запасъ, а почти все растворяется, улетучивается и, такимъ образомъ, сравнительно быстро поступаетъ въ общій круговоротъ органической матеріи, на пищу новымъ растеніямъ или животнымъ. Во многихъ изъ сѣверныхъ рѣкъ вода въ большихъ массахъ имѣетъ темный, а въ малыхъ желтый цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ едва-ли не зависитъ отъ такъ называемыхъ гумиповыхъ (черноземистыхъ) веществъ. Въ этихъ послѣднихъ процессъ обугливанія принялъ такіе размѣры, при которыхъ вещества дѣлаются годными для непосредственнаго питанія не животныхъ организмовъ, а лишь

однихъ растительныхъ. Такимъ образомъ значительная доля изъ той даже части питательныхъ веществъ, которая не остается на мѣстѣ, а поступаетъ въ рѣки, должна претерпѣть длинный рядъ метоморфозъ, прежде чѣмъ сдѣлается годною для питанія рыбъ. Это ведетъ насъ къ третьей причинѣ, объясняющей намъ, почему изъ общей массы питательныхъ веществъ весьма значительная доля пропадетъ безъ прямой пользы для рыбъ. Причина эта—недостатокъ промежуточныхъ звеньевъ между растительными веществами и хищными животными, къ числу которыхъ принадлежатъ всѣ рыбы сѣверныхъ морей, озеръ и рѣкъ. Между прѣсноводными рыбами средней и южной Россіи наибольшее число принадлежитъ къ семейству сазановыхъ (Cyprinoidei), которое или исключительно, или главнѣйше питается растительными веществами и притомъ преимущественно такими, которыя находятся въ разлагающемся состояніи. На сѣверѣ членовъ этого обширнаго и въ высшей степени для человѣка полезнаго семейства почти вовсе нѣтъ, ибо если и попадаются язи, лещи, елцы, красноперки, то очень рѣдко. Ихъ замѣняетъ въ здѣшнихъ рѣкахъ родъ, принадлежащій къ семожьему семейству и составляющій, по наружкому виду, какъ бы переходъ отъ сего семейства къ семейству сазановому. Это — сиги (Coredonus), къ которымъ, кромѣ обыкновеннаго сига, попадающагося въ Невѣ и Ладожскимъ озерѣ, принадлежатъ между прочимъ: печорскій сигъ, омуль, пелядь, чиръ, нельма, ряпушка и двѣ рыбы, упомянутыя мною въ отчетѣ о путешествіи на Печору, зеледь и саурей. Во время поѣздки моей отъ села Кизи внизъ по Печорѣ и въ Голодную-губу, я замѣтилъ, что вода, какъ этого обширнаго озера, такъ и рукавовъ Печоры, была подернута толстымъ слоемъ зеленаго вещества. Сначала я думалъ, что имѣю предъ собою одну изъ тѣхъ простыхъ водорослей, которыя въ извѣстныя времена года окрашиваютъ зеленымъ цвѣтомъ огромныя пространства волжскихъ ильменей, но, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, я отказался отъ такого предположенія. Это было не органи-

зированное, а напротивъ того разлагающееся органическое вещество, обязанное своимъ происхожденіемъ травамъ, растущимъ по дну слабо текущихъ или стоячихъ водъ. Вещество это могло бы служить изобильною пищею для сазановидныхъ рыбъ, но ихъ точно также не было въ Голодной губѣ, какъ нѣтъ вообще въ сѣверныхъ рѣкахъ и озерахъ.

Послѣднее невыгодное къ размноженію рыбъ условіе заключается въ томъ, что здѣшнія рѣки, даже при устьяхъ своихъ, не представляютъ заливовъ, затоповъ и вообще мелкихъ затишей, гдѣ вода, нагрѣваясь сильнѣе обыкновеннаго, содѣйствуетъ къ размноженію маленькихъ ракообразныхъ животныхъ изъ отдѣла Entomostracea и личинокъ насѣкомыхъ, составляющихъ главную пищу молодыхъ рыбокъ. Правда, сѣверные края богаты нѣкоторыми породами насѣкомыхъ, проводящихъ первые возрасты своей жизни въ водѣ, напримѣръ—комарами, изумительно многочисленные рои которыхъ составляютъ истинное мученіе какъ для людей, такъ и для домашнихъ животныхъ, но они выводятся преимущественно въ болотахъ и слѣдовательно не приносятъ никакой пользы рыбамъ.

Таковы главнѣйшія причины, въ слѣдствіе которыхъ здѣшнія рѣки бѣдны рыбою. Если Двина имѣетъ достаточно рыбы для пропитанія прибрежныхъ жителей, а съ Печоры часть рыбы даже вывозится, то за то Мезень, напримѣръ, — рѣка по длинѣ своей весьма немаловажная, — не имѣетъ достаточно рыбы даже для продовольствія своихъ немногочисленныхъ прибрежныхъ жителей, которые поэтому принуждены покупать рыбу, привозимую съ Печоры, и треску. Въ Пезѣ и Цильмѣ, рѣкахъ, имѣющихъ по нѣскольку сотъ верстъ длины, почти вовсе нѣтъ рыбы, и прибрежныя деревеньки запасаются ею въ сосѣднихъ озерахъ. Г. Шульцъ тоже самое говоритъ о Вагѣ, гдѣ впрочемъ представляются и другія условія, кромѣ указанныхъ выше, вредящія размноженію рыбы; объ нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Всѣ рѣки, впадающія въ Бѣлое море по Поморскому берегу и въ Канда-

лакскій заливъ, почти безрыбны, (исключеніе составляетъ семга, временно въ нихъ подымающаяся), такъ что жители добываютъ всю свѣжую рыбу изъ моря. Въ лѣтнее время, когда мущины находятся или на Мурманскомъ (Лапландскомъ) берегу, или заняты сѣнокосомъ и другими работами, женщины и дѣвушки отправляются каждый вечеръ на небольшихъ лодкахъ въ море, чтобы въ теченіе ночи наловить свѣжей рыбы, сельдей или трески (въ Кандалакскомъ заливѣ) на слѣдующій день.

Озера, разсѣянныя въ большомъ числѣ какъ по тундрѣ, такъ и по лѣсамъ здѣшняго края, конечно гораздо изобильнѣе рыбою, чѣмъ рѣки. Это легко объясняется тѣмъ, что разъ попавшія въ озера питательныя вещества не уносятся далѣе, а по большей части остаются въ нихъ навсегда, такъ сказать капитализируются. Притомъ стоячая вода озеръ сильнѣе нагрѣвается, особливо въ мелкихъ заливахъ, въ которыхъ тутъ нѣтъ недостатка, и, слѣдовательно, представляетъ болѣе благопріятныхъ условій для образованія личинокъ насѣкомыхъ и маленькихъ ракообразныхъ животныхъ, чѣмъ рѣчная. Но, несмотря на это, я убѣжденъ, что одно Черхальское морце, лежащее въ Киргизской степи верстахъ въ 80 отъ Уральска и имѣющее не болѣе 60 верстъ въ окружности, доставляетъ столько же рыбы, сколько всѣ озера Архангельской губерніи въ совокупности. По тѣ же причины, которыя обусловливаютъ бо́льшее изобиліе рыбы въ озерахъ сравнительно съ рѣками, дѣйствуютъ и въ морѣ. Вносимыя растительныя вещества должны скопляться въ немъ, если количество ихъ, вылавливаемое человѣкомъ и птицами въ видѣ рыбы и другихъ морскихъ животныхъ, меньше того, которое вносится рѣками, — и безъ сомнѣнія они дѣйствительно скоплялись въ немъ въ теченіи вѣковъ, подобно тому, какъ скоплялись соли, которыя рѣки, выщелачивая почву, мало по малу въ него вносили. Выше мы видѣли, что въ Бѣломъ морѣ это вылавливаемое человѣкомъ количество не велико и что есть основаніе полагать, что въ немъ установилось уже равновѣсіе между вносимыми

въ него питательными веществами и выловомъ. Но здѣсь невольно, само собою представляется вопросъ: какъ же объяснить выловъ огромнаго количества трески, въ теченіи многихъ вѣковъ и безъ замѣтнаго уменьшенія, у береговъ Норвегіи и у нашего Лапландскаго берега? Вѣдь невозможно же допустить, что рѣки Норвегіи и нашей Лапландіи доставляютъ въ море болѣе органическихъ веществъ, чѣмъ рѣки бѣломорскаго бассейна? Мнѣ кажется, что таже причина, которая значительно утепляетъ климатъ Норвегіи,— т. е. токъ теплой воды, (Гольфстромъ), начинающійся изъ Мексиканскаго залива, куда вливается множество рѣкъ, протекающихъ по богатымъ органическою жизнью равнинамъ сѣверной и южной Америки,—условливаетъ и богатство, въ питательныхъ веществахъ, частей моря, омывающихъ берега Норвегіи. Частью этихъ благодѣяній, доставляемыхъ Гольфстромомъ, пользуется и наше Мурманское прибрежье. Предположеніе наше покажется еще вѣроятнѣе, если вспомнимъ, что другая мѣстность, еще болѣе Норвегіи знаменитая по огромному количеству ловимой въ ней трески, — Ньюфаундлендская отмель тоже лежитъ на пути Гольфстрома. Треска, всегда толпящаяся густыми стаями, необходимо предполагаетъ, что пища ея находится въ скученномъ, сосредоточенномъ видѣ. Этимъ же, мнѣ кажется, объясняется, почему къ востоку отъ Колгуева, гдѣ бѣдная природа сѣвера предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ, треска совершенно исчезаетъ. Замѣчу еще, что появленіе трески въ необыкновенно густыхъ стаяхъ у береговъ Норвегіи и Ньюфаундлендскихъ острововъ нельзя объяснять тѣмъ, что банки у Лофоденскихъ острововъ и Ньюфаундленда представляютъ рыбамъ въ высшей степени удобныя мѣста для метанія икры; (объясненіе это на первый разъ кажется тѣмъ болѣе достаточнымъ, что во время метанія икры рыба почти вовсе ничего не ѣстъ). Этимъ объясненіемъ нельзя удовольствоваться потому, что и въ остальное время треска не уходитъ далеко отъ этихъ мѣстъ, а только погружается на бо́льшую глубину, какъ

это, по крайней мѣрѣ для Норвегіи, вполнѣ доказано положительными опытами,—именно тѣмъ, что тамошнимъ рыбакамъ, дабы добыть треску не во время метанія ею икры, стоитъ только поглубже опустить крючья или сѣти.

Противъ представленныхъ мною здѣсь соображеній не можетъ служить опроверженіемъ то, что во многихъ мѣстахъ арктическихъ морей, гдѣ не ощущается никакого вліянія ни Гольфстрома, ни другаго какаго либо теплаго теченія, — животная океаническая жизнь изумляетъ своимъ обиліемъ. (Такъ, напримѣръ, порода крылоногихъ молюсковъ, извѣстная подъ систематическимъ названіемъ Clio borealis, по описаніямъ полярныхъ плавателей, покрываетъ иногда на необозримое пространство поверхность океана и служитъ главнѣйшею пищею китовъ (*).) Но я уже сказалъ, что органическія вещества, вносимыя въ море, должны необходимо въ немъ скопляться, если только органическая жизнь въ немъ совершается въ замкнутомъ кругѣ, т. е. если изъ него мало извлекается человѣкомъ и неводяными животными; а въ полярномъ океанѣ дѣло именно такъ и происходитъ. Прежде, когда полагали, что неисчислимые легіоны сельдей, ежегодно появляющихся у всѣхъ западныхъ береговъ Европы до устья Луары или до Бискайскаго залива, выходили изъ глубины полярныхъ морей и, будучи выловлены человѣкомъ и хищными водяными птицами, лишь незначительною долею возвращались въ свои ледяныя убѣжища, дѣйствительно трудно было понять, почему наконецъ не оскудѣетъ жизнь въ этихъ широтахъ. Но теперь признано, что сельди постоянно остаются въ сосѣдствѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ появляются на поверхности воды, и только на время скрываются въ глубинѣ. Слѣдовательно оказывается, что и эта рыба, живущая подобно трескѣ огромными стаями, встрѣчается въ изумительномъ количествѣ только въ тѣхъ частяхъ, которыя лежатъ въ умѣ-

---

(*) Порода этихъ красивыхъ животныхъ встрѣчается и въ Бѣломъ морѣ, но только единично.

ренномъ поясѣ морей, подверженыхъ вліянію Гольфстрома, именно: у береговъ Норвегіи, Швеціи, Британскихъ острововъ и сѣверо-западной Франціи. И замѣчательно, что нигдѣ въ умѣренныхъ полосахъ нѣтъ такого огромнаго лова рыбы, какъ ловъ сельдей и трески въ названныхъ мною мѣстахъ. Соперничать съ этими мѣстностями въ отношеніи рыбнаго богатства могутъ только тропическія моря да наше Каспійское. Остается, правда, на сѣверѣ ловъ китовъ; но, не говоря уже о томъ, что нѣсколько сотъ этихъ животныхъ, какъ они ни огромны, не могутъ значительно измѣнить нашего положенія о замкнутости круга органической жизни въ полярномъ океанѣ, примемъ во вниманіе и то, что вѣдь только жиръ да усы китовъ извлекаются изъ моря, вся же остальная туша остается въ немъ. Тоже должно сказать и о прочихъ породахъ морскихъ звѣрей: тюленяхъ, моржахъ и дельфинахъ, составляющихъ предметъ сѣверныхъ морскихъ промысловъ.

Въ заключеніе этого общаго очерка естественныхъ условій, въ которыхъ находятся сѣверныя воды вообще и въ частности Бѣлое море и рѣки, орошающія Архангельскую губернію, я замѣчу, что условія эти зависятъ отъ причинъ столь общихъ, что въ главныхъ чертахъ они измѣниться не могутъ, и что, слѣдовательно, воды эти никогда не будутъ въ состояніи постоянно доставлять рыбы много болѣе того, чѣмъ сколько доставляютъ теперь. Никогда онѣ не сравняются съ водами, болѣе благопріятствуемыми природою. Но въ противность тому, что замѣчается въ большей части другихъ странъ, гдѣ съ успѣхами культуры уловы обыкновенно уменьшаются, потому что уменьшается удобреніе, доставляемое почвою водамъ, здѣсь, на сѣверѣ, отъ будущихъ успѣховъ населенности и культуры должно, на оборотъ, ожидать постояннаго, хотя и слабо ощутительнаго, медленнаго возрастанія количества питательныхъ веществъ, вносимыхъ въ рѣки и моря, а слѣдовательно и пропорціональнаго увеличенія животной жизни,—увеличенія, доля котораго должна упасть и на рыбъ, если только рыбное хозяйство будетъ производиться раціо-

нально; т. е. если достаточному количеству различныхъ породъ рыбъ будетъ данъ свободный доступъ къ мѣстамъ, удобнымъ для метанія икры, и если не будутъ вылавливаемы въ большемъ количествѣ рыбы, недостигшія еще того возраста, въ которомъ онѣ становятся способными къ размноженію своей породы. Такого благопріятнаго дѣйствія можно ожидать потому, что успѣхи культуры невозможны безъ осушенія болотъ, а это послѣднее можетъ быть произведено только тогда, когда данъ будетъ стокъ стоячей болотной водѣ, а вмѣстѣ съ нею и растворенныхъ, или плавающимъ въ ней органическимъ веществамъ.

Послѣ этихъ общихъ соображеній о количествѣ уловов и запаса рыбы въ Бѣломъ морѣ и Печорѣ, и указанія причинъ, почему они, говоря сравнительно, такъ невелики, намъ предстоитъ обратиться къ двумъ другимъ точкамъ воззрѣнія на предметъ изслѣдованій экспедиціи, но такъ какъ по существу своему они не допускаютъ изложенія въ общихъ чертахъ, то въ этой, первой части отчета я коснусь ихъ только слегка.

2) Распредѣленіе продуктовъ рыбной промышленности какъ между жителями деревень приморскихъ и лежащихъ близь устій рѣкъ, такъ и между этими селеніями и тѣми, которыя расположены далѣе отъ моря и выше по рѣкамъ, говоря вообще, довольно справедливо, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ русскій человѣкъ имѣлъ возможность распорядиться организаціею своего труда сообразно своимъ наклонностямъ и своимъ понятіямъ о правѣ пользованія дарами природы, онъ сдѣлалъ это на началахъ не индивидуальной, а общинной собственности, служащей у него основаніемъ лежащихъ на немъ повинностей. Но такъ какъ всѣ здѣшнія поселенія разбросаны отдѣльными кучками по необозримому пространству губерніи и потому имѣютъ очень мало связи между собою, то правила, по которымъ производится рыбная промышленность и распредѣляются продукты ея, до крайности разнообразны. Въ слѣдствіе тѣхъ же причинъ каждое изъ такихъ поселеній составляетъ отдѣльное самосто

ятельное цѣлое, а не сливается, по отношенію къ общинному пользованію водами, въ одно цѣлое съ другими, дабы, какъ на Уралѣ, дѣйствовать по общему плану, соотвѣтствующему наибольшей выгодѣ большинства. Отъ этого иногда является противуположность въ интересахъ жителей различныхъ деревень; какъ напримѣръ: между жителями селеній Сороки, Шижни, Сухаго Наволока и Выгскаго острова — съ одной стороны, и корелами, живущими отъ нихъ въ глубь страны,—съ другой; между жителями деревни Немнюги (на рѣкѣ того же имени, впадающей справа въ Кулой) и Долгой Щели (на самомъ Кулоѣ, въ 30 верстахъ отъ впаденія его въ море), о чемъ будетъ въ подробности сказано въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, говоря вообще, эта противоположность интересовъ между низовыми и верховыми жителями той же рѣки, столь сильная вездѣ, гдѣ они не соединены общею методою рыбнаго хозяйства, какъ на Уралѣ, здѣсь не имѣетъ большаго значенія, частію отъ причинъ чисто физическихъ (*), частію же отъ того, что жители, поселившіеся вдоль теченія одной и той же рѣки, составляютъ обыкновенно одну общину, какъ напримѣръ, сёла Варзуха и Кузомень.

3) Наконецъ относительно технической части какъ самаго рыболовства, такъ и приготовленія продуктовъ его, должно сказать, что она стоитъ на гораздо низшей степени, чѣмъ въ Астрахани и вообще на Каспійскомъ морѣ. Что касается до самаго лова, то это зависитъ отъ того, что здѣшніе жители не исключительно рыболовы, а по крайней мѣрѣ въ такой же степени мореходы, торговцы, охотники, а отчасти и земледѣльцы. Это отражается и въ томъ, что

(*) Какъ, напримѣръ, на Печорѣ, гдѣ огромность рѣки не позволяетъ Пустозерской волости присвоить себѣ излишней доли въ ловѣ, въ ущербъ усть-цилемцамъ; притомъ, если пустозеры и пользуются большими выгодами, чѣмъ верховые жители, то совершенно справедливо, ибо сѣверное положеніе ихъ волости, которая вся лежитъ уже за полярнымъ кругомъ, совершенно не позволяетъ имъ заниматься земледѣліемъ, еще приносящимъ нѣкоторыя выгоды въ Усть-Цильмѣ.

здѣшніе рыбаки далеко не съ такою точностью отличаютъ различныя породы рыбъ, какъ Каспійскіе. Послѣдніе безошибочно называютъ съ перваго же взгляда не только каждую породу рыбы, но и различныя помѣси, встрѣчающіяся между породами красной рыбы и извѣстныя подъ именемъ шиповъ съ различными прилагательными, какъ-то: севрюжьихъ, стерляжьихъ, бѣлужьихъ и осетровыхъ, что очень трудно и требуетъ большаго навыка и наглядности. Здѣшніеже рыбаки, не говоря уже о томъ, что для нихъ всѣ рыбы, неупотребляемыя въ пищу, какъ-бы не существуютъ, плохо отличаютъ и тѣхъ изъ съѣдобныхъ рыбъ, которыя похожи между собою. Такъ, напримѣръ, они нисколько не отличаютъ различныхъ сортовъ камбалъ, тогда какъ здѣсь есть два существенно отличныхъ вида и одна разновидность, признаваемая нѣкоторыми учеными за самостоятельный видъ (Pleuronectes Flesus L., Pleuronectes Platessa L. и Pleuronectes Dvinensis Liljeb). Точно также на Печорѣ обыкновенно спутываютъ породы находящихся въ ней сиговъ. Конечно и здѣсь есть рыбаки по страсти, которые очень хорошо знаютъ и отличаютъ всѣхъ попадающихся имъ рыбъ, но такихъ немного. Я упомянулъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, потому что умѣнье вѣрно различать породы ловимыхъ рыбъ есть вѣрный признакъ хорошаго рыбака, подобно тому, какъ знаніе всѣхъ породъ дичи и умѣнье различать птицъ даже по полету составляютъ необходимую принадлежность истиннаго охотника.

Другая причина, почему здѣшніе рыбаки и, именно, бѣломорскіе, ниже каспійскихъ, заключается въ томъ, что самый опытный народъ съ Поморскаго края и съ другихъ береговъ уходитъ для лова трески на Мурманъ; объ нихъ я пока ничего не говорю, потому что степень ихъ искусства мнѣ еще неизвѣстна. Но не только способъ употребленія рыболовныхъ орудій, даже и самыя эти орудія здѣсь и менѣе разнообразны, и менѣе усовершенствованы, чѣмъ на Волгѣ, гдѣ, напримѣръ, каждый неводъ кроится сообразно съ очертаніемъ дна той мѣстности, на которой онъ исключительно

и употребляется; на сѣверѣ же всѣ невода одинаковой ширины на всемъ своемъ протяженіи и отличаются между собою только длиною. Такое худшее устройство орудій замѣчается даже и у тѣхъ хозяевъ, средства которыхъ дозволяли бы имѣть лучшія. Причина этого заключается отчасти въ дороговизнѣ первоначальнаго матеріала, т. е. пеньки, а отчасти въ томъ, что здѣшніе жители сами вяжутъ сѣти, тогда какъ въ Астрахани онѣ только сшиваются изъ готовыхъ сѣтяпыхъ полотенъ, приговляемыхъ спеціально занимающимися этимъ дѣломъ людьми, преимущественно въ Нижегородской губерніи. Но такое раздѣленіе труда возможно лишь при огромныхъ размѣрахъ каспійскаго рыболовства. Притомъ незначительность сѣверныхъ улововъ не позволяетъ имѣть скроенныхъ по мѣстности неводовъ, ибо съ однимъ и тѣмъ же неводомъ приходится переходить съ мѣста на мѣсто.

Что касается до приготовленія рыбныхъ продуктовъ, то объ этомъ всего менѣе можно сказать хорошаго. За исключеніемъ соловецкихъ сельдей, да онежской и двинской семги, вся остальная рыба солится дурно. Въ особенности должно это сказать о печорской семгѣ, которая по своимъ природнымъ качествамъ жирнѣе и нѣжнѣе онежской и двинской. Коптятся сельди, (что дѣлается только въ Сорокѣ и окрестныхъ деревняхъ), тоже дурно. Тѣмъ не менѣе я не стану, по примѣру почти всѣхъ писавшихъ объ архангельскихъ рыбныхъ промыслахъ, обвинять за это здѣшній народъ въ невѣжественномъ равнодушіи къ своему дѣлу и своимъ пользамъ, въ какомъ-то грубомъ коснѣніи. Впрочемъ едва ли не тоже говорится и по всякому поводу, когда рѣчь заходитъ о русскомъ крестьянинѣ, въ отношеніи къ которому эти фразы сдѣлались какими-то стеоретипными. Напротивъ, совершенно другія качества поразили меня въ здѣшнихъ крестьянахъ; именно—необыкновенная въ ихъ сословіи развитость, ясное пониманіе своихъ выгодъ, предпріимчивость и охота перенимать все полезное. Дурное приготовленіе рыбы здѣшними промышленниками зависитъ отъ

тѣхъ условій сбыта, въ которыхъ они находятся и измѣнить которыя не въ ихъ власти, хотя они это и пытались. Все дѣло объясняется весьма просто и ясно тѣмъ, что лишніе труды и издержки на усовершенствованіе продукта не вознаграждаются соотвѣтственно большими выгодами.

Высказавъ всѣ главнѣйшія общія мысли, почерпнутыя мною изъ тщательнаго изученія бѣломорской и печорской рыбной промышленности, перехожу теперь къ частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ отраслей этой промышленности, составляющему какъ развитіе, такъ и фактическое потвержденіе положеній, высказанныхъ мною въ этомъ первомъ, общемъ отдѣлѣ. При этомъ гораздо удобнѣе говорить отдѣльно о рыболовствѣ въ Бѣломъ морѣ и о рыболовствѣ на Печорѣ, потому что обѣ эти мѣстности, отдаленныя одна отъ другой семисотъ-верстнымъ разстояніемъ, совершенно отличны какъ по породамъ живущихъ въ нихъ рыбъ, такъ и по путямъ сбыта и общему характеру производимой въ нихъ рыбной промышленности. Наконецъ такъ какъ естественныя условія жизни рыбъ, организація и способы лова ихъ, приготовленіе рыбнаго товара и мѣста сбыта его совершенно различны для каждой изъ главныхъ въ промышленномъ отношеніи породъ Бѣломорскихъ рыбъ, то обзоръ рыбной промышленности въ первой изъ двухъ названныхъ мѣстностей слѣдуетъ подраздѣлить на нѣсколько отдѣленій, по числу этихъ породъ рыбъ.

II. Бѣлое море.

Начну изложеніе результатовъ, добытыхъ досслѣ экспедиціею о рыболовствѣ въ Бѣломъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ, перечисленіемъ тѣхъ изъ живущихъ въ немъ рыбъ, которыя употребляются въ пищу. Онѣ суть: 1) *Окунь* (Perca fluviatilis. Lin.), во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море; встрѣчается, хотя и рѣдко, въ Печорѣ. 2) *Ершъ* (Acerina vulgaris. Cuv.), въ большей части рѣкъ, впадаю-

щихъ въ Бѣлое море,—на Печорѣ и въ Голодной губѣ. 3) и 4) *Ревца* или *керча* (Cottus quadricornis. Lin. и Cottus scorpius. Lin.); первая изъ этихъ породъ употребляется въ пищу только близь Архангельска, и то въ случаѣ недостатка другой рыбы; въ прочихъ же мѣстахъ Бѣлаго моря ихъ не ѣдятъ. Здѣшними жителями эти двѣ породы не различаются, впрочемъ второй изъ нихъ я не встрѣчалъ въ части моря, сосѣдней Архангельску. 5) *Зубатка* (Anarrhichas Lupus. Lin.); въ Кандалакской губѣ и вѣроятно, въ сѣверной части моря. 6) *Карась* (Cyprinus carassius. Lin.), въ озерахъ, а также и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, какъ, напримѣръ, въ Пезѣ. 7) *Линь* (Tinca vulgaris. Cuv.), рѣдко въ озерахъ близь Архангельска. 8) *Пестушь* (Gobio fluviatilis. Willughby.), въ другихъ мѣстахъ Россіи извѣстенъ подъ именемъ пискаря; встрѣчался мнѣ въ Мезенѣ и Пезѣ. 9) *Елецъ* (Leuciscus grislagine. Arted.), въ Пезѣ и Цильмѣ. 10) *Язь* (Leuciscus Idus. Lin.), въ Двинѣ и прочихъ рѣкахъ, а также изрѣдка въ Печорѣ. 11) *Подъязикъ* (Leuciscus latifrons. Nilss.), вмѣстѣ съ яземъ. 12) *Сорога* (Leuciscus rutilus. Lin.), во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, а также и въ Печорѣ. Это самая обыкновенная здѣсь рыба изъ семейства сазановыхъ (Cyprinoidei). 13) *Лещь* (Abramis brama. Lin.), въ озерахъ, въ Двинѣ, весьма рѣдко въ озерахъ Печорскаго края. 14) *Подлещикъ* (Abramis Blicca. Bloch.) тамъ же, гдѣ и лещь, но рыбаками отъ него не отличается, такъ что собственно подлещикомъ называютъ они маленькихъ рыбъ обѣихъ породъ. 15) *Уклейка* (Aspius alburnus. Agass.), въ Двинѣ. 16) *Щука* (Esox lucius. Lin.) одна изъ самыхъ обыкновенныхъ рыбъ какъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, такъ и въ Печорѣ. 17) *Семга* (Salmo Salar. Lin.) поднимается изъ моря въ Варзуху, Онегу, Двину, Мезень, Печору и большую часть прочихъ рѣкъ, впадающихъ какъ въ Бѣлое море, такъ и въ океанъ, но, начиная отъ рѣки Черной, далѣе къ востоку уже не встрѣчается; такъ ея нѣтъ ни въ Карѣ, ни въ Оби. 18) *Кумжа*; ловимая подъ этимъ названіемъ рыба въ рѣкахъ, впадающихъ въ Онеж-

скій и Кандалакскій заливы, куда она поднимается подобно семгѣ изъ моря, есть Salmo trutta Линнея по Нильсону, Fario argenteus Valenciennes. 19) Подъ именемъ *кумжи* же извѣстна здѣсь форель (Salmo Fario. Lin. Salar Ausonii. Valenciennes.), попадающая весьма рѣдко въ чистыхъ и быстрыхъ рѣкахъ югозападнаго берега Бѣлаго моря и видѣнная мною только въ одномъ экземплярѣ въ рѣкѣ Варзухѣ (*). 20) *Корюшка*, по здѣшнему *корешокъ* (Osmerus Eperlanus. Lin.), въ большомъ количествѣ въ морѣ близь устьевъ Двины и другихъ рѣкъ, въ которыя идетъ раннею весною метать икру (**). 21) *Харіусъ* (Thymallus vexillifer. Agass.) въ небольшихъ чистыхъ и быстрыхъ рѣкахъ какъ бѣломорской, такъ и печорской системъ. 22) *Сигъ* (Coregonus oxyrhynchus. Lin.) и именно та разновидность, къ которой Нильсонъ причисляетъ Coregonus maraena (Bloch). Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ рыбъ въ Двинѣ и въ прочихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море. Печорскій сигъ совершенно другая рыба. 23) *Нельма* (Coregonus leucichtys. Pall.) весьма обыкновенна какъ въ Двинѣ и ея притокахъ, такъ и въ Печорѣ. 24) *Сельдь* (Clupea harengus. Lin.) только въ Бѣломъ

(*) Подъ именемъ же кумжи привозятъ въ Архангельскъ другую рыбу изъ Индеги и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ океанъ между Бѣлымъ моремъ и Печорою. Я до сихъ поръ видѣлъ ее только соленою и полагаю, что это есть *Salmo ferox (Jardine); Salar ferox (Valenciennes)*. Наконецъ подъ именемъ же кумжи описана Палласомъ еще рыба *Salmo leucomenis (Pall)*. Хотя онъ говоритъ, что она ловится и вдоль береговъ Архангельской губерніи до Карскаго залива,—но, вѣроятно, Палласъ былъ введенъ въ заблужденіе названіемъ кумжи, которое дается русскими на Бѣломъ морѣ, въ части Сѣвернаго океана, омывающей берега Архангельской губерніи, и въ Сибири совершенно различнымъ рыбамъ. *Salmo leucomenis* у береговъ Архангельской губерніи вовсе нѣтъ.

(**) Эта рыба представляетъ двѣ разновидности, изъ коихъ одна живетъ въ морѣ—*собственно корюшка (Salmo Eperlano-marinus. Bloch; Salmo Eperlanus. Pall.)*, а другая въ прѣсноводныхъ озерахъ—*снѣтокъ (Salmo Eperlanus. Bloch; Salmo Spirinchus. Pall.)*, которыя отличаются между собою лишь одною величиною. Въ Голодной губѣ, близь устьевъ Печоры, есть рыба, извѣстная тамъ подъ именемъ *нагыша*; это средняя форма между корюшкою и снѣткомъ.

морѣ и преимущественно въ южной и западной частяхъ его, именно отъ устьевъ Двины вдоль всего Лѣтняго, Онежскаго, Поморскаго и югозападной части Кандалакскаго береговъ; на сѣверномъ берегу Кандалакскаго залива и по Терскому берегу ея очень мало, по Зимнему же берегу, на востокъ отъ устьевъ Двины, и во всемъ Мезенскомъ заливѣ ея вовсе нѣтъ, и только изрѣдка, какъ бы случайно, попадается опять у Канина. Въ океанѣ же, къ востоку отъ Канина, сельдей совершенно нѣтъ. 25) *Треска* и именно мелкая разновидность ея, извѣстная здѣсь подъ мѣстнымъ названіемъ *пертуя* (Gadus Morrhua и Gadus Callarias. Lin.) въ Бѣломъ морѣ только въ Кандалакскомъ заливѣ; рѣдко попадается, по словамъ мезенскихъ жителей, и у Канина; восточнѣе Колгуева эта порода не распространяется и въ океанѣ. 26) *Навага* (Gadus Navaga. Koelreiter.) во всемъ Бѣломъ морѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ за исключеніемъ Кандалакскаго залива. По словамъ рыбаковъ, на Мурманскомъ берегу она составляетъ рѣдкость, тогда какъ на востокъ отъ Бѣлаго моря она встрѣчается вездѣ до самаго устья рѣки Кары. Изъ этого видно, что навага и треска какъ бы исключаютъ другъ друга, или суть замѣняющія одна другую породы. 27) *Сайка* (Gadus Saida. Lepechin.) Эта рыба въ родѣ наваги, но гораздо хуже ея вкусомъ. Она преимущественно водится въ Мезенскомъ заливѣ и далѣе на востокъ, но есть и въ другихъ частяхъ Бѣлаго моря, гдѣ встрѣчается навага. Систематическое названіе, данное ей Лепехинымъ, ошибочно, вѣроятно вслѣдствіе описки, потому что сайда совершенно иная рыба, принадлежащая къ большимъ породамъ тресковаго рода и водящаяся на Мурманскомъ берегу и въ Норвегіи, — въ Бѣломъ же морѣ ея, сколько извѣстно, нѣтъ. Кажется, что это Gadus Virens. Lin. Поэтому сайку надо бы назвать Gadus Saika. 28) *Налимъ* (Lota vulgaris. Cuv.), во всѣхъ рѣкахъ бѣломорскихъ и въ Печорѣ въ большомъ изобиліи и достигаетъ здѣсь чрезвычайной величины. 29) и 30) *Камбала* (Pleuronectes Platessa. Lin. и Pleuronectes Flesus. Lin.). Какъ я имѣлъ уже

случаі̆ упомянуть, здѣшніе рыбаки не различаютъ двухъ водящихся здѣсь породъ камбалъ; обѣ онѣ во множествѣ встрѣчаются какъ въ Бѣломъ морѣ, такъ и далѣе на востокъ. 31) *Стерлядь* (Acipenser ruthenus. Lin.) находится теперь въ довольно большомъ количествѣ въ Двинѣ, а также и въ притокахъ ея Вагѣ и Сухонѣ. Она зашла лѣтъ около тридцати тому назадъ изъ Камы черезъ Сѣверо-Екатерининскій каналъ въ Вычегду, а черезъ нее и въ прочія рѣки Двинской системы. Иногда здѣсь попадались и случайно зашедшіе осетры, но они здѣсь не развелись и потому не могутъ быть присоединены къ числу рыбъ бѣломорской системы водъ. 32) *Минога* (Petromyson fluviatilis. Lin.) попадается во многихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, но всего болѣе, кажется, ея въ Онегѣ, гдѣ она составляетъ предметъ промысла.

Изъ этихъ рыбъ первостепенное экономическое значеніе имѣютъ только сельди и семга. Кромѣ нихъ, предметъ вывоза составляютъ еще: навага—въ довольно большомъ количествѣ, стерлядь—въ гораздо меньшемъ, (ее пріѣзжаютъ закупать изъ Петербурга и доставляютъ туда живою), и миноги, которыя въ Онегѣ маринуются въ уксусѣ и отсылаются въ Петербургъ. Всѣ прочія поименованныя мною рыбы составляютъ лишь предметъ мѣстнаго потребленія. Я буду отдѣльно говорить сначала о сельдяхъ, потомъ о семгѣ, за тѣмъ о навагѣ и прочихъ морскихъ рыбахъ меньшей важности и наконецъ о рѣчныхъ и озерныхъ рыбахъ.

А. Сельдь.

Въ Бѣломъ морѣ только одинъ видъ сельдей—собственно такъ называемая сельдь (Clupea harengus Lin.), какъ это видно уже изъ представленнаго мною перечня съѣдобныхъ породъ рыбъ въ этомъ морѣ. Если въ нѣкоторыхъ, даже весьма уважаемыхъ, конечно незоологическихъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, въ статистическомъ «Обозрѣніи Внѣшней

Торговли Россіи» г. Небольсина, говорится, что въ Бѣломъ морѣ есть сардинка (Clurea pilchardus. Bloch.) и килька (Clurea sprattus. Lin), то это произошло, вѣроятно, отъ того, что авторы ихъ почерпали свои свѣдѣнія изъ статей, составленныхъ людьми, неимѣвшими ни малѣйшаго понятія о зоологическомъ различеніи породъ животныхъ. Но этотъ единственный видъ раздѣляется покрайней мѣрѣ на двѣ разновидности, отличающіяся между собою величиною и мѣстомъ своего жительства, такъ что онѣ между собою не смѣшиваются. Первая изъ этихъ разновидностей такъ мелка, что величиною только немного превосходитъ кильку (Clupea sprattus. Lin.), и имѣетъ обыкновенно отъ 6 до $7^1/_2$ дюймовъ въ длину; тысяча штукъ ихъ, въ свѣжемъ видѣ, вѣситъ не болѣе 2 или $2^1/_2$ пудъ. Именно, въ началѣ лова, когда сельдь еще не выпустила икры и молокъ, она нѣсколько тяжелѣе, къ концу же лова, по выпускѣ икры и молокъ, становится нѣсколько легче. Она-то идетъ огромными массами съ начала ноября или даже конца октября преимущественно въ Сороцкую губу, гдѣ съ этого времени до Крещенья, (когда сельдь эта пропадаетъ, т. е. скрывается въ глубину, какъ весьма справедливо замѣчаютъ туземцы), производится ловъ ея жителями четырехъ деревень: Сороки, Шизни, Сухаго Наволока, лежащихъ при морѣ, и Выгскаго Острова, находящагося въ 8 верстахъ вверхъ по рѣкѣ Выгу, впадающей при Сорокѣ въ море. Лѣтъ 45 тому назадъ она шла большими же массами въ Покровскую губу, лежащую въ 10 верстахъ къ востоку отъ устья Онеги, потомъ почти совершенно перестала посѣщать эту мѣстность, но въ прошломъ 1858 году снова появилась тамъ, а въ нынѣшнемъ 1859 году, какъ сообщилъ мнѣ Г. Шульцъ, только что воротившійся изъ поѣздки въ Сороку, шла въ такомъ количествѣ, которое едва ли уступаетъ направившемуся въ Сороцкую губу. Въ Покровскомъ ловѣ участвуютъ до 20 деревень изъ ближайшихъ окрестностей. Въ Унской губѣ ловится зимою эта же мелкая сельдь, но въ незначительномъ количествѣ. Что эта сельдь и лѣтомъ находится вблизи тѣхъ

же мѣстностей, гдѣ ловится зимою, можно заключить изъ того, что она попадается, почти ежедневно, въ выставляемыя въ это время рюжи (родъ вентерей) для лова рыбы на непосредственное употребленіе въ пищу. Если бы эта сельдь приходила откуда-нибудь изъ далека, то рѣшительно было бы непонятно, почему ее никогда и нигдѣ не встрѣчають кромѣ Сороцкой и Покровской губъ, или, вообще Онежскаго залива и прилежащей части Лѣтняго берега. Нельзя тоже принять, чтобы эти сельди были молодыми, недоросшими экземплярами тѣхъ сельдей, которыя ловятся въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлаго моря. Ибо, во-первыхъ, онѣ имѣютъ уже зрѣлые икру и молоки; хотя сельди, подобно другимъ рыбамъ, дѣлаются способными къ размноженію своей породы гораздо раньше достиженія ими полнаго своего роста, однако здѣсь разница между ними и вполнѣ взрослыми сельдями слишкомъ уже велика. Къ тому же и въ другой разновидности сельдей молодыя, имѣющія уже икру и молоки, хотя и гораздо меньше взрослыхъ, однако все-таки значительно больше сороцкихъ. Во-вторыхъ, было бы совершенно нелѣпо допустить, что молодыя сельди со всего Бѣлаго моря собираются въ Онежскую губу, взрослыя же разсѣеваются по прочимъ частямъ его. Наконецъ, эти сельди отличаются отъ прочихъ, кромѣ величины, нѣкоторыми опредѣлительными признаками: голова у нихъ длиннѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ, такъ что превышаетъ вышину тѣла и содержится въ длинѣ его, до начала хвостоваго плавника, какъ 1 : 4, тогда какъ у прочихъ сельдей Бѣлаго моря голова короче вышины тѣла и содержится въ длинѣ по меньшей мѣрѣ какъ 1 : 5. Глаза сороцкихъ сельдей относительно больше, рыло нѣсколько острѣе. Ежели сравнимъ эти различія съ тѣми, которыя замѣчаются въ Швеціи и Норвегіи, то найдемъ, что мелкія сельди соотвѣтствуютъ тамошнимъ видоизмѣненіямъ, живущимъ въ Балтійскомъ морѣ и въ прибрежныхъ шкерахъ, большія же бѣломорскія сельди— тамошнимъ океаническимъ формамъ. Только въ Бѣломъ морѣ эти различія еще рѣзче. И это понятно. Онежскій заливъ

есть самая мелкая часть Бѣлаго моря: глубина залива нигдѣ не достигаетъ 30 сажень, притомъ онъ усѣянъ островами и шкерами, около коихъ глубина еще меньше; между тѣмъ бо́льшая разновидность сельдей живетъ преимущественно въ Кандалакскомъ заливѣ, самомъ глубокомъ во всемъ морѣ, ибо здѣсь глубина при устьѣ такова, что лотъ въ 170 сажень длиною во многихъ мѣстахъ не достаетъ дна; къ вершинѣ же и вблизи береговъ она рѣдко бываетъ менѣе 30 сажень. Такимъ образомъ и здѣсь подтверждается то, что Валансіень говоритъ о сельдяхъ Ламанша: «Nos marchés de Paris s'approvisionnent de harengs pêchés dans la Manche et expédiés principalement des ports de Dieppe et de Calais. Chacun de ces ports réunit les pêches des bassins de l'océan qui les environnent. Il faut bien que ces bassins aient chacun des variétés particulières de harengs, car les marchands savent très bien dinstinguer par l'aspect, la provenance de ces poissons». Этотъ-то фактъ, т. е. то, что въ каждой странѣ есть нѣсколько разновидностей сельдей, изъ которыхъ каждая придерживается извѣстной мѣстности, и составляетъ одно изъ главнѣйшихъ опроверженій теоріи миграціи. Какъ невозможно на основаніи этой теоріи объяснить, почему колонны сельдей, идущія съ сѣвера раздѣляются, будто-бы, всегда такимъ образомъ, что мелкіе сорты рыбы сворачиваютъ въ Балтійское море, гдѣ они извѣстны подъ именемъ салакушки (Strömling), а крупные идутъ далѣе на западъ, къ берегамъ Нѣмецкаго моря, (это, между прочимъ, Валансіень и приводитъ въ доказательство своего мнѣнія), такъ невозможно понять и того, почему сельди, (если онѣ дѣйствительно заходятъ въ Бѣлое море изъ океана), раздѣляются такъ, что крупныя изъ нихъ идутъ направо въ Кандалакскую губу, а мелкія, составляя какъ-бы лѣвый флангъ этой арміи, направляются въ Онежскую губу. Нельзя не согласиться съ Нильсономъ, который говоритъ: «это наблюденіе, (т. е. что въ различныхъ бассейнахъ моря живутъ и различныя разновидности сельдей), однажды усвоенное и должнымъ образомъ взвѣшенное, устраняетъ всякую мысль

о дальнихъ странствованіяхъ сельдей, и даже необходимо ведетъ къ тому слѣдствію, что каждая разновидность мечетъ икру вблизи своего бассейна, куда возвращается и гдѣ пребываетъ молодой подростъ». Это же явствуетъ и изъ того, что въ Бѣломъ морѣ сельди изобильны лишь вдоль Лѣтняго берега, въ Онежскомъ заливѣ, по Поморскому берегу и въ Кандалакской губѣ, и то лишь преимущественно по ея юго-западному берегу; между тѣмъ какъ въ такъ называемомъ Горлѣ Бѣлаго моря, т. е. на пути, соединяющемъ поименованныя части моря съ океаномъ, ихъ вовсе нѣтъ. Наконецъ, какъ я уже замѣтилъ, ловъ сельдей въ Бѣломъ морѣ собственно никогда не прекращается, хотя и производится въ особенномъ изобиліи только въ извѣстные сроки. Это обстоятельство прямо указываетъ, что сельди не временно только посѣщаютъ Бѣлое море, а живутъ въ немъ постоянно, и притомъ каждая разновидность обитаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ обыкновенное время онѣ скрываются на глубинѣ и выходятъ изъ нея только въ извѣстные сроки, преимущественно съ цѣлью метанія икры на мелкихъ мѣстахъ, у береговъ.

Я вошелъ здѣсь въ эти разсужденія потому, что они кромѣ теоретическаго значенія имѣютъ очень большое и практическое. Эти практическія слѣдствія я изложу не своими словами, а словами не разъ уже упомянутаго мною знаменитаго шведскаго натуралиста Нильсона, занимавшагося въ теченіи многихъ лѣтъ практическою стороною естественной исторіи рыбъ.

1) Количество извѣстной разновидности сельдей, содержащееся въ каждомъ отдѣльномъ бассейнѣ моря, можетъ быть выловлено или прогнано во время метанія икры, и, слѣдовательно, въ извѣстной части моря рыбный промыслъ можетъ быть разоренъ.

2) Коль скоро рыбный промыслъ разоренъ въ извѣстной мѣстности, то нельзя ожидать возстановленія его отъ переселенія рыбъ изъ другихъ мѣстностей, а развѣ отъ медленнаго подроста и размноженія оставшейся рыбы; потому что

3) въ то мѣсто, гдѣ рыба родилась, идетъ она и метать икру.

4) Поэтому, болѣе всего должно заботиться о сохраненіи мальковъ и вообще недостигшей своей зрѣлости рыбы, и ловить одну взрослую. Если же вылавливается рыба, недостигшая возраста, въ которомъ она становится способною къ размноженію своей породы, то рыбный промыслъ наконецъ разоряется до такой степени, что въ мѣстности, изобиловавшей прежде рыбою, онъ и въ послѣдствіи не можетъ достигнуть прежней силы.

Еще я долженъ замѣтить, что этотъ выводъ есть не только логическое заключеніе изъ посылокъ, добытыхъ наблюденіемъ, но и результатъ непосредственнаго опыта. Нигдѣ въ свѣтѣ не было столь богатаго лова сельдей какъ въ Швеціи, именно у береговъ Богуслена. Въ 1787 году было поймано тамъ не менѣе 1.500.000.000 сельдей. И эти несмѣтныя стаи стали мало по малу уменьшаться и наконецъ совершенно исчезли въ этой мѣстности. Долголѣтнія изслѣдованія о причинахъ этаго бѣдствія доказали, что оно произошло отъ неразумнаго способа, которымъ производился сельдяной промыслъ.

Другая разновидность сельдей, которая гораздо больше первой, ловится въ остальной части моря, преимущественно же въ Кандалакскомъ заливѣ. Главнѣйшія мѣста лова ея суть: деревня Поньгама (между городомъ Кемью и деревнею Калгалакшею), Соловецкіе острова и лежащія въ Кандалакскомъ заливѣ, на югозападномъ берегу его, деревни: Калгалакша, Гридина, Кереть, Черпая, Ковда, Княжая, Кандалакша и — въ гораздо меньшей степени — дер. Умба, на сѣверовосточномъ берегу. Въ нынѣшнемъ году экспедиціею былъ преимущественно изслѣдованъ ловъ въ Кандалакской губѣ, какъ наиважнѣйшій.

По времени своего появленія у береговъ сельди раздѣляются на 4 разряда: *егорьевскія,* появляющіяся около 23 апрѣля,—ловъ ихъ производится еще подо льдомъ; *заледныя* — сейчасъ послѣ вскрытія льда, что въ Кандалакской

губѣ бываетъ очень поздно, (въ нынѣшнемъ году около 20 мая у сѣверовосточныхъ береговъ ея былъ еще ледъ); *ивановскія*—съ начала іюня, главный ловъ ихъ бываетъ около Иванова дня, 24 іюня, и наконецъ *осеннія*—съ Успеньяго дня. Между исчезновеніемъ заледныхъ и появленіемъ ивановскихъ сельдей всегда бываетъ промежутокъ, продолжающійся обыкновенно около двухъ недѣль; впрочемъ онъ не одинаковъ въ различные годы и зависитъ отъ времени вскрытія морскихъ прибрежьевъ. Заледныя же сельди непосредственно слѣдуютъ за егорьевскими. Тоже должно сказать о осеннихъ и ивановскихъ, хотя между осеннимъ и ивановскимъ ловами и есть значительный промежутокъ, но это отъ того, что въ жаркое время сельдей не ловятъ для приготовленія впрокъ, потому что въ это время, какъ говорятъ, соль неберетъ ихъ; ловъ же для непосредственнаго употребленія въ пищу продолжается безъ перерыва все лѣто и при томъ не на глуби, а близь береговъ, и производится, какъ я уже упоминалъ, женщинами и дѣвушками на маленькихъ лодкахъ.

Названныя сельди различаются между собою, кромѣ времени появленія, и нѣкоторыми качествами, такъ что въ промышленномъ отношеніи онѣ составляютъ отдѣльные сорта, хотя въ естественно-историческомъ отношеніи и принадлежатъ къ одной и той же разновидности. Егорьевскія сельди мелки; ихъ идетъ около 200 или 250 на пудъ (слѣдовательно, все же онѣ вдвое больше сороцкихъ). Онѣ имѣютъ зрѣлую икру и молоки и выметываютъ ихъ около Егорья. Заледная сельдь, непосредственно слѣдующая за егорьевскою, уже безъ икры и есть, какъ замѣтили сами мѣстные жители, таже егорьевская только уже выметавшая икру. Ивановская опять бываетъ съ икрою и молоками, но она уже крупная; ея идетъ отъ 70 до 100 штукъ на боченокъ, имѣющій обыкновенно 34 фунта, и слѣдовательно отъ 80 до 120 штукъ на пудъ. Туземцы считаютъ эту сельдь за отдѣльную породу отъ егорьевской, хотя сами говорятъ, что, кромѣ величины, никакой разницы между ними нѣтъ, но и эта разница вовсе

не очень значительна, особливо если принять во вниманіе существующіе переходы. Я имѣлъ случай убѣдиться, что и между ивановскими сельдями можно отобрать не въ маломъ количествѣ такихъ, которыхъ идетъ на пудъ не менѣе 150 штукъ. Притомъ, допустивъ различіе породъ, чрезвычайно трудно объяснить себѣ, почему двѣ разновидности сельдей, не смѣшиваясь между собою, живутъ въ одной и той же мѣстности, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, и приближаются поочередно къ берегамъ для метанія икры. Всѣ эти затрудненія совершенно исчезаютъ, если примемъ, что егорьевскія суть молодыя, хотя уже и способныя метать икру сельди, а ивановскія—уже совершенно взрослыя. Это предположеніе совершенно согласно съ тѣмъ наблюденіемъ, что старыя рыбы той же породы обыкновенно не смѣшиваются съ молодыми при метаніи икры. Если молодыя выметываютъ икру всегда прежде старыхъ, то это не составляетъ какой нибудь особенности рыбъ, ибо всякой хозяйкѣ, напримѣръ, извѣстно, что молодая домашняя птица начинаетъ нестись прежде, нежели старая. Осенняя сельдь, подобно заледной, бываетъ опять безъ икры, но за то изо всѣхъ сортовъ она самая жирная, что безъ сомнѣнія зависитъ отъ того, что, ивановская сельдь, истощенная актомъ размноженія своей породы, отъѣдается въ теченіи іюля и первой половины августа, когда ихъ не ловятъ. Надо еще замѣтить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ производится этотъ четверократный ловъ. Такъ, напримѣръ, въ Умбѣ и Кузомени нѣтъ ни егорьевскаго, ни заледнаго лововъ, что весьма хорошо объясняется тѣмъ, что молодая сельдь идетъ метать икру не задолго передъ тѣмъ временемъ, когда льду надо уже разойтись, и потому обращается преимущественно къ югозападному берегу залива, такъ какъ на сѣверовосточномъ, гдѣ лежатъ Умба и Кузомень, море у береговъ гораздо позже вскрывается.

Изъ сказаннаго видно, что для бѣломорскихъ сельдей нѣтъ одного постояннаго времени метанія икры: оно бываетъ и въ началѣ зимы (сороцкія сельди), и въ началѣ

весны (егорьевскія сельди), и въ началѣ лѣта—около Иванова дня (ивановскія сельди). Время метанія икры означено здѣсь нѣсколько позже начала появленія у береговъ сороцкихъ, егорьевскихъ и ивановскихъ сельдей, потому что онѣ, какъ и вообще рыба, идутъ къ берегамъ раньше полной зрѣлости икры и молокъ и въ теченіи нѣкотораго времени ловятся съ неразжижившеюся еще икрою. Такая разновременность въ метаніи икры, хотя и не согласна съ тѣмъ, что большею частію замѣчается у другихъ породъ рыбъ, не составляетъ однако особенности бѣломорскихъ сельдей, а есть общее правило для этого вида рыбъ, какъ это показываютъ наблюденія у береговъ Швеціи, Норвегіи и другихъ странъ западной Европы. Для метанія икры сельди выбираютъ небольшую глубину, въ нѣсколько саженъ, чистую воду и такія мѣста, гдѣ дно поросло подводными растеніями. Въ Бѣломъ морѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не разъ было замѣчено, что во время метанія икры и выливанія молокъ стаями сельдей вода въ морѣ дѣлается мутною, какъ если бы смѣшали ее съ молокомъ, и покрывается жирными искорками. Такъ огромно количество отдѣляемыхъ животныхъ веществъ!

Отъ этихъ естественно-историческихъ замѣчаній я перехожу къ организаціи сельдянаго промысла и способовъ его производства. Правила, которыми опредѣляется право и степень участія въ сельдяномъ промыслѣ, весьма различны въ разныхъ приморскихъ селеніяхъ, но всѣ они соображены такъ, чтобы выгоды всей общины не страдали отъ преобладающаго вліянія отдѣльныхъ лицъ и чтобы личныя права каждаго были по возможности сохранены; только для достиженія этой цѣли избраны различныя средства, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Въ видѣ примѣровъ я опишу какъ организованъ этотъ ловъ въ Кандалакшѣ, Умбѣ и Кузомени.

Въ сосѣдней къ Кандалакшѣ части моря есть мѣста, извѣстныя изобиліемъ въ нихъ егорьевскихъ и заледныхъ сельдей. Ловъ на такихъ мѣстахъ производится всѣмъ міромъ и

добытое дѣлится по душамъ слѣдующимъ образомъ. Предварительно опредѣляютъ, сколько нужно работниковъ для производства лова, и утверждаютъ, сколько душъ должны выставить одного работника. Если нужно, напримѣръ, одного съ трехъ душъ, то дворъ, имѣющій 3 души, посылаетъ изъ числа ихъ одного, имѣющій 6—выставляетъ двухъ, и т. д. Если же въ домѣ 2 души, то онъ присоединяется къ такому, въ которомъ 4, и оба высылаютъ двухъ работниковъ. Каждый работникъ долженъ принести съ собою необходимыя орудія лова и соль. Общій уловъ продается огульно, вырученныя же деньги раздѣляются по числу учавствовавшихъ въ ловѣ работниковъ; эти послѣдніе, если были не отъ одного двора, полученную сумму распредѣляютъ по дворамъ, сообразно съ числомъ имѣющихся въ нихъ въ наличности душъ. Затѣмъ, если какой дворъ имѣетъ средства, сверхъ участія въ мірскомъ ловѣ, ловить про себя отдѣльно, то это ему не возбраняется, но только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не значатся за міромъ. Но если окажется гдѣ-либо изъ этихъ вольныхъ мѣстъ ловъ особливо выгоднымъ, то на слѣдующій годъ и это мѣсто присоединяется къ общему мірскому участку. Прочіе ловы сельдей, т. е. ивановскій и осенній, здѣсь вольные. Такимъ же образомъ производится ловъ въ Ковдѣ и Княжой.

Въ Умбѣ, гдѣ сельдей не такъ много, ловъ ихъ организированъ иначе. Жители четырехъ деревень Умбы, Кузы, Оленицы и Сальницы собираются на Новый годъ въ Умбу и здѣсь раздѣляются на три части, называемыя четвертями. Кто нибудь въ каждой четверти дѣлается какъ-бы ея представителемъ, и это не правильнымъ выборомъ, а какъ случится. Эти представители мечутъ жребій, какой участокъ изъ принадлежащей волости части моря, (простирающейся всего верстъ на 50), долженъ достаться какой четверти. Когда жребій разъ выметанъ, то его въ другіе годы уже болѣе не бросаютъ, а порядокъ, въ которомъ четверти пользуются участками, идетъ, какъ говорится здѣсь, околицею т. е. четверти каждый годъ чередуются. Каждая четверть

раздѣляется на 10 дружинъ или партій; это раздѣленіе дѣлается по взаимному согласію: кому съ кѣмъ удобнѣе быть въ дружинѣ, тѣ и ладятся между собою. Такимъ образомъ составляется 30 дружинъ, и какъ во всѣхъ четырехъ деревняхъ 280 душъ, то въ 20 дружинахъ придется по 9, а въ 10-ти по 10 человѣкъ. Дружины каждой четверти опять мечутъ между собою жребій, указывающій какой дружинѣ какая должна достаться тоня, т. е. мѣсто лова. При каждой тонѣ есть двѣ избушки, въ которыхъ живутъ промышленники во время лова. На такихъ тоняхъ, для членовъ каждой дружины, ловъ уже круглый годъ вольный не на однихъ сельдей, а на всю рыбу вообще, въ томъ числѣ и на семгу. Добычу дѣлятъ члены дружины поровну. Если у какой дружины не хватитъ средствъ для заведенія неводовъ или времени (за отправленіемъ на Мурманскій берегъ или другими занятіями), то она продаетъ свою тоню кому хочетъ: другой ли дружинѣ, или отдѣльному лицу.

Въ Кузомени, гдѣ количество сельдей незначительно, ловъ ихъ неограниченъ никакими условіями. Онъ вольный; но такъ какъ сельди попадаются лишь у самаго устья рѣки Варзухи, то при этомъ соблюдается только одно условіе, именно, чтобы тотъ, кто первый пріѣхалъ на устье, первый бы и тянулъ неводъ. Когда первый вытащилъ свой неводъ, тогда можетъ закидывать за нимъ пріѣхавшій, начиная съ мѣста, гдѣ первый вытянулъ, и такъ далѣе тѣмъ же порядкомъ. Здѣсь сельди появляются только съ весны: въ концѣ мая онѣ мечутъ икру, а послѣ Ильина дня ихъ уже не бываетъ. Онѣ служатъ только для непосредственнаго употребленія въ пищу.

Во всѣхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ въ этомъ году экспедиціею, ловъ устроенъ по одному изъ описанныхъ способовъ, кромѣ Сороки. Огромность массы сельдей, посѣщающихъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы Сороцкую губу, позволяетъ жителямъ прибрежныхъ деревень: Сороки, Выгскаго острова, Шижни и Сухаго Наволока и кореламъ, пріѣзжающимъ сюда на время лова изъ деревень, лежащихъ далѣе отъ

моря въ глубь страны, брать изъ предлагаемаго моремъ богатства столько, сколько позволяютъ силы, безъ всякаго ограниченія; поэтому каждое семейство *ловитъ на себя.* Въ началѣ, когда губа еще не покрыта льдомъ, ловъ производится съ карбасовъ. Для этого карбаса (одного двора и двухъ) выѣзжаютъ въ море по-парно, сцѣпившись между собою носами посредствомъ петлей. Въ каждомъ карбасѣ по неводу, крылья котораго обыкновенно имѣютъ 8 сажень въ длину съ мотнею, по здѣшнему *дворомъ,* въ 4 сажени длиною, шириною, и вышиною. Такой неводъ имѣетъ всего 20 сажень въ длину; у нѣкоторыхъ впрочемъ есть и 30 саженные. На каждомъ карбасѣ по три человѣка, изъ которыхъ одинъ на носу нащупываетъ шестомъ стаи сельдей, другой гребетъ, а третій правитъ. Когда нащупаютъ сельдей, карбаса расцѣпляются и начинаютъ выметывать (по здѣшнему *валить*) одинъ изъ неводовъ. Веревку отъ одного конца невода оставляютъ у себя, а отъ другаго передаютъ въ другой карбасъ. Корбаса разъѣзжаются дотѣхъ поръ, пока неводъ не вытянется въ прямую линію; потомъ, гребя усиленно веслами, тянутъ его, завязываютъ мотню, оставляютъ ее до времени въ водѣ, закидываютъ второй неводъ, съ которымъ поступаютъ точно также, и затѣмъ уже вытаскиваютъ оба невода на берегъ или выгружаютъ въ карбаса. При всемъ этомъ не соблюдается ни какого порядка: путаются неводами, начинаютъ драку за мѣста; весла, рукавицы, шапки, все плаваетъ на водѣ, потому что отъ спѣху некогда подбирать. Зимою съ такою же точно неурядицею выставляютъ каждое утро невода подо льдомъ черезъ проруби, которыхъ такое множество, что вся замерзшая поверхность губы становится похожею на рѣшето. Потомъ, также съ лому (окраины льда) или черезъ проруби, нащупываютъ шестами есть-ли сельдь. Когда удостовѣрятся, что сельдь въ какой либо части губы есть, то стоящіе въ ней невода вытягиваютъ на ледъ. Въ туже сторону стараются перенести невода изъ другихъ частей губы, и вообще куда повернутъ сельди, туда слѣдуютъ за ними и съ нево-

дами; при этомъ-то бываютъ главные споры и драки. Кромѣ неводовъ ловятъ и мережами, т. е. вентерями, разставленными подо льдомъ. Говорятъ, что при удачномъ ловѣ въ неводъ иногда попадаетъ до 100.000 сельдей, а въ мережу до 70.000. Утверждаютъ, что сельди не любятъ шуму во время метанія ими икры, и это весьма вѣроятно, ибо тоже замѣчено и относительно нѣкоторыхъ другихъ породъ рыбъ. По должно быть, что сквозь ледъ, покрытый толстымъ слоемъ снѣга, шумъ отъ бѣготни и драки слишкомъ тысячи людей слабо отдается въ водѣ, или, можетъ быть, одного шума недостаточно, чтобы заставить сельдей покинуть Сороцкую губу, ибо ловъ ихъ производится въ ней безъ замѣтнаго уменьшенія уже болѣе ста лѣтъ.

Я долженъ теперь обратить вниманіе на одно обстоятельство, имѣющее мѣсто при сороцкомъ ловѣ: именно на споръ между жителями прибрежныхъ деревень — Сороки, Шижни, Выгскаго острова и Сухаго Наволока съ одной стороны и корелами — съ другой. Первые считаютъ себя въ правѣ не допускать послѣднихъ къ лову въ своей губѣ на слѣдующемъ основаніи. До 1765 года ловъ сельдей былъ у нихъ мірской, безоброчный, ловъ же семги составлялъ собственность Соловецкаго и Вяжемскаго монастырей. Соловецкій поставлялъ суда, снасти и рабочихъ и бралъ за то 8 рыбъ изъ 9, а Вяжемскій (Новгородской губерніи) поставлялъ лѣсъ и бралъ за это девятую рыбу. Потомъ ловъ этотъ вмѣстѣ съ сельдянымъ былъ отданъ монастырями на откупъ каргопольскимъ купцамъ Маркову и Пригодину за 15 р. въ годъ. По отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну, въ нее же поступилъ и этотъ оброкъ. Тогда жители четырехъ поименованныхъ деревень вошли съ прошеніемъ черезъ повѣреннаго отъ обществъ крестьянина Клевина о томъ, чтобы какъ семожій ловъ, такъ и сельдяной были отданы имъ въ безоброчное владѣніе. Въ 1767 году прошеніе было уважено и Сенатскимъ указомъ повелѣно: по истеченіи срока контракта монастырей съ Марковымъ и Пригодинымъ, именно съ 1769 года, отдать воды просителямъ безоброчно.

Это было сдѣлано потому, что рыболовство замѣняло жителямъ хлѣбопашество и сѣнокосы, которыхъ у нихъ мало, и что отъ бѣдности и изнеможенія, которыя были такъ велики, что крестьянамъ ѣли хлѣбъ, смѣшанный съ толченою сосновою корою, они затруднялись въ уплатѣ податей. На эту льготу у жителей названныхъ селеній есть документъ, состоящій въ ордерѣ отъ тогдашняго «Архангелогородской губерніи губернатора Головцына». Но, какъ видно изъ ордера, они освобождены только отъ платы оброка за семгу, которая ловилась въ рѣкахъ Выгѣ и Сорокѣ (Сорока есть только рукавъ Выга), на ловъ же въ морѣ имъ никакихъ особенныхъ правъ не было дано, и они продолжали имъ пользоваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ пользуются своими участками и прочіе жители береговъ Бѣлаго моря. Именно ордеръ этотъ оканчивается слѣдующими словами: «Въ разсужденіи сего обстоятельства въ посланномъ къ Экономическому Казначею, о вышеписанномъ ордерѣ предписано, когда владѣнію монастыремъ тѣхъ рѣкъ (т. е. Выга и Сороки) терминъ минуется, то оныя рѣки, въ силу Коллегіи Экономіи сообщенія, отданы были имъ Сороцкой волости крестьянамъ безоброчно, и по отдачи изъ окладу выключить, а до истеченія того термина васъ ко владѣнію не допускать, въ чемъ и обязать васъ подпискою.» И такъ сорочане пользуются морскимъ ловомъ на общихъ основаніяхъ и никакихъ привилегій или спеціально дарованныхъ правъ на него не имѣютъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились; теперь Сороцкая волость (и въ ней преимущественно село Сорока) одна изъ богатѣйшихъ въ Архангельской губерніи, потому что, кромѣ своего единственнаго по богатству въ цѣломъ морѣ рыболовства, Сороцкая губа есть одна изъ лучшихъ для приставанія судовъ, въ слѣдствіе чего Сорока, наравнѣ съ Сумою и городомъ Кемью, имѣетъ наибольшее число морскихъ судовъ и получаетъ большія выгоды какъ отъ лова трески на Мурманскомъ берегу, такъ и отъ торговли съ Норвегіею. Между тѣмъ бѣдные корелы продол-

жаютъ по прежнему ѣсть хлѣбъ съ толченою сосновою корою, несмотря на то, что имѣютъ нѣкоторое хлѣбопашество, ибо оно, по причинѣ суровости климата и безплодія почвы, не только не доставляетъ никакихъ выгодъ, но даже едва пропитываетъ ихъ. Жестоко было бы лишать этихъ бѣдныхъ людей средствъ къ жизни, доставляемыхъ массами сельдей, толпящихся въ Сороцкой губѣ; а, напротивъ того, было бы полезно объявить, что корелы имѣютъ такое же точно право на ловъ, какъ сами сорочане. Узнавъ, что таковъ взглядъ Правительства, сорочане конечно свыклись бы съ этимъ возрѣніемъ и перестали бы дѣлать кореламъ разнаго рода притѣсненія. Надо еще замѣтить, что жалуются на кореловъ главнѣйшимъ образомъ собственно обитатели села Сороки, а не жители прочихъ деревень, сравнительно гораздо ихъ бѣднѣйшихъ, а между тѣмъ, по собственному ихъ сознанію, во время богатаго прошлогодняго лова, корелы пріѣзжали только на 70 возахъ съ 10 или 12 мережами на каждомъ и на свою долю получили никакъ не болѣе $^1/_{10}$ всего улова.

Главнѣйшее орудіе лова сельдей какъ на талой водѣ, такъ и зимою составляютъ невода. Шведскіе писатели, въ томъ числѣ и Нильсонъ, возстаютъ противъ этого орудія, приписывая именно ему уменьшеніе и наконецъ совершенное прекращеніе богатаго богусленскаго лова. Вотъ въ чемъ, по ихъ мнѣнію, состоятъ неудобства невода:

1) Неводами вылавливаются молодыя и выметавшія уже икру сельди, тогда какъ эти послѣднія худы и составляютъ товаръ дурнаго качества.

2) Неводомъ собирается со дна и вытаскивается на берегъ выметанная икра.

3) Имъ вырываются растущія на днѣ водоросли и вообще морская трава, и надолго портится удобная для метанія икры мѣстность.

4) Наконецъ, неводъ очень дорого стоитъ, такъ что большая часть рыбаковъ не имѣетъ достаточно средствъ завести

свой собственный и потому должна всегда оставаться работниками у богатыхъ.

Все это, вѣроятно, очень справедливо относительно неводовъ, употребляющихся въ Швеціи, гдѣ обметываютъ неводомъ цѣлую стаю сельдей, приближающихся къ берегу, и тянутъ на берегъ; но это не имѣетъ никакого примѣненія къ бѣломорскому неводному лову. Здѣсь надо вспомнить правило, высказанное Бэромъ,—именно, что никакое орудіе не можетъ само-по-себѣ считаться вреднымъ, а можетъ быть вреденъ только лишь способъ его употребленія; въ подтвержденіе этого правила я буду имѣть случай ниже представить весьма разительный примѣръ. Употребляемые при бѣломорскомъ сельдяномъ ловѣ невода очень невелики, не болѣе 30 маховыхъ саженъ въ длину, и ими не затягиваютъ рыбу на берегъ, а или употребляютъ ихъ какъ вентеря, т. е. разставляютъ подо льдомъ, или окружаютъ ими рыбу на водѣ же и вытягиваютъ въ лодки. Единственное условіе употребляемыхъ здѣсь орудій сельдянаго лова, могущее впослѣдствіи оказать вредное на него вліяніе, состоитъ въ томъ, что иногда они слишкомъ часты. Такъ въ Сорокѣ, между прочимъ, есть невода и мережи съ ячеями, имѣющими не болѣе $^3/_8$ дюйма отъ узла до узла. Близь устьевъ Двины они еще чаще, и здѣсь ловятъ большое количество сельдяныхъ мальковъ вершковъ около двухъ длиною и даже менѣе, такъ что на пудъ приходится ихъ до 2500 штукъ. Цѣлые воза такихъ сельдей, называемыхъ устянкою, продаются на рынкѣ въ Архангельскѣ иногда сравнительно дорогою цѣною, именно рублей по 5 сер. за возъ. Мелкія сельди эти получаются главнымъ образомъ изъ такъ называемаго Сухаго моря,—залива, образуемаго частью Зимняго берега, идущаго отъ устья Двины почти прямо на сѣверъ, Никольскою косою, начинающеюся верстахъ въ пяти по сю сторону деревни Куи, и Мудьюгскимъ островомъ, отдѣленнымъ отъ косы узкимъ проливомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Желѣзныхъ Воротъ. Съ южной стороны, т. е. съ устья Двины, есть также входъ въ это Сухое море, который съуженъ еще остро-

вомъ Муравой. Заливъ этотъ, имѣющій около 25 верстъ въ длину и 5 верстъ въ ширину, покрытъ весь отмѣлями, на которыхъ только нѣсколько футъ воды и между которыми разсѣяно нѣсколько болѣе приглубыхъ мѣстъ. Изъ этого можно видѣть, какъ удобна эта мѣстность для молоденькихъ селедокъ, которыя, подобно всѣмъ рыбьимъ малькамъ, любятъ собираться на мелкихъ, пригрѣваемыхъ солнцемъ мѣстахъ. Не только жители деревень, расположенныхъ у берега этого залива, но и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстъ, собираются сюда на ловъ; для этого тутъ и устроено 12 избушекъ. Такой же ловъ, хотя и въ меньшемъ количествѣ, производится и у другихъ двинскихъ устій, какъ, напримѣръ, у Никольскаго монастыря. Сельди эти считаются очень вкусными; кромѣ того дѣланы были опыты приготовленія ихъ на манеръ ревельскихъ килекъ, оказавшіеся, какъ говорятъ, очень удачными. Несмотря на все это, такой ловъ молодыхъ селедокъ не долженъ быть терпимъ; но для устраненія такого злоупотребленія не нужно никакихъ особыхъ мѣръ, а достаточно узаконить для всей Россіи рыболовныя правила, предложенныя академикомъ Бэромъ относительно наименьшаго размѣра ячей; для сороцкихъ же сельдей можно принять нѣсколько меньшую норму, именно въ $^3/_4$ дюйма.

Сельди, добываемыя изъ Бѣлаго моря, поступаютъ въ продажу въ трояком видѣ: мороженыя, соленыя и копченыя.

Мороженыя сельди идутъ преимущественно изъ Сороцкой, а также и изъ Покровской губъ. Здѣсь ихъ никогда не солятъ, ибо и безъ хлопотъ сбытъ, по большей части, вѣренъ, и я не могу согласиться съ тѣми, которые полагаютъ, что лучше было бы ихъ солить, потому, будто-бы, что мороженыя теряютъ свой вкусъ. Напротивъ, свѣжія сельди, какъ и всякая свѣжая рыба, питательнѣе, здоровѣе и вкуснѣе соленыхъ. Къ тому же сельди, подвергшіяся дѣйствію мороза, чего при зимнемъ ловѣ избѣжать невозможно, по единогласному отзыву всѣхъ понимающихъ это дѣло, доставляютъ лишь худшій сортъ соленыхъ сельдей; поэтому полезно бы было солить ловимыхъ зимою сельдей только въ тѣхъ

случаяхъ, когда во время лова случатся оттепели, ибо въ такихъ случаяхъ рыбу продаютъ за совершенный безцѣнокъ изъ справедливаго опасенія, чтобы не пришлось ее бросить даромъ. При обильномъ ловѣ и оттепеляхъ случалось, что отдавали цѣлый возъ, т. е. около 12.000 сельдей, за 25 коп. сер. Мнѣ сказывали даже, что однажды цѣлый карбасъ сельдей, подымающій до 200 пудовъ, былъ проданъ за 50 коп. сер., т. е. 2.000 рыбъ отдавались за копѣйку серебромъ. Такая дешевизна случается въ началѣ лова, когда онъ производится еще на талой водѣ. Обыкновенно и въ это время, хотя губа еще не замерзла, бываютъ уже морозы; но случается и теплая погода, тогда часть сельдей коптятъ, а часть скупается пріѣзжими изъ Сумы, Кеми и другихъ окрестныхъ мѣстъ, которые сами уже солятъ, большею частью для собственнаго употребленія, за безцѣнокъ пріобрѣтенныхъ сельдей. Въ морозное время обыкновенная цѣна сорокскимъ сельдямъ бываетъ отъ 50 коп. до 1 р. 50 к. с. за тысячу. Такъ въ нынѣшнемъ году, когда ловъ, по словамъ Г. Шульца, далеко не былъ столь изобиленъ, какъ въ прошедшемъ, онѣ продавались не дешевле 1 р. 20 к. сер.

Коптятъ сельдей также только въ Сорокѣ и въ трехъ прочихъ деревняхъ, принадлежащихъ къ одной съ нею волости. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Коптильня есть изба съ землянымъ поломъ безъ потолка и съ крышею, покатою въ одну сторону и между досками которой оставляются небольшіе промежутки для прохода дыма. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ утверждено жердей по 15, одна надъ другою, на которыхъ во столько же ярусовъ укрѣплены поперечныя перекладины въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ аршина одна отъ другой; на нихъ-то кладутся, опять уже вдоль избы, такъ называемыя *рожсенцы*, т. е. заостренныя съ обоихъ боковъ палочки въ мизинецъ толщиною и обыкновенно въ 1 аршинъ 10 вершковъ длиною. На каждое роженце нанизываютъ около 30 сельдей, продѣвая ихъ сквозь жабры. Наловивъ или купивъ нужное количество сельдей для напол-

ненія коптильны т. е. отъ 70.000 до 100.000 штукъ (*), ихъ просаливаютъ въ особливомъ строеніи, гдѣ есть печь съ каменкою и плотный досчатый полъ,—по близости коптильны. Тепло нужно не только для самой работы, но и для того, чтобы соль лучше брала сельдей. Сельди кладутъ кучею на полъ, пересыпаютъ солью, наваливаютъ новую кучу, еще трусятъ солью и т. д., и подъ конецъ перемѣшиваютъ всю кучу лопаточками. Сельди даютъ отъ себя разсолъ и—худо ли, хорошо ли—всѣ просаливаются. На полную каптильню идетъ обыкновенно 6 пудовъ соли. Для просолки считаютъ нужнымъ два или три дня. Когда сельди просолятся, ихъ нанизываютъ на роженцы, и тогда уже обмываютъ въ водѣ; за тѣмъ накладываютъ на доски и несутъ въ коптильню. Обыкновенно двое подаютъ роженцы, а двое развѣшиваютъ; четыре работника наполняютъ коптильню въ $1\frac{1}{2}$ сутокъ. Всѣхъ же работниковъ на всю операцію нужно человѣкъ 11 съ мальчиками, которые полощутъ просоленую сельдь. Прежде, чѣмъ въ коптильнѣ разведутъ огонь, настилаютъ подъ самымъ нижнимъ рядомъ перекладинъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, рядъ досокъ, оставляя между ними довольно большіе промежутки, чтобы огонь отъ разложенныхъ на полу дровъ не дѣйствовалъ на сельдей своимъ жаромъ. Жгутъ всегда еловыя дрова, раскладывая ихъ некучно мѣстахъ въ восьми, такъ чтобы они только тлѣли, а не горѣли и дымъ былъ бы только тепелъ. Если жаръ обдастъ сельдей, то онѣ, какъ говорятъ, закомнѣютъ. Подъ конецъ жгутъ иногда и можжевельникъ—для цвѣта, по словамъ коптильщиковъ. Копченіе продолжается отъ 8 до 9 дней. Когда сельди остынутъ, ихъ снимаютъ, что требуетъ не болѣе 4-хъ часовъ, такъ что на соленіе, развѣшиваніе, копченіе и сниманіе употребляется не болѣе 12 дней. Соль, работа и у-

(*) Есть коптильни и на 120.000 сельдей, но лучшія вмѣщаютъ отъ 70.000 до 90.000.

трата (раздавленныя сельди, случайно попавшія между сельдями навага, корюшка) обходятся обыкновенно въ 10 р. с.; цѣна свѣжихъ сельдей около 40 или 45 к. за тысячу и даже дешевле, потому что ихъ коптятъ, когда онѣ дешевы. Цѣна копченыхъ отъ 90 коп. до 1 р. с. за тысячу, такъ что съ полной коптильни можно считать отъ 30 до 50 р. с. барыша. Иногда коптятъ и по заказу архангельскихъ купцовъ. Тогда сельди покупаются на счетъ заказавшихъ, а коптильщики получаютъ лишь уговорную плату съ тысячи сельдей. Это считаютъ выгоднѣе. Обыкновенно коптятъ не болѣе двухъ коптилень въ зиму; всѣхъ же ихъ въ четырехъ деревняхъ отъ 40 до 50, и накапчивается всего около 10.000.000 штукъ.

Эти сельди большею частію нехороши и не могутъ долго лежать, портясь преимущественно около костей. Это зависитъ главнѣйше отъ малаго количества соли, кратковременности просолки и копченія, а также и отъ самаго устройства коптилень. Улучшенія этого дѣла можно бы, по видимому, достигнуть устройствомъ образцовыхъ коптилень въ деревняхъ Сороцкой волости и посылкою нѣсколькихъ молодыхъ крестьянъ обучаться копченію въ С. Петербургѣ или Ригѣ, гдѣ такъ хорошо коптятъ семгу. Но я полагаю, что всѣ употребленныя на это издержки останутся почти безъ всякаго полезнаго дѣйствія. Дѣло въ томъ, что копченыя сельди, каковы онѣ ни есть, находятъ себѣ вѣрный сбытъ; ихъ скупаютъ съѣзжающіеся на нѣсколькихъ тысячахъ и даже десяткахъ тысячъ возовъ въ Сороку ко времени лова олончане, вологжане и архангельцы; ибо онѣ вполнѣ удовлетворяютъ своихъ неприхотливыхъ потребителей. Употребленіе же бо̀льшаго количества соли, болѣе продолжительное копченіе, устройство усовершенствованныхъ коптилень, по образцу казенныхъ, безъ сомнѣнія поведутъ къ увеличенію издержекъ и труда. Кто же за это заплатитъ? Теперешніе потребители сельдей, привыкшіе къ соленой трескѣ и палтусинѣ, всегда вонючимъ, и такъ считаютъ копченыхъ сельдей

лакомствомъ. Слѣдовательно, въ новомъ усовершенствованіи ихъ они замѣтятъ только увеличеніе цѣны, а это необходимо произведетъ уменьшеніе сбыта. Конечно эти болѣе дорогія сельди могутъ сбываться въ С. Петербургѣ, Москвѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть потребители съ болѣе прихотливымъ вкусомъ, чѣмъ по деревнямъ и городишкамъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, но неужели же хозяева коптилень, приносящихъ отъ 60 до 120 р. с. въ годъ, могутъ сами отыскивать себѣ этихъ новыхъ потребителей. Бывали примѣры, что поморы и мезенцы рѣшались сами везти въ С. Петербургъ или Москву свои продукты, въ надеждѣ продать ихъ тамъ дороже, чѣмъ на мѣстѣ. Такъ возили они гольцовъ, семгу, морошку, дичь,— все предметы, имѣющіе хорошій сбытъ въ обѣихъ столицахъ, и что же?—Почти всегда торговцы возвращались съ большимъ убыткомъ, потому что столичные купцы, понимая, что не назадъ же везти пріѣзжимъ свой товаръ, давали имъ цѣны ниже мѣстныхъ. Многіе пытались продавать товаръ въ разницу на Сѣнной, но и тамъ продажа не шла, потому что имъ отводили такія мѣста, гдѣ никакому покупателю и въ голову не взойдетъ искать семги или морошки. Не по домамъ же было имъ развозить свой товаръ! Такимъ образомъ многіе должны были отдать привезенное ими за безцѣнокъ; болѣе же настойчивые и упрямые увозили товаръ назадъ и тоже за безцѣнокъ продавали по городкамъ и селамъ, лежавшимъ на пути. Неужели же нѣтъ средствъ улучшить приготовленіе бѣломорскихъ сельдей? (Я говорю вообще приготовленіе, потому что сказанное о копченыхъ сельдяхъ вполнѣ относится и къ соленымъ). Безъ сомнѣнія есть, но этого улучшенія нельзя ожидать отъ крестьянъ, даже и при содѣйствіи имъ со стороны Правительства, а это должно быть дѣломъ промышленной компаніи, напримѣръ, хоть Бѣломорской, нынѣ существующей; но объ ней мы скажемъ послѣ.

Солятся сельди весенняго, лѣтняго и осенняго уловъ

въ Кандалакской губѣ, въ Поньгамѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, а по мелочи и въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящемъ отчетѣ я могу говорить только о соленіи сельдей въ Кандалакскомъ заливѣ, который впрочемъ доставляетъ торговлѣ наибольшую массу соленыхъ сельдей.

Сельди солятся здѣсь кучно, т. е. невычищенныхъ сыплютъ въ еловые или сосновые боченки, дурно держащіе разсолъ, мечутъ горстями на нихъ соль и потомъ перемѣшиваютъ. Крупныхъ ивановскихъ сельдей иногда вычищаютъ и кладутъ рядками въ боченки, но не брюшкомъ вверхъ, какъ бы слѣдовало, а плашмя. Соли кладутъ вообще слишкомъ мало и сельдь берутъ всякую, т. е. не разбирая того, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она поймана, тогда какъ въ соли хороша только та, которая была поймана въ теченіи ночи, а на утро посолена. Поэтому столь небрежно солимая сельдь получаетъ непріятный запахъ и у костей бываетъ красновата. На мой вопросъ рыбакамъ: почему они не всегда вырѣзаютъ внутренности? мнѣ весьма простодушно отвѣчали: «устюжане, батюшко, не побрезгаютъ, и съ кишечкой съѣдятъ».

Въ нынѣшнемъ году хорошій уловъ былъ лишь въ одной Керети, гдѣ насолили до 20.000 боченковъ весенняго улова и до 40.000 лѣтняго. Въ Ковдѣ сельдей было крайне мало, равно какъ и въ Княжой и въ Кандалакшѣ; въ этихъ мѣстахъ едва-ли добыли и по 3.000 боченковъ. За нормальное же количество можно принять отъ 30 до 35 тысячъ боченковъ въ каждой изъ деревень югозападнаго Кандалакскаго берега, промышляющихъ сельдянымъ ловомъ, т. е. въ Керети, Черной, Ковдѣ, Княжой и Кандалакшѣ, что составитъ, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ ловимыхъ въ остальныхъ деревняхъ этой губы: Гриднѣ и Умбѣ, отъ 150.000 до 200.000 боченковъ въ годъ. Такъ какъ въ такомъ боченкѣ бываетъ кругомъ около 100 штукъ сельдей и около пуда вѣсомъ, то весь Кандалакскій усолъ на продажу нельзя положить выше 200.000 пудовъ или 20.000.000

штукъ сельдей. Обыкновенно продаютъ ихъ въ Архангельскѣ или скупщикамъ, пріѣзжающимъ изъ Поморья, отъ 40 до 50 к. с. за боченокъ.

Улучшенія этой промышленности по тѣмъ же причинамъ, которыя я изложилъ, говоря о копченіи сельдей, можно ожидать только отъ Бѣломорской компаніи, а не отъ самихъ крестьянъ, которые и теперь вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ своихъ потребителей и, слѣдовательно, не имѣютъ никакихъ побудительныхъ причинъ жертвовать деньгами, трудами и временемъ для усовершенствованія своего соленія. Недостатка въ примѣрахъ болѣе тщательнаго соленія у нихъ не было, даже и до открытія дѣйствій Бѣломорской компаніи. Именно, примѣръ этотъ съ давнихъ временъ былъ подаваемъ Соловецкимъ монастыремъ, гдѣ приготовляются сельди, которыя если и не могутъ сравниться съ голландскими, то все-таки далеко превосходятъ норвежскихъ; но онѣ употребляются самими обитателями монастыря и только въ небольшомъ количествѣ сбываются въ Архангельскъ. Но, опять повторяю я, главное дѣло тутъ не въ примѣрѣ, а въ сбытѣ. Это ведетъ меня къ разсмотрѣнію вопроса, что сдѣлано до сихъ поръ Бѣломорскою компаніею для улучшенія сельдянаго промысла—единственной отрасли рыболовства, которымъ она доселѣ занималась, и чего можно ожидать отъ нея въ будущемъ.

Компанія насолила въ прошедшемъ году 700 пудовъ, а въ нынѣшнемъ 1859 году 4.000 пудовъ сельдей, преимущественно въ Керетской и Княжой губахъ. На мѣстѣ она солитъ ихъ въ большихъ бочкахъ, по 12 пудъ, потомъ въ Архангельскѣ крупныхъ пересаливаетъ и перекладываетъ въ пяти-пудовыя бочки. Качествомъ сельди эти, на мой вкусъ, хороши, кажется лучше даже соловецкихъ и едва ли уступаютъ шотландскимъ, несмотря на то, что сельди нынѣшняго усола всѣ ивановскія, потому что осенняго лова въ Кандалакской губѣ вовсе не было. Слѣдовательно можно надѣяться, что, когда компанія будетъ имѣть воз-

можность солить болѣе вкусныхъ и жирныхъ осеннихъ сельдей и сдѣлаетъ усовершенствованія въ соленіи, на которыя укажетъ ей опытъ, то сельди ея могутъ сравняться, если не съ лучшими, то съ обыкновенными сортами голландскихъ сельдей. Такъ какъ съ голландскимъ способомъ соленія я знакомъ только изъ книгъ, то не могу сказать, вполнѣ ли компанія слѣдуетъ ему въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ существеннаго, и въ какой степени выполняетъ требованія его. Что способъ, употребляемый ею, несовсѣмъ тождественъ съ голландскимъ, видно изъ того, что она употребляетъ не дубовыя бочки, а сосновыя и еловыя, а это, какъ кажется, составляетъ вовсе немаловажное обстоятельство, ибо Duhamel du Monceau въ своемъ Traité des pêches говоритъ, что голландцы покупали много шведскихъ сельдей, значительно улучшали ихъ перекладкою въ дубовыя боченки и такимъ образомъ сбывали за сельди своего соленія. На дняхъ компанія отправила первый свой транспортъ, состоящій изъ 20 возовъ, въ С. Петербургъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, количество посоленныхъ компаніею сельдей ничтожно, и хотя въ нынѣшнемъ году уловъ ихъ былъ однимъ изъ самыхъ незначительныхъ, все же можно бы было насолить несравненно болѣе. Надо замѣтить, что компанія получаетъ сельдей почти исключительно покупкою отъ крестьянъ, и такъ какъ она платитъ очень дешево, именно отъ 5 до 15 к. с. за сотню, то охотниковъ продавать ихъ ей является очень мало тѣмъ болѣе, что она, какъ это и должно дѣлать, при пріемкѣ бракуетъ сельдей, принимая только самыхъ свѣжихъ, пойманыхъ въ ночь. Мы видѣли, что крестьяне сами продаютъ боченокъ соленыхъ сельдей, въ которомъ около ста штукъ, на мѣстѣ и въ Архангельскѣ по 40 и даже по 50 к. с. Расходы на такой боченокъ не превышаютъ 10, а много что 15 к. с. Слѣдовательно, за свои сельди крестьяне получаютъ по крайней мѣрѣ 25 копѣйками болѣе съ каждой сотни, если сами ихъ посолятъ и продадутъ помору или свезутъ въ Архангельскъ,

чѣмъ сколько дастъ имъ компанія за свѣжихъ. Ничтожнаго труда при крестьянскомъ способѣ соленія нечего почти и въ расчетъ брать; что же касается того, что въ первомъ случаѣ они должны везти сельдей въ Архангельскъ моремъ, а во второмъ, напротивъ, получаютъ деньги сейчасъ же на мѣстѣ, то это не составляетъ для нихъ важнаго расчета, потому что продажа на мѣстѣ нисколько не избавляетъ ихъ отъ необходимости ѣхать въ Архангельскъ обыкновенно къ ярмаркѣ, бывающей около 8 сентября, дабы запастись тамъ всѣмъ необходимымъ на цѣлый годъ. Поэтому я думаю, что пока компанія не рѣшится платить крестьянамъ 10-тью или даже 15-тью копѣйками дороже нынѣшняго, т. е. пока крестьяне отъ продажи свѣжихъ сельдей не будутъ получать столько же барышей, сколько выручается ими отъ сбыта въ Архангельскѣ соленыхъ, до тѣхъ поръ количество солимыхъ сю сельдей останется ничтожнымъ и будетъ безъ примѣрнаго вліянія на бѣломорскіе сельдяные промыслы. Для компаніи очень возможно сдѣлать такое повышеніе цѣны, потому что она должна приготовлять лишь лучшіе сорта сельдей, которые можетъ сбывать въ С. Петербургѣ или Москвѣ за весьма хорошую цѣну, заведя тамъ свои собственныя депо; соперничать же съ крестьянами въ приготовленіи низшихъ сортовъ—не ея дѣло. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствительно, платить дороже за сельдей было бы для компаніи неразсчетливо. Конечно компанія могла бы еще сама заниматься ловомъ, нанимая для того работниковъ, но этимъ она принесла бы, по моему мнѣнію, величайшее зло здѣшнему краю. Всѣ берега Кандалакскаго залива, какъ по сѣверному положенію своему, (вершина залива, начиная отъ параллели, проходящій немного сѣвернѣе Ковды, лежитъ уже за полярнымъ кругомъ), такъ и по каменистому свойству почвы, (состоящей изъ голаго гранита или гнейса), не только неудобны для земледѣлія, которое тутъ вовсе и не производится, но жители даже принуждены унавоживать свои луга, которые они называютъ полями; они съ примѣрнымъ трудолюбіемъ обно-

сятъ ихъ изгородями, очищаютъ отъ мховъ и уравниваютъ, срѣзая кочки. Безъ этихъ трудовъ жители были бы не въ состояніи даже накосить достаточно сѣна для прокормленія своего немногочисленнаго скота. Рыболовство, слѣдовательно, составляетъ единственный источникъ ихъ пропитанія, при чемъ семожій ловъ, гдѣ онъ есть, составляетъ для нихъ источникъ уплаты государственныхъ податей, а сельдяной покрываетъ прочія ихъ нужды. Поэтому, если бы компанія вздумала сама ловить здѣсь сельдей, то, дѣйствуя въ большихъ размѣрахъ и обладая бо̀льшими средствами, она лишила бы здѣшнихъ жителей послѣдняго источника пропитанія, а впослѣдствіи, уничтоживъ всякое соперничество крестьянъ, могла бы постепенно возвысить цѣны на этотъ продуктъ, считаемый жителями сѣверныхъ губерній въ числѣ необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей.

Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, компанія не изъявляла намѣренія заниматься ловлею сельдей. Правда, въ нынѣшнемъ году она ловила и сама въ Вороньей губѣ, но съ согласія мѣстныхъ жителей, платя имъ за это 70 р. сер. арендной платы. Но я говорю въ предвидѣніи возможнаго будущаго, потому что, сколько мнѣ извѣстно, ни жители Кандалакскаго берега, ни другихъ береговъ Бѣлаго моря никакимъ положительнымъ закономъ въ этомъ отношеніи не обезпечены. Въ уставѣ же компаніи, § 1, сказано: «учреждаемая подъ вышеозначеннымъ названіемъ компанія имѣетъ цѣлью: 1) Распространеніе кораблестроенія и судоходства при Архангельскомъ портѣ. 2) Производство на Бѣломъ морѣ, Сѣверномъ океанѣ и на островахъ и берегахъ оныхъ *звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ,*» и проч. Итакъ, если бы она, опираясь на эту статью своего устава и на отсутствіе всякаго утвержденнаго законами береговаго права, вздумала заниматься и ловомъ сельдей, то ничто не могло бы ей воспрепятствовать привести въ исполненіе такое намѣреніе, а это, безъ сомнѣнія, оказало бы самое гибельное вліяніе на здѣшнее народонаселеніе и въ особенности на прибрежныхъ жите-

лей Кандалакскаго залива. Между тѣмъ компанія купила въ Вологодской губерніи соляные заводы, изъ чего можно заключить, что она намѣрена расширить свою рыбопромышленную дѣятельность, и на будущее время она, вѣроятно, неограничится добычей какихъ нибудь 4.000 пудовъ сельдей въ годъ. Но такого расширенія, какъ я показалъ выше, она можетъ достигнуть только двумя способами: или увеличивъ плату мѣстнымъ жителямъ за свѣжія сельди, и въ такомъ случаѣ дѣятельность компаніи будетъ благодѣтельна какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для Россіи вообще, или, занявшись сама ловомъ сельдей,—но, при такомъ предположеніи, дѣятельность ея будетъ гибельна для приморскихъ жителей и, по мимо нѣкоторой пользы, принесетъ большой вредъ для населенія всѣхъ трехъ сѣверныхъ губерній увеличеніемъ со временемъ, когда капиталъ дастъ ей возможность производить торгъ безъ всякаго соперничества, цѣны на низшіе сорты сельдей.

Я полагаю поэтому, что Правительство должно необходимо оградить права здѣшнихъ жителей отъ всякаго посторонняго облова, ибо здѣсь идетъ дѣло не о потерѣ какихъ нибудь отдѣльныхъ выгодъ, а о насущномъ хлѣбѣ народа, заселившаго нашъ суровый и негостепріимный сѣверъ. Если же Правительство не захочетъ прямо ограничить, въ указываемомъ мною смыслѣ, правъ, разъ уже утвержденныхъ за Бѣломорскою компаніею, то оно можетъ достигнуть той же цѣли инымъ образомъ, именно утвердивъ за мѣстными жителями,—подобно тому, какъ это существуетъ въ Норвегіи,—право исключительнаго лова на 10 верстъ отъ тѣхъ береговъ, (какъ материка, такъ и острововъ Бѣлаго моря), около которыхъ въ настоящее время производится ими ловъ. Однако право это не должно быть дано исключительно однимъ приморскимъ селеніямъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, по причинамъ, которыя я уже изложилъ, говоря о спорѣ между сорочанами и корелами; но оно должно быть распространено и на жителей, живущихъ на извѣстное число верстъ

въ глубь страны, или еще лучше до самыхъ границъ Архангельской губерніи, ибо изъ другихъ губерній никто не пріѣзжаетъ на берега Бѣлаго моря съ цѣлью рыболовства, а, слѣдовательно, отъ такого ограниченія никто не потерпитъ дѣйствительнаго лишенія. Что же касается Бѣломорской компаніи, то въ такомъ случаѣ ей конечно придется ограничиться приготовленіемъ однихъ высшихъ сортовъ соленыхъ сельдей, какъ того требуютъ выгоды края и какъ она дѣлала это доселѣ. Въ такомъ случаѣ я совѣтывалъ бы ей обратить преимущественное вниманіе на осеннихъ сельдей, какъ потому, что онѣ самыя жирныя и вкусныя, такъ и потому, что компанія, вѣроятно, можетъ ихъ пріобрѣсти покупкою отъ мѣстныхъ жителей дешевле прочихъ сельдей, ибо большую часть сельдей осенняго улова жители не успѣваютъ отвезти моремъ въ Архангельскъ въ томъ-же году, а сберегаютъ дома до будущей весны, до открытія судоходства, что для небогатыхъ крестьянъ невыгодно. Сверхъ того, компанія имѣетъ возможность, (если только она найдетъ это выгоднымъ для себя), приготовлять и средніе, и низшіе сорты сельдей не только безобидно, но даже и съ выгодою для мѣстныхъ жителей. Для этого ей слѣдовало бы имѣть коммиссіонера въ Сорокѣ и Покровскомъ во время производства тамъ зимнихъ промысловъ. Я уже говорилъ, что если въ это время наступаютъ оттепели, то жители отдаютъ сельдей за совершенный безцѣнокъ. Поэтому если бы компанія скупала такихъ сельдей во-время, то тѣмъ оказала бы услугу не только участвующимъ въ сороцкомъ и покровскомъ ловахъ, но и всему населенію, сохраняя отъ порчи значительныя массы сельдей. Компанія могла бы ихъ частію солить въ низшій сортъ, для сбыта по дешевымъ цѣнамъ въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской, частію же коптить улучшеннымъ образомъ для распродажи въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ.

В. Семга.

Семга поднимается по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море, и далѣе къ востоку почти до Хайпыдары. Но въ однѣ изъ этихъ рѣкъ, именно: лежащія къ западу отъ Двины, идетъ она въ три различные срока, тогда какъ въ Мезень и Печору только однажды, начиная съ половины іюля мѣсяца. Поэтому въ бѣломорскихъ рѣкахъ, по времени появленія семги, различаютъ три сорта ея: 1) *Закройка,* которая начинаетъ идти въ рѣки вскорѣ послѣ вскрытія льда т. е. въ концѣ мая и началѣ іюня. Она преимущественно икряная и икры у ней много, притомъ крупной и близкой уже къ зрѣлости. Семга эта бываетъ средней величины и именно въ среднихъ и мелкихъ рѣкахъ, каковы: Варзуха, Умба, Выгъ, и т. д., около 7 фунтовъ вѣсомъ. 2) *Межень* или *тинда* идетъ въ рѣки въ концѣ іюня и въ іюлѣ. Это—преимущественно самцы также съ близкими къ зрѣлости молоками. Этотъ сортъ самый мелкій, и кругомъ не превышаетъ 4 или 5 фунтовъ. Такъ изъ 33 семогъ, пойманныхъ у забора въ деревнѣ Кузомени на рѣкѣ Варзухѣ, пять рыбъ, на удачу взятыхъ, вѣсили вмѣстѣ 23 фунта; самая большая изо всѣхъ 33-хъ имѣла одинъ аршинъ въ длину и вѣсила восемь фунтовъ,—въ это время бо́льшихъ не попадается. 3) *Осень,* или какъ ее называютъ въ Онегѣ *чистая семга,* начинаетъ идти съ первыхъ чиселъ августа и продолжаетъ свой ходъ до появленія первыхъ признаковъ замерзанія рѣкъ, т. е. образованія первыхъ ледяныхъ кристаловъ—такъ называемой *шуги.* Здѣшніе рыбаки замѣчаютъ, что вообще, какъ только покажется шуга, семга перестаетъ подыматься изъ моря въ рѣки, а вошедшая уже въ нихъ останавливается. Это объясняютъ они тѣмъ, что шуга, проходя сквозь жабры, можетъ ихъ царапать. Между осенней семгой встрѣчается и икряная, и молочная; но какъ икра, такъ и молоки очень мало развиты, такъ что той же осенью она никакъ не можетъ выметать ихъ. Это—

самый крупный, жирный и во всѣхъ отношеніяхъ лучшій сортъ семги. Въ большихъ рѣкахъ, какъ напримѣръ, въ Двинѣ и Онегѣ, рыба обыкновенно бываетъ около полупуда, и вѣсомъ даже болѣе; въ прочихъ же она мало чѣмъ превосходитъ закройку, но все-таки вкуснѣе и жирнѣе ея.

Закройка и межень идутъ въ рѣки для того, чтобы въ ту же осень выметать икру, это метаніе начинается около половины сентября,—или, какъ здѣсь говорятъ, на Вздвиженской недѣлѣ. Передъ этимъ семга перемѣняетъ свой наружный видъ, такъ что бываетъ трудно признать ее за прежнюю рыбу. Чешуя становится крѣпче и грубѣе; общій цвѣтъ рыбы мѣняется, и на ней показываются красныя крапины; на оконечности нижней челюсти, въ перпендикулярномъ къ ней направленіи, выростаетъ довольно толстый и длинный крючекъ, для принятія котораго образуется у оконечности верхней челюсти ямка. Надо замѣтить, что крючекъ этотъ особенно великъ у самцовъ; но, какъ я имѣлъ случай неоднократно въ этомъ удостовѣриться, онъ всегда бываетъ примѣтенъ и у самокъ. Сверхъ того рыба худѣетъ и тощаетъ, отъ чего голова кажется больше обыкновенной; характеристическій красно-желтый цвѣтъ семожьяго мяса исчезаетъ и замѣняется какимъ-то неопредѣленнымъ бѣлесоватымъ цвѣтомъ; притомъ оно становится дряблымъ и безвкуснымъ. Въ такомъ видѣ семга получаетъ названіе *лоха;* самый же процесъ этого измѣненія называется *облошаніемъ*. Когда семга облошаетъ, тогда только начинаютъ приближаться къ созрѣванію икра и молоки, и она становится способною къ размноженію своей породы. Ни у одной рыбы самый актъ этого размноженія не былъ наблюдаемъ въ такой отчетливостію, какъ у семогъ. Шведскій натуралистъ Кейлеръ устроилъ для этого родъ ихтіологической обсерваторіи, состоявшей въ будкѣ съ отверстіемъ только внизу. Она была укрѣплена на горизонтальномъ бревнѣ, коего свободный конецъ, (т. е. на которомъ стояла будка), висѣлъ надъ рѣкою, другой же былъ укрѣпленъ на берегу, на шипѣ

такъ, что бревно вмѣстѣ съ будкою было подвижно. Лежа въ этой будкѣ и смотря въ воду, конечно чистую и прозрачную, въ какой только семга и мечетъ икру, онъ могъ ясно видѣть, что происходитъ на днѣ, ибо отблескъ отъ воды былъ устраненъ тѣнью отъ будки. Такимъ образомъ видѣлъ онъ, что самка, за которою слѣдовало нѣсколько самцовъ, отыскавъ мѣсто, гдѣ дно состояло изъ крупнаго песку и мелкихъ камушковъ, и обратясь головою противъ теченія, терлась брюхомъ о дно, чтобы выдавить изъ себя икру. Песокъ и камушки, сдвинутые съ мѣста, уносились теченіемъ на нѣкоторое разстояніе, но вскорѣ опять упадали на дно и образовывали за семгою родъ вала. У этого-то вала ожидали самцы и жестоко дрались между собою за право облить своими молоками икру, выпускаемую самкою и относимую теченіемъ къ валу. По Нильсону назначеніе крючка у лоховъ—сдѣлать эту драку между самцами по возможности безвредною для нихъ. Крючекъ этотъ упругъ и довольно мягокъ,—онъ препятствуетъ рыбамъ захватывать другъ друга своею большою пастью и такимъ образомъ дѣлаетъ безвредными ихъ большіе и острые зубы. Нильсонъ весьма остроумно сравниваетъ эти крючки съ пуговками, которыя надѣваются на рапиры при фехтованіи. Въ нѣкоторомъ отдаленіи за самцами почти всегда можно было видѣть стаю форелей, съ жадностью ожидавшихъ удаленія семогъ, чтобы съѣсть только что выметанную и оплодотворенную икру.

Если къ этому послѣднему обстоятельству прибавимъ, что икрянки семогъ очень велики,—съ ягоду красной смородины, и, слѣдовательно, не такъ многочислены, какъ у большинства рыбъ, и что, какъ увидимъ ниже, есть причины думать, что эта рыба мечетъ икру не каждый годъ, то становиться понятнымъ, почему число этихъ рыбъ нигдѣ не бываетъ очень велико. Въ количественномъ отношеніи семга не только далеко уступаетъ мелкимъ породамъ рыбъ, каковы, напримѣръ, сельди,—что сообразно съ общимъ за-

кономъ природы, по которому мелкія животныя одного и того же класса, всегда размножаются сильнѣе, нежели крупныя,—но даже и такимъ рыбамъ, которыя, какъ напримѣръ, осетры, превосходятъ ихъ величиною и подобно имъ мечутъ икру не въ морѣ, а въ рѣкахъ, и тоже, какъ кажется, не ежегодно, но у которыхъ за то число икрянокъ считается сотнями тысячъ и даже милліонами. По этому мѣры къ охраненію этой породы должны быть строже, чѣмъ для всякой другой. Это сдѣлается еще очевиднѣе, если примемъ во вниманіе, что относительно этой рыбы многими наблюденіями доказано, что она возвращается метать икру именно въ тѣ рѣки, въ которыхъ вывелась, и что ей по большей части надо весьма высоко подниматься по нимъ, чтобы найти для своего размноженія удобное мѣсто,—обстоятельство, которое, какъ показалъ г. Бэръ, вредно дѣйствуетъ и на сохраненіе осетровыхъ породъ. Всѣ эти условія такъ неблагопріятны для размноженія семожей породы, что приходилось бы еще удивляться, отчего она давно уже не уничтожена въ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ ее сильно преслѣдуютъ, если бы природа не приняла нѣкоторыхъ мѣръ, къ ея сохраненію. 1) Семожьи мальки, лишь только изъ рѣкъ попадутъ въ море, растутъ весьма быстро и потому менѣе подвергаются опасности быть съѣденными другими рыбами, — опасности, которой мелкія рыбы очевидно подвержены несравненно въ бо̀льшей степени нежели крупныя. Къ этому присоединяется еще то, что, по крайней мѣрѣ, самцы весьма рано достигаютъ полной зрѣлости: изъ опытовъ г. Шау извѣстно, что 18 мѣсячный самецъ, величиною не больше четверти, уже способенъ къ оплодотворенію икры, выметанной болѣе старыми самками. 2) Во время своего пребыванія въ рѣкахъ, которое продолжается два года послѣ вылупленія изъ яйца, мальки почти вовсе не попадаются рыбакамъ, которымъ, у насъ по крайней мѣрѣ, даже вовсе и неизвѣстны. Это зависитъ отъ того, что въ быстрыхъ рѣкахъ, въ которыхъ рыбы эти проводятъ

свое дѣтство, нельзя употреблять частыхъ неводовъ и вообще частыхъ сѣтей. 3) Взрослая семга очень ловка и быстра въ своихъ движеніяхъ (въ этомъ отношеніи она превосходитъ почти всѣхъ рыбъ), и потому избѣгаетъ многихъ опасностей и ловушекъ, выставляемыхъ противъ нея человѣкомъ. И наконецъ, 4) она подымается большею частью въ рѣки мало населеннаго сѣвера, гдѣ ловъ ея не можетъ, къ счастью, быть очень усиленнымъ и напряженнымъ.

Облошавъ и выметавъ икру, семга обыкновенно проводитъ всю слѣдующую зиму въ рѣкахъ и только на весну возвращается въ море, гдѣ мало-по-малу принимаетъ видъ настоящей семги; но слѣды крючка всегда остаются замѣтными. Возвращающіеся изъ рѣкъ въ море лохи извѣстны подъ именемъ *вальчаковъ;* тѣ же, которые провели уже нѣкоторое время въ морѣ, но не совершенно еще приняли видъ семги, и сохранили еще на жаберныхъ крышечкахъ красныя точки называются здѣшними рыбаками *кирьякали.* Эти послѣдніе, равно какъ и вальчакъ и лохъ, цѣнятся гораздо дешевле настоящей семги, ибо несравненно хуже ея вкусомъ.

Осенняя семга, поднявшись въ рѣки, не успѣваетъ облошать въ томъ же году, и потому зимуетъ въ нихъ, проводитъ все лѣто и только на слѣдующую осень мечетъ икру, что доказывается тѣмъ, что не только въ теченіи всей зимы попадаются въ рѣкахъ не облошавшіяся семги, но даже и въ тѣхъ рыбахъ, которыя ловятся весною, икра далеко еще не дозрѣла. Со вскрытіемъ льда эта семга поднимается выше по рѣкамъ и мечетъ икру преимущественно въ верховьяхъ ихъ, тогда какъ тинда и закройка мечутъ ее обыкновенно у нижнихъ пороговъ, черезъ многіе изъ которыхъ, по своей слабости, не имѣютъ силы перескочить, какъ это дѣлаетъ бóльшая ростомъ и болѣе сильная осенняя семга.

Такимъ образомъ осенняя семга остается въ рѣкахъ болѣе полутора года и, слѣдовательно, если даже предположимъ, что на осень того же года, весною котораго она спустилась въ море, она снова поднимается въ рѣки, ей при-

дется выметывать икру только черезъ годъ. Зачѣмъ же, спрашивается, она такъ рано поднимается въ рѣки, когда икра у ней еще не созрѣла и, когда слѣдовательно, не можетъ чувствоваться потребность освободиться отъ нея. Здѣшніе рыбаки считаютъ осенній ходъ семги какъ-бы за нормальный, и, по ихъ мнѣнію, закройка состоитъ изъ тѣхъ рыбъ, которыя осенью не успѣли до заморозовъ подняться въ рѣки, и у которыхъ въ теченіи зимы икра успѣваетъ нарости въ морѣ на столько же, на сколько наростаетъ она и у семги, вошедшей въ рѣки прошлою осенью. Конечно такое разсужденіе ничего не объясняетъ, и, такъ сказать, представляетъ дѣло на выворотъ, объясняя и безъ того понятный весенній ходъ рыбы непонятнымъ или, лучше сказать, менѣе понятнымъ осеннимъ ходомъ ея. Писатели, говорящіе о ходѣ семги въ рѣки Западной Европы, упоминаютъ, что и тамъ этотъ ходъ продолжается отъ весны до осени, но нигдѣ не случалось мнѣ читать, чтобы и тамъ осенняя семга была съ мало развитою икрою. У насъ на югѣ, на Курѣ и Терекѣ, семга, поднимающаяся въ октябрѣ мѣсяцѣ, имѣетъ икру весьма близкую къ зрѣлости. Но что въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ дѣйствительно бываетъ такъ, какъ говорятъ архангельскіе рыбаки, въ этомъ я имѣлъ случай вполнѣ удостовѣриться на Печорѣ, гдѣ у всѣхъ взрѣзанныхъ мною рыбъ икра и молоки были въ самомъ началѣ ихъ развитія. Западные писатели утверждаютъ также, что семга, выметавъ икру, сейчасъ же возвращается въ море, чего у насъ опять таки не бываетъ. Но именно въ различіи условій, въ которыхъ находятся наши и большая часть западно-европейскихъ рѣкъ, и заключается, кажется мнѣ, ключъ къ объясненію, какъ хода въ рѣки осенней семги съ неразвитыми еще икрою и молоками, такъ и того, что, семга выметавъ уже икру, остается зимовать въ рѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, осенній ходъ семги, не съ прямою цѣлью метанія икры въ рѣкахъ, составляетъ у насъ вовсе не исключительное явленіе, а скорѣе общее правило для всѣхъ рыбъ, поднимающихся изъ морей

въ рѣки. Такъ на Уралѣ осетровыя породы, сверхъ весенняго хода въ эту рѣку для метанія икры, поднимаются въ нее въ другой разъ осенью, на чемъ и основано знаменитое тамошнее багренье. Этотъ осенній ходъ осетровъ въ Уралѣ по количеству рыбы вовсе не уступаетъ весеннему, и даже, кажется, превосходитъ его. Тоже замѣчается и въ Волгѣ. Судаки въ обѣихъ этихъ рѣкахъ тоже поднимаются не только весною, но и осенью. Между тѣмъ замѣчательно, что въ болѣе южной и рѣдко замерзающей Курѣ осенній ходъ рыбы сравнительно весьма незначителенъ. Объ осетрахъ достовѣрно извѣстно, что они проводятъ зиму въ ямахъ, собравшись въ нихъ большими кучами и оставаясь тамъ все время въ неподвижности. Слѣдовательно, они ищутъ себѣ въ рѣкахъ, покрытыхъ толстою ледяною корою, покоя на зиму. Я не знаю проводитъ ли семга зиму въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ въ такомъ же усыпленіи, какъ осетры въ Волгѣ и Уралѣ, но еслибы этого и не было, то одна цѣль — отыскать себѣ тихое убѣжище отъ зимнихъ бурь и непогодъ подъ ледянымъ покровомъ рѣкъ—можетъ достаточно объяснить осеннее стремленіе рыбы въ рѣки. Валансіенъ говоритъ: «On ne connait pas les retraites de ce poisson dans le fond de l'Océan», и, приведя далѣе нѣкоторые факты, показывающіе, что семга едва ли скрывается на большихъ глубинахъ, продолжаетъ: «je ne m'etonnerrais pas que les habitudes des saumons n'aient quelque analogie avec celles des truites (форели), et qu' une fois entrés dans la mer, ces poissons n'aiment à se retirer dans des grands trous creusés le long de la cote, ainsi que nos truites le font dans toutes les rivières». Если, слѣдовательно, семга нуждается, въ нѣкоторые періоды своей жизни, въ тихихъ убѣжищахъ, то въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ этой цѣли скорѣе могутъ удовлетворить покрытыя льдомъ рѣки, чѣмъ ямы прибрежій океана. Тамъ же, гдѣ рѣки не замерзаютъ и гдѣ, слѣдовательно, до дна взволновываются непогодою, семгѣ нѣтъ причины предпочитать зимовку въ рѣкахъ зимовкѣ въ морѣ.

Чтобы понять, почему въ большихъ рѣкахъ, каковы Двина, Мезень и Печора, замѣчается только одинъ осенній ходъ семги, надо обратить вниманіе еще на одно свойство этой рыбы—именно на то, что она ищетъ всегда чистой, прозрачной воды. Рѣки же эти, вскрываясь не ранѣе первой половины мая, а еще чаще во второй и даже въ іюнѣ, послѣ своего разлива долго остаются мутными, такъ что ранѣе половины или даже конца іюля семгѣ нельзя въ нихъ подниматься; такимъ образомъ тутъ необходимо исчезаетъ все различіе между закройкою, меженью и осенью.

Теперь слѣдовало бы мнѣ перейти къ высшей степени разнообразной организаціи семожьяго лова и къ распредѣленію получаемой отъ него добычи, но такъ какъ мой разсказъ не имѣлъ бы достаточной ясности для тѣхъ, которые незнакомы съ орудіями, употребляемыми при семожьемъ ловѣ, то я и постараюсь прежде дать общее понятіе о сихъ послѣднихъ.

1) *Заборы.* Поперегъ всей рѣки, или части ея, дѣлаютъ перегородку изъ свай и кольевъ, къ которымъ прислоняютъ родъ плетня. Заборы имѣютъ обыкновенно форму зигзага, во входящихъ углахъ котораго оставлены отверстія, куда вставляются мережи (родъ сѣтяныхъ мѣшковъ съ деревянным продыравленнымъ дномъ), въ которыя рыба можетъ свободно войти, но изъ которыхъ не можетъ обратно выйти. Мережи эти осматриваютъ ежедневно. Такъ какъ семга очень бойка и, пока она въ водѣ, ее очень трудно захватить и вынуть изъ мережи, то онѣ устроены такъ, что могутъ быть поднимаемы изъ воды посредствомъ ворота, утвержденнаго сзади ихъ на сваяхъ. Когда мережа поднята, то взошедшему въ нее работнику уже легко на сухомъ полу мережи схватить и выбросить вонъ рыбу.

2) *Завѣски.* Родъ ставныхъ сѣтей, располагаемыхъ особеннымъ образомъ у морскихъ береговъ, вдоль которыхъ идетъ семга, стремясь въ рѣки. Именно, одинъ рядъ утвержденныхъ на кольяхъ сѣтей ставится отъ самаго берега пер-

пендикулярно къ его направленію, — эта часть называется *стѣною*. Другой рядъ сѣтей примыкаетъ своею серединою къ первому, идя къ нему перпендикулярно и, слѣдовательно, паралельно берегу, другими словами: образуетъ съ первымъ рядомъ фигуру, подобную буквѣ Т; это—такъ называемый *заводъ*. Къ концамъ его приставляется *тайникъ*: сѣть, въ формѣ полукруга или многоугольника, обращенная отверстіемъ къ стѣнѣ. Доступъ въ тайникъ съуженъ двумя сѣтями, идущими косо внутрь сего послѣдняго отъ обѣихъ его оконечностей (свободной и прилегающей къ заводу) и оставляющими между собою только узкій входъ—*воротцы*. Дно тайника также состоитъ изъ сѣти. Семга, идущая вдоль берега, упирается въ стѣну, заворачиваетъ вдоль ея, упирается въ заводъ, опять заворачиваетъ и конецъ попадаетъ воротцами въ тайникъ, изъ котораго ей уже трудно выбраться.

3) *Гарвы* морскія и рѣчныя. Простой рядъ ставныхъ сѣтей, идущій въ перпендикулярномъ направленіи къ берегу, въ крупныя ячеи которыхъ семга завязаетъ. Морскія бываютъ очень длинны; на Печорѣ, напримѣръ, гдѣ онѣ называются *тонями*, въ нѣсколько верстъ; рѣчныя же имѣютъ не болѣе 10 или много 15 саженъ. Рѣчныя устанавливаются обыкновенно въ искуственной затиши, которую образуютъ, вбивая въ удобныхъ мѣстахъ недлинный рядъ кольевъ и приваливая къ нему хворостъ. Это называется *заколомъ*. Семга для отдыха идетъ на затишь и попадаетъ въ разставленныя тутъ гарвы, или рюжи и мережи.

4) *Обыкновенные невода*.

5) *Поѣзды*; нѣчто въ родѣ астраханскихъ поѣздухъ или уральскихъ ярыгъ, т. е. мѣшки изъ сѣтей, которые за оба конца тянутъ въ водѣ, греблею на лодкахъ.

И 6) *пóплавни* (волжскія плавныя сѣти); сѣтяныя полотна различной длины, одинъ конецъ которыхъ удерживается веревкою съ лодки, а другой, прикрѣпленный къ боченку или вообще къ поплавку, свободно плаваетъ, такъ что вся сѣть медленно подается по теченію.

Самыя опасныя изъ этихъ орудій, т. е. такія, которыя всего легче могутъ вести къ злоупотребленіямъ, суть безъ сомнѣнія заборы, и устройство ихъ почти вездѣ таково, что препятствуетъ ходу семги по рѣкамъ, потому что они большею частью совершенно перегораживаютъ эти послѣднія, неоставляя промежутка для прохода рыбы вверхъ. Заборы эти устроены на всѣхъ сколько нибудь значительныхъ рѣкахъ бѣломорскаго прибрежья за исключеніемъ Двины, Кулоя и Мезени. На Двинѣ устройству ихъ препятствуетъ, кромѣ самой ширины рѣки, производимое на ней судоходство; на Кулоѣ же и Мезени—необыкновенно сильный приливъ, оказывающій свое дѣйствіе на значительное разстояніе отъ устьевъ этихъ рѣкъ. Если до сихъ поръ дѣйствіе заборовъ не было столь губительно, какъ бы можно было ожидать, то это отъ того, что ихъ принуждены бываютъ разбирать передъ наступленіемъ морозовъ, ибо въ противномъ случаѣ ихъ сломаетъ льдомъ при вскрытіи здѣшнихъ быстрыхъ рѣкъ. Вновь устроивать заборы можно не ранѣе конца іюня, когда закройка и часть межени уже прошли. По этому мнѣ кажется, что нѣтъ нужды совершенно запрещать этихъ орудій, а достаточно ограничить число ихъ нынѣ существующими и строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ каждомъ заборѣ непремѣнно оставлялся для рыбы свободный проходъ такой ширины, какая предложена г. Бэромъ.

Здѣсь будетъ умѣстно обратить вниманіе на ложность одного начала, которымъ, по мнѣнію многихъ пишущихъ о рыболовствѣ, должно руководствоваться для сохраненія рыбнаго запаса. Академикъ Бэръ уже возставалъ противъ него въ своихъ отчетахъ, но такъ какъ предразсудокъ этотъ весьма укорененъ, то я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ же предметѣ въ примѣненіи къ Бѣлому морю, тѣмъ болѣе, что здѣшнее рыболовство представляетъ весьма рѣзкій примѣръ неосновательности этого положенія. Именно, весьма часто высказывается мысль, что будто бы всѣ рыболовныя орудія могутъ быть раздѣлены, по ихъ вліянію на

рыбное хозяйство, на два класса: на *вредныя* и на *безвредныя*, и что только со строжайшимъ запрещеніемъ первыхъ ловъ приметъ характеръ должной правильности, справедливости, по отношенію къ выше-живущимъ по рѣкамъ, и попечительности о сохраненіи рыбнаго запаса. Такъ: учуги, забойки, заколы, заборы разнаго вида, равно какъ и крючковыя снасти многими считаются за *безусловно вредныя* орудія. Разнаго же рода сѣти: ставныя (собственно ставныя сѣти, аханы, вентеря, рюжи и т. д.), плавныя (поплавни, ярыги, поѣздухи), вытяжныя (невода, бредни), подъемныя и набрасывательныя (персидскія малушки), на оборотъ, считаются совершенно *безвредными*, если только онѣ не слишкомъ часты. Между тѣмъ легко доказать, что всѣ сорты сѣтей, за исключеніемъ развѣ набрасывательныхъ, могутъ быть сдѣланы столь же вредными, какъ и заборы, и—на оборотъ—эти послѣдніе, если они временные, а не постоянные, устроены не поперегъ всей ширины рѣки и не составляютъ цѣлаго ряда стоящихъ одна за другою перегородокъ, не заключаютъ въ себѣ ничего особливо вреднаго.

Что невода могутъ оказаться вредными, если ихъ употребляютъ по нѣскольку за разъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ такъ, что, когда одинъ вытягиваютъ, то другой стоитъ на мѣстѣ поперегъ рѣки, а третій уже завозится,—это достаточно показываетъ волжское рыболовство. Здѣсь же я представлю примѣръ, какъ можно сдѣлать поплавень, принадлежащій къ одному изъ самыхъ безвредныхъ разрядовъ сѣтей, столько же вреднымъ, какъ и любой заборъ. Въ рѣку Кулой, вливающуюся въ Мезенскій заливъ верстахъ въ 30 влѣво отъ устья Мезени, впадаетъ справа рѣка Сояна, уже въ Мезенскомъ уѣздѣ. На Кулоѣ, въ 30 верстахъ отъ устья его, лежитъ деревня Долгая Щель, Мезенскаго же уѣзда; гораздо выше ея по рѣкѣ Пемшюгѣ, въ Пинежскомъ уѣздѣ, находится деревня Пемнюга, въ дачахъ которой протекаютъ верховья Сояны. Семга поднимается въ довольно значительномъ количествѣ по Кулою и, дойдя до устьевъ Сояны, сворачиваетъ въ нее, потому что вода ея пригоднѣе для этой

рыбы, и мечетъ икру уже въ Пинежскомъ уѣздѣ, но, къ сожалѣнію, достигаетъ туда лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ. Надобно еще сказать, что какъ вообще въ Мезенскомъ заливѣ, такъ и преимущественно въ устьѣ Кулоя приливъ бываетъ необыкновенно силенъ. Во время сизигій вода поднимается при устьѣ на 3 сажени слишкомъ, и, не смотря на довольно сильное теченіе, приливъ въ рѣкѣ чувствителенъ болѣе, чѣмъ на сто верстъ вверхъ по Кулою. Когда я плылъ внизъ по этой рѣкѣ во время моей поѣздки на Печору, то, не доѣзжая 15 верстъ до Долгой Щели, слѣдовательно въ 45 верстахъ отъ устья, насъ засталъ приливъ. Вода остановилась, не имѣя теченія ни въ ту, ни въ другую сторону. Кормщикъ спѣшилъ пристать къ выдавшемуся въ рѣку крутому мысу, за которымъ лодка наша могла найти себѣ защиту. Лишь только мы вышли на берегъ и взошли на мысъ, то увидѣли, что за мысомъ рѣка, шумя и пѣнясь, неслась уже противъ обыкновеннаго своего теченія съ такою ужасающею быстротою, что ни греблею, ни тягою, ни даже парусомъ при сильномъ вѣтрѣ не было возможности идти противъ направленія прилива.

Сообразно съ этими естественными условіями мѣстности, ловъ семги въ нижнемъ Кулоѣ раздѣляется на двѣ части. Одни ловятъ ниже Долгой Щели. Тутъ рѣка будетъ шириною по крайней мѣрѣ съ Неву у Литейнаго моста, если не шире; поэтому самые большіе поплавни далеко не могутъ хватать и въ половину ширины рѣки. Кромѣ того, ловъ можетъ тутъ продолжаться даже и при кроткой водѣ, т. е. во время квадратуръ, лишь во время отлива. Передъ тѣмъ же временемъ, когда вода стремительно обращается противъ своего обыкновеннаго теченія, спѣшатъ вынимать поплавни, ибо иначе ихъ перепутало бы, а пожалуй и разорвало бы несущимися бревнами, сучьями и т. п.; въ слѣдствіе это много рыбы проходитъ вверхъ за Долгую Щель. Другіе ловятъ выше этой деревни, именно начиная отъ устья Сояны, стараясь перехватить на пути рыбу, сворачивающую въ эту послѣднюю. Для этого лова употребляютъ тоже поплавни,

но такіе, которые хватають черезъ всю рѣку, которая здѣсь уже не очень широка. Такимъ образомъ употребляютъ 10 и болѣе поплавней, плывущихъ одинъ за другимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Проплывъ нѣсколько верстъ до назначеннаго мѣста, первый вытягиваетъ свой поплавень и обираетъ запутавшуюся въ ячеяхъ его рыбу; второй, доплывъ до того же мѣста, тоже вытягиваетъ свой поплавень, и т. д. до послѣдняго. Съ этого мѣста начинаютъ новый плавъ, но уже въ другомъ порядкѣ, такъ чтобы каждому доставалось по очереди быть переднимъ, которому, очевидно, болѣе попадаетъ рыбы, нежели заднимъ. Ежели же во время плава застигнетъ ловцовъ приливъ прежде, нежели они достигнутъ назначенной грани, то всякій останавливается тамъ, гдѣ его засталъ приливъ, прикрѣпляетъ оба конца своего поплавня къ кольямъ, воткнутымъ въ берега, образуя изъ сѣти перегородку, идущую поперегъ всей рѣки, и остается въ такомъ положеніи сколько возможно. При малыхъ водахъ пережидаютъ весь приливъ и потомъ доплываютъ предназначенное пространство до грани; при сильныхъ же водахъ, которыхъ бываетъ не болѣе 6 дней въ мѣсяцъ, оставляютъ поплавни растянутыми до тѣхъ перъ, пока это дозволяетъ стремительность прилива, и за тѣмъ вынимаютъ ихъ изъ воды; остающееся же пространство до грани доплываютъ по окончаніи прилива.— Понятно, что, при такомъ употребленіи невинныхъ поплавней, они становятся вреднѣе всякаго забора, и что въ верховья Сояны проходитъ очень мало семги, такъ что не только жители Немнюги остаются обиженными, но—и это главное— семга не можетъ здѣсь доходить до мѣстъ, гдѣ ей удобно метать икру. Я полагаю поэтому, что, во избѣжаніе этого и подобныхъ сему злоупотребленій, надо 1) повсемѣстно запретить ловъ поплавнями, длина коихъ превосходитъ половину ширины рѣки, и 2) запретить распяливать ихъ въ видѣ перегородокъ поперегъ рѣки подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, или другими словами — дозволить употреблять

поплавни только сообразно ихъ настоящему предназначенію, т. е. какъ плавную сѣть, а не какъ ставную. Оба эти правила будутъ очевидно имѣть примѣненіе лишь къ небольшимъ и средней величины рѣкамъ, потому что въ большихъ, каковы, напримѣръ, Двина и Печора, уклоненіе отъ нихъ невозможно по самой сущности дѣла. Что касается до втораго пункта, то въ его пользѣ и необходимости не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ что никто изъ здравомыслящихъ людей не станетъ его оспаривать; но относительно перваго я считаю полезнымъ войти въ нѣкоторыя разъясненія.

Когда вышло постановленіе, чтобы длина неводовъ не превышала половины ширины рѣки, то оно возбудило большое неудовольствіе между волжскими рыбопромышленниками, такъ что даже никто не хотѣлъ, подъ этимъ условіемъ, брать на откупъ мелкихъ оброчныхъ участковъ, отдаваемыхъ въ Астрахани палатою государственныхъ имуществъ. Академикъ Бэръ, вникнувъ въ эти жалобы, нашелъ, что такая мѣра дѣйствительно стѣснительна и что ловъ крупной рыбы, въ нѣсколько значительномъ количествѣ, при совѣстливомъ исполненіи предписанной мѣры, почти невозможенъ. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ отмѣнить ее, но подъ условіемъ—ограничить время лова извѣстною частью сутокъ. Если я предлагаю здѣсь для поплавней такую мѣру, которая отвергнута для неводовъ, то потому что между этими двумя рыболовными орудіями, въ отношеніи ихъ дѣйствія на задержаніе хода рыбы вверхъ по рѣкамъ существуетъ немаловажное различіе. Лодка, выкидывающая неводъ, переѣзжаетъ сначала всю рѣку съ берега на берегъ, но, лишь только достигла противуположнаго берега, сейчасъ заворачиваетъ и завозитъ неводъ полукругомъ, такъ что онъ перегораживаетъ всю рѣку только на одно мгновеніе, и по мѣрѣ приближенія лодки къ берегу, съ котораго будутъ его тянуть, свободное для прохода рыбы пространство все болѣе и болѣе увеличивается. Притомъ, такъ какъ на закидываніе и тягу

большихъ неводовъ требуется нѣсколько часовъ, поэтому, если ловъ производится, (какъ это и должно), такимъ образомъ, что второй неводъ закидывается не ранѣе того, когда первый уже почти вытянутъ, то даже при ловѣ, не перемежающемся въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, неводъ будетъ совершенно перегораживать рѣку только въ теченіе какого нибудь получаса или часа. Поплавень же напротивъ того, будучи разъ перекинутъ поперегъ рѣки, плыветъ нѣсколько верстъ, на что требуется не одинъ часъ, оставаясь всегда самъ себѣ параллельнымъ. Если сверхъ того плыветъ не одинъ поплавень, а цѣлый рядъ ихъ, то, конечно, чтобы проскользнуть сквозь эти движущіяся стѣны, нужно рыбѣ необыкновенное счастье.

Кромѣ сплошныхъ заборовъ, устроенныхъ въ большей части рѣкъ бѣломорскаго прибрежья, и безразсуднаго употребленія поплавней на Кулоѣ, вредное вліяніе на размноженіе, какъ семги, такъ и рыбы вообще, оказываютъ заведенія для гонки смолы, изъ которыхъ жидкіе продукты сухой перегонки дерева обыкновенно спускаются въ рѣки Это дѣлается именно по рѣчной системѣ Ваги, гдѣ очень много такихъ заведеній. Въ Вагу же и притоки ея Вель, Паденгу и Подюгу преимущественно идетъ семга, поднимающаяся въ Двину. До какой степени такой спускъ съ заводовъ пагубенъ для рыбы, можно судить по слѣдующему, существующему тамъ обычаю. Въ небольшія озера, въ которыя заходитъ рыба весною во время разлива рѣкъ, преимущественно для метанія икры, (это говорится не о семгѣ, которая въ озера съ этою цѣлью никогда не заходитъ), вливаютъ бочку жидкихъ продуктовъ сухой перегонки, отъ этого вся рыба всплываетъ къ верху, гдѣ ее и вылавливаютъ. Это дѣлается преимущественно тамъ, гдѣ дно завалено ломомъ и гдѣ поэтому трудно тянуть неводомъ. Послѣ сего не удивительно, что въ упомянутыхъ мною рѣкахъ, не смотря на чистоту воды, быстроту теченія и каменистое или песчаное дно ихъ, очень мало семги. Г. Шульцъ сообщаетъ,

что рыболовныя тони при впаденіи Вели въ Вагу отдаются на откупъ за 1 р. с. Замѣчено, что рыба покидаетъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ только устраиваются стоки въ рѣку жидкостей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Что касается до описаннаго способа лова въ озерахъ, то конечно онъ долженъ быть запрещенъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Болѣе затрудненій представитъ устройство смоляныхъ гонокъ такъ, чтобы продукты ихъ или собирались въ одно мѣсто, или покрайней мѣрѣ спускались не въ рѣки. При поѣздкѣ моей въ Вологду, я постараюсь собрать свѣдѣнія относительно этого предмета. Еще я долженъ упомянуть, что въ этихъ же рѣкахъ для лова семги перегораживаютъ ихъ неводами, растягиваемыми съ берега на берегъ, вылавливаютъ рыбу въ такомъ замкнутомъ пространствѣ, и послѣ того переносятъ перегородку выше. Нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ способъ лова долженъ быть запрещенъ, какъ это впрочемъ уже предусмотрѣно въ предложенныхъ академикомъ Бэромъ общихъ рыболовныхъ законахъ для всей Имперіи.

За симъ перехожу къ организаціи семожьяго лова на прибрежьѣ Бѣлаго моря и на впадающихъ въ него рѣкахъ. И здѣсь, какъ и при описаніи сельдяннаго лова, я приведу примѣры главнѣйшихъ видоизмѣненій ея.

Начинаю съ одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ, по количеству ловимой въ немъ семги, мѣстъ,—съ селеній по рѣкѣ Варзухѣ.

Къ деревнѣ Варзухѣ, лежащей въ 18 верстахъ отъ устья рѣки того же имени, приписаны въ одно общество: Кузомень, при устьѣ Варзухи; Кашкаренцы и часть Оленицы, на западъ отъ нея, и Чаванга, Тетрина, Стрѣльня, Чапома и часть Пялицы — на востокъ; всего 987 душъ. Всѣ домохозяева собираются на новый годъ, изъ трехъ лѣтъ два раза въ Варзуху и одинъ въ Кузомень, для продажи съ аукціона мѣстъ, гдѣ ловится семга. Всѣ 987 душъ раздѣлены на пять частей, называемыхъ ярлыками. Записанные разъ въ ярлыкъ въ немъ и остаются до новой ревизіи, по-

слѣ которой росписываются вновь. Это раздѣленіе на ярлыки сдѣлано собственно во избѣжаніе неразлучныхъ съ такою продажею шума и сумятицы. Каждый ярлыкъ собирается въ особой избѣ. Для наивозможно бо́льшаго уравненія выгодъ, каждый ярлыкъ имѣетъ свою долю въ каждомъ изъ рыболовныхъ участковъ; но участки эти раздѣлены на пять частей не въ дѣйствительности, а только идеально, т. е. собственно раздѣлены не участки а, право пользованія ими. Одинъ и тотъ же покупатель можетъ купить какой нибудь участокъ, напримѣръ, заборъ при селѣ Варзухѣ, у всѣхъ пяти ярлыковъ;—и въ такомъ только случаѣ пользуется всѣмъ ловомъ у этого забора безраздѣльно. Но онъ можетъ также купить его только у одного или у нѣкоторыхъ, а не у всѣхъ ярлыковъ, и тогда будетъ владѣть ловомъ сообща съ другими, купившими у остальныхъ ярлыковъ. Каждый изъ этихъ покупателей не будетъ однакоже владѣть опредѣленною частью забора,—а лишь пользоваться одною или нѣсколькими пятыми долями общаго улова. Такъ какъ каждый ярлыкъ продаетъ свои доли въ отдѣльной избѣ, то и приходится, что одни продаютъ въ общей сложности дешевле, а другіе дороже; но разница эта никогда не составляетъ болѣе 3 р. ас. на душу въ каждомъ ярлыкѣ, обыкновенно же гораздо менѣе. Деньги за проданные участки каждый ярлыкъ получаетъ отдѣльно и дѣлитъ ихъ поровну по душамъ, при чемъ прежде всего очищаютъ подати, а затѣмъ остальныя деньги раздаютъ по рукамъ. Само собою разумѣется, что изъ общей суммы, такимъ образомъ собранной, сами покупатели также получаютъ свою подушную долю. Въ число этихъ участковъ входятъ: морскія тони, ловъ въ рѣкахъ Чавангѣ, Чапомѣ и другихъ, впадающихъ въ море на пространствѣ берега, принадлежащаго общинѣ, и два забора: одинъ въ рѣкѣ Кичѣ, впадающей въ Варзуху, противъ самой Кузомени, съ одною мережею;—другой въ Варзухѣ, при деревнѣ того же имени, съ тремя мережами. Такое устройство семожьяго лова представляетъ ту значительную выгоду, что затрудняетъ снятіе лучшихъ участковъ, ка-

ковы заборы, всегда одним и тѣмъ же лицемъ за дешевую цѣну, ибо раздѣленіе каждаго участка на пять частей дозволяетъ покупать ихъ каждому, а не однимъ богачамъ, да и самый торгъ, производимый одновременно въ пяти различныхъ избахъ, затрудняетъ стачки. Дѣйствительно, и въ настоящемъ году заборъ былъ взятъ не однимъ кузоменскимъ богачемъ Заборщиковымъ, а нѣсколькими лицами. Въ 1859 году отъ продажи участковъ пришлось кругомъ отъ 37 до 40 р. ас. на душу, слѣдовательно всего около 11.000 р. с. Въ прошедшемъ же году (1858) только по 17 р. ас., всего около 4.800 р. с. Сверхъ денегъ, приходящихся на каждую душу отъ продажи участковъ, бѣднѣйшіе изъ жителей имѣютъ отъ семожьяго лова еще ту выгоду, что у снявшихъ участки сидятъ на тоняхъ изъ покрута, т. е. изъ доли въ уловѣ, получая изъ него 5-ую рыбу. Купившіе право на ловъ обыкновенно продаютъ семгу свѣжею покупателямъ, наѣзжающимъ сюда изъ Архангельска въ главное время лова; эти послѣдніе уже сами солятъ ее. Семгу же, ловимую раньше пріѣзда покупщиковъ, солятъ сами ловцы; ее скупаютъ также пріѣзжіе, которые для этого съ вѣсами за плечами обходятъ все прибрежье, гдѣ производится ловъ.

На тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Варзухѣ, производится ловъ и въ Сумѣ—только гораздо проще, потому что и число душъ въ Сумскомъ посадѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Варзухской волости, и ловъ семги несравненно менѣе значителенъ. Здѣсь тоже устроивается заборъ, но, по жалобамъ выше по рѣкѣ живущихъ кореловъ, имъ перегораживается только половина рѣки. При малой водѣ заборъ дѣлается ниже порога, при большой же на самомъ порогѣ. Сверхъ забора, въ которомъ одна мережа, ловъ производится еще гарвами, изъ которыхъ шесть ставятся въ опредѣленныхъ мѣстахъ, а четыре, гдѣ угодно. Поѣздами ловятъ мало. Право на ловъ всѣми этими средствами продается съ аукціона, но, по незначительности выручаемой

суммы, она не раздается по рукамъ, а идетъ на общественные расходы посада.

Иначе организованъ ловъ семги въ Умбѣ, по крайней-мѣрѣ та часть его, которая производится посредствомъ забора, и въ Подпороженскомъ селеніи, въ 15 верстахъ выше города Онеги.

Въ Умбѣ немного по выше порога ежегодно устроивается заборъ. Къ этой работѣ приступаютъ въ то время, когда вода западетъ. 15 іюня, когда мы посѣтили эту деревню, заборъ только что начинали дѣлать. Для этого всѣ соединяются по 5 душъ, и каждый пятокъ выставляетъ одного работника; эти работники городятъ заборъ безплатно, матеріалъ же на него идетъ изъ общаго лѣса. Ранѣе 1-го января общество отдаетъ заборъ, какъ-бы въ аренду кому-нибудь изъ мѣстныхъ богачей, который не назначаетъ опредѣленной цѣны за пользованіе заборомъ въ теченіи года, а рядится лишь о цѣнѣ семги, т. е. постановляетъ условіе, по чемъ ему платить обществу за каждый пудъ семги, пойманной у забора. Взявшій заборъ вноситъ за всѣ 280 душъ, приписанныхъ къ Умбѣ, подати впередъ за будущее полугодіе. Нужда въ деньгахъ для уплаты податей составляетъ причину, почему соглашаются на дешевую цѣну за семгу. Когда наступитъ ловъ, то тѣже работники, которые строили заборъ, вынимаютъ семгу изъ его мережъ, разрѣзаютъ ее, чистятъ и свѣжею передаютъ арендатору, а онъ уже солитъ её. Слѣдовательно, на этихъ работникахъ лежитъ какъ бы общественная повинность. Если семги, по предварительно условленной цѣнѣ, не хватитъ на покрытіе податей впередъ уже уплаченныхъ за полугодіе, то каждый обязанъ приплатить арендатору, по скольку придется съ души. Ежели же останется излишекъ, то откупившій заборъ беретъ его по той же цѣнѣ и опять уплачиваетъ подати впередъ за слѣдующее полугодіе; и тутъ опять, если эта сумма не окупится, то крестьяне доплачиваютъ, если же останется излишекъ, то его выплачиваетъ наниматель,—и эти деньги дѣлятся уже по рукамъ. Уговорная цѣна на семгу мѣняется отъ 1 р. до 2 р.

50 к. с. Такъ какъ дѣйствительная цѣна семги больше, то очевидно, что откупающій заборъ не только никогда не можетъ потерпѣть убытка, но всегда долженъ оставаться въ значительныхъ барышахъ; притомъ онъ получаетъ ихъ, рѣшительно ничѣмъ не рискуя, ибо, собственно говоря, онъ тутъ только даетъ деньги въ долгъ подъ вѣрный залогъ—будущій уловъ семги, оцѣненный имъ же самимъ въ половину, а иногда въ три и четыре раза дешевле противъ настоящей его стоимости. Сверхъ того онъ обезпеченъ на случай могущаго быть недолова, ибо,—такъ или иначе, семгою или деньгами,—крестьяне всегда должны уплатить ему свой долгъ. Далѣе, онъ беретъ за свою ссуду большею частію огромные проценты, потому что залогъ свой—семгу—всегда продаетъ самъ вдвое дороже уговорной цѣны. Наконецъ, всѣ издержки производства падаютъ не на него, а на его должниковъ, которые соединяя въ себѣ всѣ три мыслимыя права на полученіе дохода, т. е. право собственности на принадлежащую имъ рѣку, право, даваемое капиталомъ, употребленнымъ на издержки производства, (заборъ устроенъ изъ ихъ же лѣса), и право труда, которымъ устроенъ заборъ и добыта изъ него рыба, несмотря на то пользуются ничтожнѣйшею частью этого дохода. Такое устройство едва ли можно похвалить. Какая разница съ Варзухою, гдѣ всякій, торгующійся на рыболовные участки, возвышаетъ на нихъ цѣну, сообразуясь съ полученными отъ рыболовства въ прошедшихъ годахъ выгодами, и если потомъ и получаетъ большіе барыши, то какъ справедливое вознагражденіе за принятый на себя рискъ, ибо нерѣдко случается оставаться и въ убыткѣ,—такъ что въ общей сложности выгода всегда остается на сторонѣ правомѣрнаго владѣльца водъ—общины. Объ умбенскомъ ловѣ семги въ морѣ я уже упоминалъ, говоря о здѣшнемъ сельдяномъ ловѣ. Противъ методы пользованія имъ ничего нельзя сказать,—онъ устроенъ сообразно выгодамъ большинства.

Всѣ невыгоды для крестьянъ, выставленныя мною въ умбенскомъ ловѣ, проявляются еще въ высшей степени на рѣкѣ

Онегѣ. У самаго города ловъ семги незначителенъ; здѣсь устроены въ рѣкѣ лишь небольшіе заколы, за которыми ловятъ гарвами, ибо судоходство, существующее у устья, не позволяетъ устроить забора, перегораживающаго всю рѣку. Но въ 15 верстахъ выше города, у селенія Подпороженскаго, ежегодно дѣлается заборъ черезъ всю рѣку, имѣющую здѣсь 360 сажень ширины. Въ немъ оставляются лишь небольшія ворота, сажени въ полторы шириною и притомъ заложеныя фашинникомъ, почти по самую поверхность воды. Если нужно пройти лодкѣ или бревнамъ, сплавляемымъ къ ниже лежащимъ лѣсопильнымъ заводамъ, то ихъ перетаскиваютъ черезъ фашинникъ, и за это берутъ еще деньги. Такъ какъ выше этого забора есть на Онегѣ еще много селеній, и семга доходитъ до самаго города Каргополя, лежащаго въ 350 верстахъ отъ устья, то ворота, сообразно предложенію г. академика Бэра, должны составлять здѣсь не болѣе $^1/_3$ всей ширины рѣки, т. е. 120 сажень. Къ этому забору, кромѣ селенія Подпороженскаго, причислены еще селенія Пороженское и Вонгудское, составляющія вмѣстѣ Кокоринское общество Мардинской волости, въ которомъ всего около 1.000 душъ. Ловимая здѣсь семга есть лучшая во всемъ Бѣломорьѣ и извѣстна въ торговлѣ подъ именемъ *порога*. Заборъ этотъ устроивается крестьянами на свой счетъ, да сверхъ сего они же устроиваютъ близь него чаны или лари для посола семги, содержатъ водолазовъ, исправляющихъ заборъ, и вынимаютъ изъ мережъ рыбу. За все это они вознаграждаются лишь тѣмъ, что всю добытую ими въ заборѣ семгу съ 8 августа (когда начинаетъ идти лучшая осенняя семга) должны отдавать онежскому купцу Платунову по напередъ условленной цѣнѣ. Цѣна эта измѣнялась въ послѣдніе годы отъ 3 р. 75 к. с. до 4 р. 25 к. с. за пудъ, тогда какъ въ Петербургѣ таже рыба продавалась Платуновымъ отъ 10 до 14 р. с. и, безъ сомнѣнія, могла бы продаваться и на мѣстѣ не по 8 р. с. пудъ. Всю семгу, ловимую до 8 августа, а послѣ 8-го всю мелкую и ту, которая уже облошала, крестьяне могутъ продавать кому хотятъ вольною цѣною. Такая бросающаяся въ

глаза невыгодность условій для крестьянъ объясняется лишь тѣмъ, что они находятся въ постоянномъ долгу у Платунова. Именно онъ платитъ за нихъ впередъ подати и даетъ въ займы деньги, которыя большею частью идутъ на устройство самого же забора. Уплатить ему этотъ долгъ крестьяне обязуются непремѣнно семгою, которая поймается въ теченіи года у забора, по условленной цѣнѣ. Къ концу года крестьяне всегда остаются въ недоловѣ и нуждаются въ новомъ займѣ, и потому та же сдѣлка переходитъ на слѣдующій годъ. Такъ происходило дѣло въ теченіе 40 лѣтъ и продолжалось бы до безконечности, если бы г. управляющій палатою государственныхъ имуществъ, посѣтившій въ нынѣшнемъ году Онегу, не нашелъ этотъ порядокъ вещей неестественнымъ, а самый контрактъ, заключаемый ежегодно между крестьянами и Платуновымъ, незаконнымъ по формѣ и сущности, и потому не измѣнилъ на будущее время способа пользованія этимъ заборомъ. Изъ свѣдѣній, вытребованныхъ по этому случаю г. управляющимъ и которыя онъ мнѣ сообщилъ съ величайшею готовностью, оказывается, что въ теченіи 1857, 1858 и 1859 годовъ было продано крестьянами Платунову, на основаніи этихъ условій, 702 пуда ½ фунта семги на 2.696 р. 38 коп. сер.; получено ими отъ Платунова денегъ 2.943 р. 43 к. с., да оставались они ему должны на 1857 годъ 593 р. 37 к. с., и того 3.536 р. 70 к. с.; слѣдовательно остались должны ему на 1860 годъ 840 р. 32 к. с. Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что полученныя отъ Платунова деньги употреблялись крестьянами частью на устройство забора, частью же на уплату податей. Одно устройство забора стоило за всѣ 3 года 4.065 р. с., итакъ, кромѣ остающагося на 1860 годъ долга, промышленность эта доставила имъ убытку 528 р. 30 к. с., слѣдовательно всего дефицита 1.368 р. 62 коп. сер., какъ это яснѣе видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Доходъ.		Расходъ.	
Получено отъ Платунова, со включеніемъ остававшагося на 1857 годъ долга . . .	3.536 р. 70 к.	Устройство забора. . . .	4.065 р.
Наловлено семги на . .	2.696 — 38 —	Отдано Платунову долга.	2.696 — 38 к.
		Предстоитъ отдать ему . .	840 — 32 —
итого . .	6.233 р. 8 к.	итого . .	7.601 р. 70 к.

Расходъ превышаетъ доходъ на 1.368 руб. 62 коп. сер. Сдѣлка съ Платуновымъ, слѣдовательно, приноситъ крестьянамъ одинъ убытокъ; но не надо забывать, что выгоды, получаемыя крестьянами отъ забора, неограничиваются тою семгою, которую они отдаютъ Платунову, ибо часть ея они ловятъ, какъ было сказано выше, и въ свою пользу, а сверхъ того въ мережи забора попадаетъ и другая рыба, продаваемая ими по вольной цѣнѣ. Эти уловы доставили имъ, по тѣмъ же собраннымъ палатою государственныхъ имуществъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе 3 года 1.047 руб. 61 коп. сер. за 505 пудъ 36½ фунтовъ (*) семги и 734 р. 7 коп. сер. за 735 пудовъ 27 фунтовъ прочей рыбы, всего 1.781 р. 68 к. с. Вычтя вышеприведенной дефицитъ изъ этой суммы, получимъ чистаго дохода съ забора 413 р. 6 коп. сер. въ три года, т. е. по 137 р. 68 к. сер. въ годъ. Этого дохода далеко не хватаетъ на уплату государственныхъ податей. Между тѣмъ въ собраныхъ палатою свѣдѣніяхъ означено, что изъ денегъ, полученныхъ отъ Платунова, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, пошло на уплату податей 680 р. 11 к.; слѣдовательно, лишняго противъ чистаго дохода съ забора

(*) Такимъ образомъ выходитъ, что за семгу, продаваемую по вольнымъ цѣнамъ, крестьяне получали кругомъ 2 р. 7 к. с. за пудъ; между тѣмъ какъ за уступаемую Платунову получали кругомъ по 3 р. 84 к. с. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы послѣдній способъ продажи былъ для крестьянъ выгоднѣе, потому что вольною цѣною продавали они лишь облошавшую, или мелкую семгу,—однимъ словомъ самый худшій сортъ, а Платунову отдавали самый лучшій.

267 р. 5 к. Чтобы имѣть возможность составить совершенно полный балансъ доходамъ и расходамъ крестьянъ отъ забора, нужно бы еще знать сколько денегъ оставалось у крестьянъ въ кассѣ къ началу 1857 года и сколько осталось ихъ на 1860 годъ; но мы можемъ почти безошибочно положить, что изъ 593 р. 37 к. с., остававшихся въ долгу за крестьянами къ 1857 году, всѣ деньги были уже истрачены къ тому времени. Поэтому недостающіе 267 р. 5 к. с. могли быть извлечены только изъ излишка долга 1860 годъ противъ остававшагося на 1857 годъ. Этотъ излишекъ составляетъ дѣйствительно близкую къ этому сумму въ 246 р. 95 к. с., такъ что недостаетъ только 20 р. 10 к. с., которые могли быть уплачены крестьянами или изъ другихъ источниковъ, или изъ небольшаго остатка на 1857 годъ, или тѣмъ, что часть расходовъ на заборъ не была уплачена и оставалась въ долгу.

Теперь спрашивается: какъ же объяснить столь несообразный порядокъ дѣлъ, вслѣдствіе котораго,—къ концу концовъ,—крестьяне доселѣ употребляли всѣ полученныя ими отъ забора выгоды не на свои домашнія нужды, не на свои удовольствія, а исключительно на постройку самаго забора и на уплату податей, при чемъ оставались должными Платунову еще 840 р. 32 к. с. Объясненіе это тѣмъ затруднительнѣе, что крестьяне, какъ кажется, вовсе не были имъ недовольны и, какъ сообщаетъ г. Шульцъ, намѣревалися даже подать прошеніе о сохраненіи прежняго порядка вещей Мнѣ кажется, что на это есть три причины: 1) Вліятельнѣйшіе изъ крестьянъ пользовались при этомъ особливыми выгодами, которыя конечно не означены въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ палатою государственныхъ имуществъ Это между прочимъ видно изъ того, что, когда г. управляющій палатою лично хотѣлъ повѣрить разчетныя тетради крестьянъ, то они видимо желали отклонить эту повѣрку и тетрадей не представили, отозвавшись, что, будто-бы, занимающіеся изъ нихъ разчетами съ Платуновымъ находятся въ отлучкѣ. 2) Крестьяне продавали Платунову больше семги, чѣмъ сколько означено въ

свѣдѣніяхъ, и деньги эти тратили по своему усмотрѣнію: ибо г. управляющій имѣлъ случай убѣдиться, что въ одномъ только 1858 году Платуновымъ отправлено было въ Петербургъ до 1.000 пудовъ семги. Крестьянамъ, вѣроятно, было внушено, что, если эти выгоды ихъ будутъ обнаружены, то заборъ обратятъ въ оброчную статью, или инымъ какимъ либо образомъ будетъ у нихъ отнято право прямо, свободно и безотчетно пользоваться получаемыми съ него, хотя и ничтожными доходами. 3) Наконецъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что издержки, выведенныя на устройство и содержаніе забора, составляющія 1.355 р. с. въ годъ, чрезвычайно преувеличены. Не входя въ разборъ всѣхъ статей этого расхода, достаточно будетъ указать на то, что 150 р. с. отнесены на расходы при пропускѣ конторскихъ бревенъ, т. е. на плату тѣмъ, которые перепихивали ихъ чрезъ фашинникъ въ узкихъ воротахъ, между тѣмъ какъ г. Шульцъ сообщаетъ, что съ проходящихъ лодокъ крестьяне сами брали по цѣлковому и болѣе за пропускъ. Изъ всего этого видно, что уничтоженіе доселѣ существовавшаго способа пользованія подпороженскимъ заборомъ было и совершено справедливо, и сообразно съ выгодами крестьянъ. Относительно будущаго устройства пользованія этимъ заборомъ палата находитъ, «что по затруднительности и невозможности устройства благонадежнаго хозяйственнаго управленія сими заколами, отъ имени и въ пользу общества крестьянъ, всего удобнѣе и полезнѣе учредить одну или нѣсколько мірскихъ оброчныхъ статей,» и посему предписала отдать эти заколы въ оброчное содержаніе съ торговъ въ присутствіи окружнаго начальника или его помощника, дозволивъ крестьянамъ, въ случаѣ если они сами этого не пожелаютъ и представятъ на то достаточныя причины,—устроить въ видѣ опыта на одинъ годъ хозяйственное управленіе.

Нисколько не оспаривая того, что, въ примѣненіи къ настоящему частному случаю, обращеніе подпороженскаго забора въ оброчную мірскую статью можетъ быть дѣйствительно полезно, потому что до сихъ поръ Кокоринское

общество отъ забора ничѣмъ не пользовалось, кромѣ уплаты податей, и слѣдовательно для покрытія прочихъ своихъ нуждъ имѣетъ другія источники я замѣчу однако, что обращеніе въ мірскія оброчныя статьи рыбныхъ промысловъ, принадлежащихъ государственнымъ крестьянамъ бѣломорскаго прибережья, не можетъ быть принято за общее правило по той же причинѣ, по которой въ другихъ мѣстахъ пашни и луга не составляютъ мірскихъ оброчныхъ статей. Здѣсь, на сѣверѣ, мѣсто пашень замѣняютъ мірскія и рѣчныя воды, составляющія главный и часто почти единственный источникъ пропитанія жителей. Я долженъ еще замѣтить, что устройство хозяйственнаго управленія, или, выражаясь общѣе, свободнаго пользованія какъ заборомъ, такъ и вообще водами—безъ обращенія ихъ въ мірскія оброчныя статьи и съ несомнѣнною пользою для цѣлой общины, весьма возможно, какъ это доказываетъ примѣръ Варзухи, гдѣ сами крестьяне, дѣйствуя совершенно независимо, получили въ нынѣшнемъ году до 11.000 р. с. Устройства лововъ въ Варзухѣ, уже описаннаго и въ Попоѣ, къ которому скоро перейду, могли бы служить примѣрами и для прочихъ мѣстностей, смотря потому, гдѣ какое удобопримѣнимѣе по мѣстныхъ условіямъ. Тѣмъ неменѣе я весьма склоненъ думать, что Кокоринскому обществу, которое въ теченіи столь долгаго времени позволяло обманывать себя, непонимая настоящихъ своихъ выгодъ, дѣйствительно будетъ трудно теперь же устроить у себя правильное хозяйственное управленіе.

Въ Кандалакшѣ устройство лова уже нѣсколько лучше, чѣмъ въ двухъ только что описанныхъ мѣстностяхъ. Къ этой деревнѣ принадлежатъ три рѣки: Нива, на которой построена деревня, Колвица влѣво и Ловшенга вправо отъ Нивы. Всѣ эти рѣки перегараживаются ежегодно заборами; двѣ трети здѣшнихъ жителей, ихъ всѣхъ 195 душъ, приписаны къ нивскому, а одна треть къ колвицкому забору. Двѣ трети жителей, владѣющіе Нивою, раздѣляются между собою опять на двѣ части, изъ коихъ одна беретъ себѣ заборъ, а другая пользуется сѣтнымъ ловомъ передъ

заборомъ даже и въ то время, когда этотъ послѣдній не устроенъ. Та треть, которой на долю достанется Колвица, вся ловитъ у забора. Владѣніе этими частями идетъ *околомъ*, т. е. каждая треть владѣетъ одинъ годъ заборомъ въ Нивѣ, на другой тамъ же сѣтнымъ ловомъ, а на третій Колвицею. Тѣ, которымъ достаются заборы, передаютъ ихъ какому нибудь богатому крестьянину. Устройство забора стоитъ до 200 р. с. Крестьяне получаютъ дохода обыкновенно по 2 р. с. на душу; строитель забора получаетъ, конечно, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, гораздо больше. Части эти берутся деньгами послѣ продажи семги. — Здѣсь, слѣдовательно, устройство промысловъ уже гораздо лучше, чѣмъ въ Умбѣ и Онегѣ, въ томъ отношеніи, что рыбѣ не назначается напередъ условленная цѣна, гораздо низшая настоящей, а получается крестьянами извѣстная доля улова; — остальная, хотя и уступается, но не даромъ, а за дѣйствительное участіе въ издержкахъ производства, т. е. за постройку забора. Сверхъ заборнаго лова, всѣ крестьяне участвуютъ еще въ ловѣ по тонямъ въ морѣ, къ числу которыхъ впрочемъ причисляются какъ рѣка Ловшенга, такъ и нѣкоторыя прѣсноводныя озера, въ которыхъ промышляютъ большею частью сиговъ. На каждые 13 душъ приходится по одной тонѣ, слѣдовательно этихъ послѣднихъ 15. Послѣ ревизіи всѣ раздѣляются на партіи, или артели, и мечутъ жребій; которой-какая должна достаться тоня; послѣ сего тони уже каждый годъ идутъ околицею: которой артели принадлежала, напримѣръ, первая по порядку тоня, той на слѣдующій годъ достанется вторая, второй третья, и такъ до послѣдней, которая переходитъ на первую. Нерѣдко участники артелей передавали право лова на тонѣ одному изъ за части. Такимъ образомъ налавливается въ годъ пудовъ до 200 и болѣе семги, которую продаютъ въ Архангельскѣ: осеннюю по 7 и 8 р. с., межень же и закройку по 4 и 5 р. с.

Въ своемъ родѣ не хуже Варзухскаго устроенъ семожій ловъ въ лежащемъ на Терскомъ берегу селеніи Понѣ. Эта мѣстность будетъ посѣщена Экспедиціею въ слѣдующемъ

году; сообщаемыя же теперь свѣдѣнія о тамошнемъ ловѣ семги заимствованы мною изъ разсказа одного весьма наблюдательнаго и разсудительнаго промышленника.

Съ Иванова дня (24 іюня) начинается здѣсь морской ловъ семги на пространствѣ: къ сѣверу до рѣки Орловки, въ 8 верстахъ за Орловымъ мысомъ, къ югу до острова Данилова, на 35 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ означены мѣста лова—тони, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе. Онѣ ежегодно распредѣляются по жеребью, такъ что на каждую приходится одинаковое число душъ. На топяхъ ловятъ завѣсками, которыя выставляютъ въ разстояніи отъ 50 до 200 сажень отъ берега, съ какого нибудь мыса, такъ чтобы отверстіемъ завѣски были обращены къ губѣ. Не прекращая этого лова, съ Петрова дня (29 іюня) начинаютъ общими силами и средствами строить заборъ въ рѣкѣ Понoѣ. Все, что попадаетъ въ заборъ, дѣлится по душамъ поровну. Такъ продолжается до Ивана Постнаго (29 августа). Въ этотъ день съ ранняго утра всѣ лодки стоятъ у берега близь крестовъ, которыми почти во всей Архангельской губерніи означаютъ всѣ мѣста, замѣчательныя въ какомъ бы то ни было отношеніи. Тутъ же собирается и весь народъ, молится и за тѣмъ разомъ бросается въ лодки. Съ лодки каждый спѣшитъ забить въ выбранномъ имъ мѣстѣ по два, по три кола, для означенія того, что беретъ его въ свое владѣніе. Послѣ добиваютъ уже бо̀льшее число кольевъ, чтобы составить небольшой заколъ и образовать такимъ образомъ заводь, въ которой ставятъ гарвы и ловятъ ими уже каждый на себя всю осень. Рыба, попадающаяся у забора, по прежнему дѣлится по душамъ. Передъ льдомъ заборы разбираютъ. Этотъ послѣдній ловъ заколами имѣетъ, какъ видно изъ описанія, большое сходство съ началами ловов на Уралѣ, и, какъ противъ сихъ послѣднихъ, такъ и противъ лова у забора и на топяхъ нельзя ничего возразить, ибо всѣ они основаны на началѣ равномѣрнаго распредѣленія улова между всѣми членами общины.

Въ томъ же родѣ устроенъ семожій ловъ въ Сорокѣ и въ Ковдѣ.

Въ Сорокѣ нѣтъ забора; мѣста же въ рѣкѣ распредѣляются жеребьемъ подушно. Каждый бьетъ свой заколъ въ доставшемся ему мѣстѣ. Ловъ здѣсь вообще незначителенъ.

Въ Ковдѣ около 200 душъ. Въ морѣ имъ принадлежитъ 5 мѣстъ удобныхъ для лова семги,—тоней. Незначительность этого числа не позволяетъ распредѣлять ихъ жеребьемъ подушно, и потому онѣ отдаются отъ общества въ наемъ рублей за 100 и за 200, смотря по году. Деньги эти идутъ въ уплату податей. Въ рѣкѣ забивается заборъ. Но корелы, живущіе въ 120 верстахъ выше, по рѣкѣ Ковдѣ, просили начальство, чтобы въ заборѣ былъ всегда оставляемъ проходъ въ 25 сажень шириною. Это прошеніе ихъ было уважено, и онѣ продаютъ позволеніе устроивать сплошной заборъ за деньги. Въ началѣ они требовали за это не болѣе $1\frac{1}{2}$ р. с., теперь же хотятъ отъ 30 до 40 р. с. Здѣсь надо замѣтить, что, съ одной стороны, первоначальное требованіе кореловъ было слишкомъ скромно и что современемъ, когда предложенныя г. академикомъ Бэромъ правила будутъ узаконены, они будутъ имѣть право на ворота въ заборѣ въ 66 сажень, потому что рѣка имѣетъ до 200 сажень ширины; съ другой же, что корелы не должны имѣть права дозволять устройства сплошнаго забора, а могутъ только дозволить уменьшеніе прохода отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ всей ширины рѣки,—ибо проходъ въ $\frac{1}{6}$ всегда долженъ оставаться, не для уравненія выгодъ низовыхъ жителей съ верховыми, а для доставленія рыбѣ возможности размножаться въ удобныхъ для нея мѣстахъ.

Впрочемъ въ Ковдѣ жители, не желая платить кореламъ 30 или 40 р. с., часто вовсе не устроиваютъ забора. Къ этому присоединяется еще и другое обстоятельство. Заборъ устроивается здѣсь на общественное иждивеніе и общими трудами, но часто не всѣ соглашаются участвовать въ этомъ. Остальная часть конечно могла бы устроить заборъ одна—и одна имъ пользоваться, что нерѣдко и дѣлалось; но въ такомъ случаѣ прочіе ловятъ сѣтьми передъ заборомъ, и, слѣдова-

тельно, перехватываютъ много рыбы на пути къ нему. Опасаясь этого, здѣшніе жители въ тѣ года, когда не удастся имъ всѣмъ согласиться въ общемъ участіи въ постройкѣ забора, не устроиваютъ его вовсе. Такая разладица въ Ковденскомъ обществѣ должна считаться, въ отношеніи сохраненія рыбы, весьма счастливымъ обстоятельствомъ. Правительству, которое можетъ допускать, но никакъ не поощрять лова посредствомъ заборовъ, не должно, конечно, оказывать покровительства устройству забора въ Ковдѣ изданіемъ постановленія, по которому непринявшіе участіе въ общемъ устройствѣ забора не должны ловить ниже его даже и сѣтьми,—хотя такое постановленіе желало бы большинство здѣшнихъ крестьянъ и хотя съ перваго взгляда такая мѣра можетъ показаться справедливою. Въ тѣ годы, когда заборъ въ Ковдѣ устроивается, семгу солятъ сообща и продаютъ всю за одно въ Архангельскѣ, позднюю же—мѣстнымъ покупателямъ, которые везутъ ее на Шунгскую ярмарку. Вырученныя такимъ образомъ деньги дѣлятся подушно. Въ хорошіе годы достается отъ 4 до 5 р. с. на брата. Изъ этого также видно, что выгодное для общества хозяйственное управленіе семожьимъ ловомъ весьма возможно, даже безъ отдачи его въ наймы по паямъ, какъ это дѣлается въ Варзухѣ.

Въ прочихъ мѣстахъ Бѣлаго моря устройство семожьяго лова не представляетъ никакихъ замѣчательныхъ особенностей. Въ Двинѣ ловъ этотъ совершенно вольный для всѣхъ прибрежныхъ жителей въ той части рѣки, которая принадлежитъ къ ихъ дачамъ. Ловъ производится поплавнями, а также небольшими, совершенно безвредными заколами. Объ устройствѣ Кулойскаго лова я говорилъ уже выше. Въ рѣкѣ Мезени какъ у городскихъ жителей, такъ и у крестьянъ Лампоженской волости, ловъ вольный,—въ морѣ же послѣдніе имѣютъ тони, которыя продаются отъ общества также, какъ, напримѣръ, въ Ковдѣ.

О способахъ приготовленія семги многаго сказать нечего. За исключеніемъ небольшаго количества, потребляемаго на мѣстѣ въ свѣжемъ видѣ, вся остальная рыба солится или самими

ловцами, или скупщиками, пріобрѣтающими ее отъ ловцовъ свѣжею, или содержателями заборовъ. Соленіе производится слѣдующимъ образомъ. Разрѣзавъ рыбу вдоль брюха, вынувъ внутренности и промывъ ее, наполняютъ внутреннюю полость ея солью, пересыпаютъ ею жабры, и втираютъ ее въ чешую. Количество соли опредѣляется временемъ года. Такимъ образомъ посоленную семгу складываютъ въ бочки или просто на воза. Различія въ качествахъ этой рыбы зависятъ болѣе отъ ея природныхъ свойствъ, нежели отъ способа соленія. Лучшею считается онежская, извѣстная подъ именемъ *порога*,—а за нею слѣдуетъ двинская, понойская же самая худшая. На качества онежской семги имѣло вліяніе впрочемъ и то обстоятельство, что въ теченіи долгаго времени она солилась однимъ и тѣмъ же лицемъ—купцомъ Платуновымъ, о которомъ мною было говорено выше, въ постоянныхъ, нарочно для этой цѣли устроенныхъ у самаго забора чапахъ и ларяхъ; семга солилась и укладывалась въ эти послѣдніе сейчасъ же послѣ ея поимки. Въ отношеніи къ этой семгѣ можно примѣнить пословицу: «нѣтъ худа безъ добра», въ томъ смыслѣ, что ежели монополія Платунова и имѣла очень вредное вліяніе на выгоды крестьянъ Кокоринскаго общества, то съ другой стороны она же была отчасти и причиною той славы, которую пріобрѣла *семга-порогъ* на петербургскомъ рынкѣ. Съ уничтоженіемъ монополіи извѣстность эта должна послужить въ пользу крестьянъ, которые долговременною практикою научились тщательному соленію этой рыбы.

О количествѣ улова семги въ Бѣломъ морѣ рѣшительно невозможно собрать достовѣрныхъ свѣдѣній, потому что большею частью счетовъ по сему предмету не ведется, и надо довольствоваться неопредѣленными показаніями лицъ, занимающихся въ разныхъ мѣстахъ ловомъ ея, или торговлею этимъ товаромъ. Между тѣмъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ имѣли бы двоякій интересъ—чисто статистическій, доставленіемъ возможности точно судить о степени значенія этой отрасли рыбной промышленности,—и экономическій, ибо чрезъ сравненіе настоящихъ улововъ съ прошедшими можно

бы видѣть уменьшается ли эта рыба и въ какой мѣрѣ, чтобы на этомъ основаніи опредѣлить степень строгости мѣръ, которыя должны быть приняты для охраненія этой драгоцѣнной породы.

Въ первомъ отношеніи я могу представить не положительныя данныя, а лишь соображенія, основанныя на наглядной оцѣнкѣ изобилія улововъ въ различныхъ мѣстахъ и на нѣкоторыхъ сообщенныхъ мнѣ изустныхъ и письменныхъ показаніяхъ. Такія соображенія приводятъ меня къ заключенію, что средній годичный уловъ семги не превышаетъ 20.000 пудовъ во всемъ Бѣломъ морѣ. Во второмъ отношеніи я имѣю только нѣкоторыя, весьма неопредѣленныя числовыя данныя объ уловахъ въ рѣкѣ Мезени мѣщанами города того же имени, которыя здѣсь и разберу.

Въ промежутокъ времени отъ 1832 по 1859 годъ число поплавней, коими мезенскіе мѣщане ловили семгу, измѣнялось отъ 10 до 20; уловъ же съ 1832 года, когда онъ составлялъ на каждый поплавень отъ 105 до 110 пудовъ и слѣдовательно среднимъ числомъ (принимая 15 дѣйствовавшихъ поплавней) простирался до 1600 пудовъ, уменьшился черезъ 10 лѣтъ, т. е. къ началу сороковыхъ годовъ, уже до 60 и 75 пудовъ на поплавень (среднимъ числомъ до 1000 пудовъ), а къ началу пятидесятыхъ годовъ до 35 пудовъ на поплавень (всего до 500 пудовъ). Въ 1857 и 1858 годахъ уловъ этотъ былъ только 12 пудовъ на поплавень; въ 1859 же году только отъ 3 до 5 пудовъ. Въ этомъ году было до 20 поплавней, слѣдовательно общій уловъ не дошелъ и до 100 пудовъ, такъ что въ теченіи 27 лѣтъ уловъ, производимый мезенскими мѣщанами, уменьшился слишкомъ въ 15 разъ. Но тутъ надо принять во вниманіе, что ловъ въ 1832 году былъ исключительно благопріятный, а въ 1859 исключительно бѣдный въ восточной части Бѣлаго моря и на Печорѣ, тогда какъ въ западной части моря онъ былъ довольно хорошъ. Если же будемъ сравнивать 1858 или 1857 годы не съ 1832, а съ 1834 (когда уловъ составлялъ отъ 75 до 100 пудовъ на поплавень), то найдемъ, что уменьшеніе это

будетъ не болѣе чѣмъ въ 6 разъ. Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ, означено, что въ 1859 году было именно 20 поплавней; про прежніе же годы сказано вообще, что въ теченіе ихъ было въ дѣйствіи отъ 10 до 20 поплавней, слѣдовательно, весьма вѣроятно, что число это увеличивалось мало по малу, такъ что въ началѣ тридцатыхъ годовъ было не болѣе 10 поплавней. Принимая и это въ соображеніе, мы пріймемъ къ заключенію, что уловъ мезенскихъ мѣщанъ дѣйствительно уменьшился не болѣе, какъ въ три или четыре раза, какъ показываетъ слѣдующій расчетъ. Въ 1834 году попало на поплавень отъ 75 до 100 пудовъ, слѣдовательно среднимъ числомъ около 87 пудовъ; на 10 поплавней это составитъ 870 пудовъ. Въ 1858 году въ 20 поплавней попало кругомъ по 12 пудовъ на поплавень, всего 240 пудовъ; слѣдовательно въ $3^1/_2$ раза меньше, чѣмъ въ 1834 году. Но и это уменьшеніе отчасти мнимое, потому что съ тридцатыхъ годовъ ловъ въ морѣ крестьянами Лампоженской волости и селенія Долгой Щели увеличился, такъ что часть рыбы, которая ловилась прежде въ рѣкѣ, ловится теперь въ морѣ—фактъ, замѣчаемый вездѣ, гдѣ только съ возрастаніемъ народонаселенія усиливается ловъ. Совсѣмъ тѣмъ, уменьшеніе количества ловимой семги, въ послѣдніе 30 лѣтъ, хотя и далеко не столь значительное, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, несомнѣнно. Но еще сомнительно, чтобы уменьшеніе это было постоянное, по причинамъ, которыя увидимъ, когда будемъ говорить о Печорскомъ ловѣ. Вообще же должно замѣтить, что по урывочности и недостовѣрности тѣхъ статистическихъ свѣдѣній, которыя можно получить о Бѣломорскихъ уловахъ, всѣ заключенія, основанныя на этихъ свѣдѣніяхъ, всегда будутъ весьма шаткими и незаслуживающими большаго довѣрія. Въ тотъ же періодъ времени отъ 1832 до 1859 года цѣна на семгу возросла отъ 80 к. с. до 6 р. 50 к. с. за пудъ, слѣдовательно увеличилась въ 8 разъ.

С. *Навага и прочія морскія рыбы.*

Послѣ сельдей и семги, изо всѣхъ рыбъ Бѣлаго моря, первое мѣсто въ промышленномъ отношеніи занимаетъ безспорно *навага*. Я говорилъ уже о ея географическомъ распространеніи, теперь же прибавлю, что она всегда почти держится на неглубокихъ мѣстахъ вблизи береговъ, куда собирается въ наибольшемъ количествѣ къ концу осени и началу зимы, когда прибрежья моря покроются льдомъ. Въ это время она мечетъ икру. Рыба эта отличается даже въ тресковомъ родѣ,—вообще очень хищномъ, своею необыкновенною жадностью, и на этомъ свойствѣ основанъ ловъ ея. Къ коротенькой планкѣ—*удилищу*—привязана волосяная леса, оканчивающаяся свинцовою гирькою, сквозь нижній конецъ которой продѣта проволока. Къ концамъ проволоки, а иногда еще и къ серединѣ, привязаны коротенькія лески вершка въ 4 или 5, оканчивающіяся маленькими крючечками, такъ что этимъ образуется двухъ или трехъ-конечная удочка. Рыбакъ прорубаетъ пешнею небольшую прорубь, около полуаршина въ діаметрѣ, сгребаетъ себѣ кочку изъ снѣгу, которая служитъ ему вмѣсто скамейки, со стороны вѣтра дѣлаетъ *затулу*, т. е. разставляетъ на кольяхъ рогожу, для защиты отъ непогоды, садится на кочку и опускаетъ одну или двѣ удочки въ прорубь, прислонивъ ихъ коротенькими удилищами къ рагулькамъ, воткнутымъ въ снѣгъ. Крючечки наживляются небольшими кусочками, называемыми *пирожками*, тутъ же пойманной корюшки или наваги. Отъ времени до времени подергиваетъ рыбакъ свои удочки, и то и дѣло вытаскиваетъ по одной, а часто по двѣ и по три наваги. Такъ ловятъ при устьѣ Двины, гдѣ впрочемъ навага большею частью мелкая. Еще проще способъ лова ея въ Сумской губѣ и вообще по Поморскому берегу, гдѣ навага гораздо крупнѣе и лучше. Здѣсь лесы не оканчиваются крючечками, а просто петелькою, къ которой прикрѣпляется наживка, и навага такъ жадна, что, уцѣпившись за

наживу зубами, не выпускаетъ ее изо рта даже и тогда, когда ее вытащатъ изъ воды, такъ что приходиться отбивать ее ударомъ палочки. Случается, что въ то время когда тащатъ одну навагу, другая схватываетъ ее за хвостъ и обѣ вытаскиваются на ледъ. Такимъ образомъ счастливый ловецъ налавливаетъ наваги, при изобиліи ея, до 2000 штукъ въ теченіи здѣшняго короткаго зимняго дня. Уловъ же въ 1000 штукъ считается обыкновеннымъ. Этотъ ловъ, основанный, такъ сказать, на доброй волѣ самой рыбы попадать на удочку,—безъ сомнѣнія самый безвредный изо всѣхъ и, хотя ежегодно вылавливаютъ десятки милліоновъ навагъ, но обиліе ея нисколько не уменьшается. Вреднѣе другой способъ лова при устьѣ Двины, стоячими неводами съ мотнею, употребляемыми, слѣдовательно, какъ рюжи или вентеря. Вредъ ихъ состоитъ только въ томъ, что ячеи этихъ неводовъ до того мелки, что сквозь нихъ не проходитъ и мизинецъ, такъ что ловимая навага бываетъ не длиннѣе $2^1/_4$ и даже 2 вершковъ. Четверикъ этой наваги продается въ Архангельскѣ, при уловѣ, какъ напримѣръ въ настоящее время, по 10 к. сер. Отборная же, называемая *головкою,* стоитъ отъ 60 коп. до 1 р. сер. за сотню. По отправленіи же транспортовъ въ Петербургъ эта послѣдняя остановится еще дешевлѣ и продается по 3 руб. сер. тысяча. Одинъ взрослый человѣкъ съ мальчикомъ налавливаетъ въ хорошій годъ на 100 руб. асс. въ зиму. Мелкая навага употребляется здѣсь въ пищу самымъ бѣднымъ классомъ народа; крупная же, въ мороженомъ видѣ, везется въ Петербургъ, въ Москву и развозится можно сказать по всей Россіи, потому что даже въ Астрахани, гдѣ столько превосходной рыбы, случилось мнѣ зимою видѣть навагу. Изъ этого видно, что въ Россіи эту рыбу весьма цѣнятъ, между тѣмъ какъ въ Архангельской губерніи ее считаютъ—даже и крупную — чуть ли не послѣднею рыбою, даже ниже сельдей. Для мѣстнаго употребленія ее сушатъ иногда въ печкахъ, по вынутіи изъ нихъ хлѣбовъ, и продаютъ дешовою цѣною на вѣсъ.

Изъ прочихъ рыбъ здѣшняго моря ни одна уже не со-

ставляетъ предмета вывоза; для мѣстнаго же употребленія: важнѣе другихъ камбала и треска.

Камбала ловится близь всѣхъ береговъ Бѣлаго моря такъ называемыми *подольниками*, т. е. рядами насаженныхъ на веревку маленькихъ мѣдныхъ крючковъ, привязанныхъ къ волосянымъ поводкамъ вершковъ въ 5 длиною. Разстояніе крючка отъ крючка составляетъ обыкновенно около аршина. Ихъ соединяютъ по сотнѣ въ рядъ, и линію къ линіи приставляютъ такъ, чтобы онѣ образовали зигзакъ. Въ Поморьѣ нанизываютъ ихъ на палочки и почти у каждаго дома провяливаютъ по нѣскольку тысячь штукъ на солнцѣ безъ всякаго предварительнаго приготовленія. Въ Мезени камбалу также солятъ, при чемъ она получаетъ характеристическій отвратительный запахъ соленой трески, къ которому здѣшніе жители впрочемъ совершенно привыкли. Обѣ встрѣчающіяся здѣсь породы камбалъ мечутъ икру въ началѣ весны и не задолго до этого времени, а также въ сентябрѣ и октябрѣ, считаются онѣ наиболѣе вкусными,—многими даже принимаются за лакомое блюдо. Лѣтомъ послѣ того, какъ камбала выметала икру она становится чрезвычайно суха и худа и потому никѣмъ въ пищу не употребяется, почему и ловъ ея въ это года время прекращается.

Треска и именно мелкая разновидность ея, не болѣе $1/2$ аршина длиною, обыкновенно же менѣе, водится только въ Кандалакскомъ заливѣ, гдѣ составляетъ въ теченіи лѣта главную пищу жителей, а въ небольшемъ количествѣ насоливается для мѣстнаго же употребленія и на зиму. По жадности этой рыбы ловъ ея очень простъ. На такого же рода удочку, какъ и для наваги—только съ однимъ крючкомъ—насаживаютъ наживку изъ морскаго червя (Arenicola piscotorum. Lin.), которыхъ нарочно съ этою цѣлью выкапываютъ во время отлива со дна моря, тамъ гдѣ оно песчано съ небольшою примѣсью глины. За неимѣніемъ этихъ червей употребляютъ для наживки разныя ракушки, разбивъ предварительно ихъ раковину. Изъ селеній, лежащихъ на берегу Кандалакскаго залива, каждый день выѣзжаютъ на

этотъ ловъ почти всѣ остающіеся въ своихъ домахъ, преимущественно же женщины, и въ короткое время каждый изъ сидящихъ въ лодкѣ налавливаетъ нѣсколько десятковъ штукъ этой рыбы.

Д. *Рѣчныя и озерныя рыбы.*

Изъ рѣчныхъ рыбъ особеннаго вниманія заслуживаютъ *стерляди*, поднимающіяся исключительно въ рѣкахъ двинской системы. По разсказамъ архангельскихъ старожиловъ, первая стерлядь была поймана въ Двинѣ лѣтъ 35 тому назадъ, выше Холмогоръ, и была представлена тогдашнему архангельскому генералъ-губернатору Клокачеву. Въ Сухонѣ появилась она въ значительномъ количествѣ тому лѣтъ 15. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ, поѣхавшій на ловъ рыбъ острогою, попалъ въ первый разъ на стерлядей и билъ ихъ острогой. Потомъ ловили ихъ неводами, пока наконецъ одинъ пріѣзжій съ Камы не научилъ здѣшнихъ жителей употребленію крючковой самоловной снасти. Сперва продавали ихъ по 10 руб. сер. пудъ; въ началѣ пятидесятыхъ годовъ фунтъ стерлядей стоилъ въ Тотьмѣ 5 коп. сер., а потомъ дошелъ онъ даже до 3 коп. сер. Въ послѣдніе годы рыба эта опять вздорожала, потому что научились сохранять ее живою въ садкахъ, и за нею стали пріѣзжать покупщики изъ Петербурга. Такъ въ нынѣшнемъ году одинъ крестьянинъ просилъ съ меня за менѣе чѣмъ аршинную стерлядь 3 руб. сер. и ничего не хотѣлъ уступить, утверждая, что за эту цѣну онъ всегда ее сбудетъ петербургскимъ скупщикамъ. Но и до открытія этого пути сбыта, когда стерлядь была еще дешева, она никакъ не могла войти здѣсь въ народное употребленіе, ибо не пришлась какъ-то по вкусу людей, привыкшихъ къ здѣшнимъ породамъ рыбъ. Этому-то обсто-

(*) См. «Жур. Мин. Гос. Им.» Т. LXXIV. Отд. II. Стр. 209—245.

ятельству надо приписать, что здѣсь почти не ловятъ мелкихъ стерлядокъ, такъ страшно уничтожаемыхъ на средней Волгѣ—для продажи дешевою цѣною простому народу. Самая мелкая стерлядь, которую мнѣ удалось видѣть на рынкѣ въ Архангельскѣ, была не менѣе семи вершковъ. Г. Шульцъ, обращавшій, во время своей поѣздки вверхъ по Двинѣ и Вагѣ, особенное вниманіе на ловъ стерлядей, тоже говоритъ, что мелкихъ ему ни разу не случалось видѣть. Въ послѣднее время употребленіе самоловной крючковой снасти было запрещено архангельскимъ губернскимъ начальствомъ. Я полагаю однакоже, что здѣсь крючковая снасть никакого вреда не приноситъ и запрещеніе ея совершенно излишне, именно по слѣдующимъ причинамъ: 1) Главный, приводимый противъ нея доводъ, который и въ Архангельскѣ, кажется, былъ главною причиною запрещенія этой снасти, т. е. тотъ, что будто бы безчешуйная рыба, которая одна только и можетъ попадаться на самоловную снасть, часто срывается съ крючковъ и потомъ погибаетъ отъ ранъ безъ всякой пользы для человѣка, — совершенно неоснователенъ, какъ доказано академикомъ Бэромъ, и посему объ немъ я болѣе распространяться не стану. 2) Другое обстоятельство, по которому самоловная снасть можетъ быть дѣйствительно вредна, состоитъ въ прегражденіи свободнаго хода безчешуйной рыбѣ по рѣкамъ. Но для того, чтобы снасть эта могла производить такое вредное дѣйствіе, нужно, чтобы она разставлялась поперегъ всей рѣки и притомъ многими, слѣдующими одинъ за другимъ рядами, но въ такомъ случаѣ и всякое другое рыболовное орудіе окажетъ тоже или даже еще болѣе вредное вліяніе. Въ Двинѣ же такого употребленія снастей не только не существуетъ, но оно даже и невозможно, потому что нужное для этого количество ихъ никогда не окупилось бы здѣшнимъ уловомъ стерлядей. Изъ собраныхъ же г. Шульцомъ свѣдѣній видно, что выставляемыя здѣсь снасти рѣдко достигаютъ и 100 сажень длины; бо́льшая же часть не превосходитъ 70 сажень. Притомъ ее

ставятъ чаще вдоль, чѣмъ поперегъ рѣки. 3) Существенное зло можетъ принести самоловная спасть выловомъ мелкихъ стерлядокъ, какъ это дѣлается на средней Волгѣ, къ великому вреду для сохраненія этой драгоцѣннѣйшей изъ всѣхъ рѣчныхъ рыбъ. Но для этого крючки должны быть мелки и прикрѣплены къ соединяющей ихъ въ одну спасть веревкѣ, называемой здѣсь *хребтиною,* на весьма близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Употребляемые же здѣсь крючки имѣютъ отъ узелка, которымъ привязаны къ поводку, до вершины дуги загиба ихъ $1^5/_8$ вершка; разстояніе крючка отъ крючка на самыхъ частыхъ спастяхъ 7 вершковъ (на Волгѣ это разстояніе обыкновенно въ 6 вершковъ); употребляются и такіе, въ которыхъ разстояніе это доходитъ до $1^1/_2$ аршина. Поэтому-то мелкія стерляди здѣсь и не попадаются.

На основаніи этихъ соображеній я полагаю, что не зачѣмъ запрещать самоловной спасти, а достаточно будетъ опредѣ[illegible]ъ наибольшую длину выставляемой въ одну линію спасти, [illegible]лагаю для этого 100 сажень), наименьшую вели[illegible]въ ($1^3/_4$ вершка) и наименьшее разстояніе между [illegible]бтинѣ (12 вершковъ). Само собою разу[illegible] составлять вмѣстѣ двухъ или нѣс[illegible] спасти; если бы захотѣли выставля[illegible]вленіи, то каждыя сто сажень долж[illegible] другъ отъ друга промежуткомъ такой же длины. [illegible]аженное разстояніе должно быть наблюдаемо между р[illegible]рючковой спасти, стоящими одинъ сзади другаго. Соблюденіе этихъ правилъ для употребленія самоловной спасти будетъ тѣмъ болѣе обезпечено, что предлагаемые мною размѣры близко подходятъ къ нынѣ употребительнымъ, и, слѣдовательно, мало стѣснятъ привычки жителей. Если же противъ употребленія самоловной спасти возразятъ, что, такъ какъ она гораздо удобнѣе для лова безчешуйной рыбы, чѣмъ невода, то уловъ стерлядей можетъ черезъ это усилиться, и слѣд. имѣющійся запасъ

ихъ въ Двинѣ вскорѣ уменьшится;—то я отвѣчу, что если порода рыбы столь плодородная, какъ стерлядь, не успѣла размножиться въ Двинѣ въ теченіи тридцати лѣтъ (при вѣроятно постоянномъ притокѣ ея изъ Камы тѣмъ же путемъ, которымъ въ первый разъ она сюда зашла) на столько, чтобы выдержать столь умѣренный ловъ крючковою снастью, каковъ предлагаемый мною, то это значитъ, что она никогда здѣсь не размножится, какъ бы ни были строги употребляемыя охранительныя мѣры, потому что естественныя условія для нея здѣсь невполнѣ благопріятны.

Изъ прочихъ прѣсноводныхъ рыбъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія: нельма — по превосходному вкусу ея, сигъ—по изобилію его въ здѣшнихъ озерахъ, а налимъ—въ рѣкахъ. Нельмы здѣсь немного и она составляетъ лишь лакомое блюдо для зажиточной части здѣшняго населенія. Сиги не только употребляются въ большомъ количествѣ жителями, но мороженые и соленые отправляются даже въ Петербургъ. Рыбъ этихъ ловятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою неводами и пущальницами, т. е. ставными сѣтями. Налимы употребляются въ пищу почти исключительно свѣжими и преимущественно зимою, когда они мечутъ икру. Ихъ ловятъ, кромѣ сѣтей, еще особливаго рода деревянными удочками, которыя они проглатываютъ вмѣстѣ съ насаженною на нихъ наживкою.

Этимъ собственно оканчивается все, что имѣю сказать, въ настоящее время, о рыбныхъ промыслахъ на Бѣломъ морѣ и на рѣкахъ, въ него впадающихъ. Но я позволяю себѣ коснуться еще одного предмета, невходящаго собственно въ кругъ обязанностей экспедиціи, — именно: собиранія яицъ морскихъ птицъ прибрежными жителями. На островахъ и лудахъ (разной величины надводныхъ скалахъ) Бѣлаго моря, которыхъ особенно много въ Онежскомъ и Кандалакскомъ заливахъ, водится большое количество морскихъ

птицъ, вьющихъ тамъ свои гнѣзда и несущихъ яйца. Самыя обыкновенныя изъ нихъ—различныя породы чаекъ, чистики (Alca torda. L.), свистуны (Uria Grylle. L.) и гавки (*) (Somateria mallissima. L.). Въ лѣтнее время здѣшніе жители, преимущественно женщины, каждый день ѣздятъ собирать яйца по островамъ, и не только ѣдятъ ихъ въ это время, но составляютъ иногда и значительные запасы. Это дѣлается по-возможности тайно, потому что, по приказанію мѣстнаго начальства, сборъ яицъ преслѣдуется таможенными смотрителями, разъѣздчиками, сельскими старшинами, писарями, сотскими и вообще сельскими властями. Конечно, весь этотъ надзоръ мало достигаетъ своей цѣли, яйца все таки собираются въ огромномъ количествѣ, — и въ этомъ нарушеніи запрещенія не было бы особой бѣды, если бы въ числѣ прочихъ яицъ не собирались бы и гавкиныя. Но такова судьба всѣхъ запрещеній и вообще мѣръ, идущихъ [illegible] своей дѣйствительно полезной цѣли. Такъ какъ смыслъ [illegible] всѣмъ понятенъ народу, то онѣ кажутся ему ка[illegible]ьнымъ стѣсненіемъ, и онъ привыкаетъ считать себя вправѣ избѣгать исполненія ихъ. Кромѣ матеріальнаго вреда, происходящаго отъ того, что на ряду съ разными безполезными распоряженіями, неисполняется множество и такихъ, которыя дѣйствительно необходимы,—такія, неполнѣ цѣлесообразныя мѣры составляютъ одну изъ главныхъ причинъ того несовѣстливаго исполненія законовъ, въ которомъ такъ любятъ укорять русскій народъ. Между тѣмъ, во время моего путешествія на Печору, я имѣлъ случай видѣть съ какою совѣстливостью исполняетъ онъ запрещеніе рубить лиственницу, потому что понимаетъ цѣль и пользу этой мѣры и не чувствуетъ отъ нея особливаго для себя стѣсне-

(*) Другой видъ этой породы—*нармота* (*Somateria spectabilis. L.*) попадается болѣе въ Печорскомъ краю, какъ, напримѣръ, на Вайгачѣ, гдѣ еще менѣе знаютъ цѣну ей, чѣмъ на Бѣломъ морѣ гавкѣ, потому что большею частью не собираютъ пуха ея отдѣльно, а смѣшиваютъ съ несравненно худшимъ гусинымъ.

нія. При разложеніи огня для варенія пищи и для согрѣванія во время ночи, никто изъ моихъ гребцовъ никогда не срубалъ лиственницы, хотя она и лучше горитъ, и даетъ болѣе жара, чѣмъ всякое другое изъ растущихъ здѣсь деревъ, и хотя, по установившимся между мною и гребцами отношеніямъ, они совершенно были увѣрены, что имъ нечего опасаться доноса съ моей стороны. Запрещеніе же собирать яйца морскихъ птицъ въ глазахъ народа должно казаться какою-то, по истинѣ странною и необъяснимою, прихотью, ибо онъ очень хорошо понимаетъ, что отъ этихъ птицъ (за исключеніемъ гавокъ) ровно никакой нѣтъ пользы. Не знаю, видитъ ли онъ и то, что онѣ производятъ даже нѣкоторый вредъ. Въ самомъ дѣлѣ, мясо всѣхъ этихъ морскихъ птицъ, преимущественно питающихся рыбою, имѣетъ столь непріятный ворванный запахъ и вкусъ, что никѣмъ не употребляется въ пищу, а между тѣмъ количество уничтожаемой ими рыбы и преимущественно мальковъ очень значительно. Яйца же ихъ, напротивъ, очень вкусны и нисколько не имѣютъ отвратительнаго вкуса и запаха, свойственныхъ мясу этихъ птицъ. Это свойство яицъ очень хорошо извѣстно всѣмъ, какъ здѣсь, такъ и на Каспійскомъ морѣ, и поэтому даже яйца тѣхъ птицъ, которыя, по народному предразсудку, считаются нечистыми,—употребляются въ пищу. Такъ, крестьяне Мезенскаго уѣзда, считающіе, неизвѣстно почему, курицу нечистымъ животнымъ, держатъ куръ исключительно для яицъ, а насѣдокъ стараются отучить высиживать снесенныя ими яйца, считая это дурною привычкою съ ихъ стороны и дозволяя имъ слѣдовать ей только тогда, когда есть необходимость возстановить племя.—Такъ какъ дѣйствительно полезная гавка пользуется покровительствомъ закона лишь на-равнѣ съ прочею птицею, то и яйца ея собираются наравнѣ съ прочими. Да и можетъ ли быть иначе? Партія собирателей яицъ, пріѣхавъ на какой нибудь островъ, ожидая что вотъ, вотъ явится кто нибудь преслѣдовать ее за нарушеніе закона,—и, по меньшей мѣрѣ, отниметъ собранное ею, конечно

спѣшитъ собирать яйца со всѣхъ попадающихся ей на глаза гнѣздъ, неразбирая гавкиныя ли онѣ или чьи другія, и удалиться по добру, по здорову. Къ тому же и самая польза, которую можно извлечь изъ драгоцѣннаго пуха гавки, (извѣстнаго въ торговлѣ подъ именемъ гагачьяго), для здѣшнихъ жителей весьма мало ощутительна, потому что фунтъ его, продаваемый въ Петербургѣ и Москвѣ по 5 и 6 руб. сер., отдается (конечно въ неочищенномъ видѣ) немногими женщинами, собирающими его по деревнямъ Кандалакскаго берега, съ величайшею охотою за 80 коп. сер., нерѣдко же и за одинъ рубль ассигнаціями. Къ счастью, можно собирать этотъ пухъ, нисколько не вредя, ни самой птицѣ, ни ея яйцамъ и гнѣздамъ. Это драгоцѣнное вещество, самое теплое изо всѣхъ извѣстныхъ, птица выдергиваетъ изъ себя и выстилаетъ имъ свои гнѣзда и обкла-[illegible]етъ яйца. Когда она выcидитъ дѣтей и оставитъ [illegible] ними гнѣздо, тогда настаетъ настоящее время [illegible]гося въ немъ пуха. Такъ кажется и дѣлает-[illegible] гдѣ гавка въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ ее не тревожатъ, становится до того ручною, что часто устроиваетъ свои гнѣзда внутри жилищъ. Чтобы оцѣнить всю пользу этой птицы, надо еще знать, что она всегда выбираетъ для своихъ гнѣздъ то мѣсто, въ которомъ выводила своихъ дѣтей въ прежніе годы, такъ что тамъ, гдѣ ее берегутъ, доходъ отъ нея можетъ быть постояннымъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ я считалъ бы полезнымъ: 1) дозволить собираніе яицъ всѣхъ морскихъ птицъ, кромѣ гавокъ; 2) назначить срокъ, ранѣе котораго не должно собирать находящагося въ гнѣздахъ гавокъ пуха. Для точнѣйшаго исполненія этой мѣры, слѣдовало бы обратить этотъ пухъ въ статью общественнаго дохода, дабы всѣ наблюдали другъ за другомъ изъ личной выгоды. Этого можно бы достигнуть, сдѣлавъ изъ собиранія пуха оброчную мірскую статью, или, что по моему мнѣнію было бы еще лучше, опредѣлить, чтобы получаемыя отъ продажи его выгоды раздѣлялись подушно

Справедливо было бы притомъ, чтобы деньги эти раздѣлялись не между мущинами, а между женщинами, такъ какъ онѣ преимущественно и будутъ заниматься сборомъ его. 3) Ознакомить прибрежныхъ жителей какъ съ выгодами, которыя можетъ доставить этотъ пухъ, такъ и съ правилами, которыми должно руководствоваться при его собираніи и вообще при обхожденіи съ гавками. Если Департаменту угодно будетъ мнѣ поручить написать объ этомъ предметѣ небольшую статейку, то я охотно исполню это, когда поближе ознакомлюсь изъ собственныхъ наблюденій съ тѣмъ, какъ это дѣло ведется въ Норвегіи. Печатныя наставленія могли бы быть розданы безденежно здѣшнимъ крестьянамъ.

III. Печора.

Печорскій ловъ, производимый лишь двумя волостями— Пустозерскою и Усть-Цылемскою—составляетъ одно цѣлое какъ по мѣстности, такъ и по своей организаціи. Поэтому раздѣленіе его описанія по породамъ ловимыхъ рыбъ, какъ это сдѣлано для Бѣлаго моря, повело бы къ неизбѣжнымъ повтореніямъ и было бы вообще неудобно. На этомъ основаніи я предпочитаю другой порядокъ, именно: сказавъ нѣсколько словъ объ условіяхъ мѣстности, на которой производится печорскій ловъ, я перечислю породы печорской рыбы и сообщу нѣкоторыя особенности въ ихъ образѣ жизни, имѣющія практическое значеніе; потомъ опишу способы и организацію лова и, наконецъ, приготовленіе и сбытъ рыбы.

А. Естественно-историческія замѣчанія о Печорѣ и рыбахъ, живущихъ въ ней.

Сколько нибудь значительный ловъ на Печорѣ начинается со впаденія въ нее рѣкъ Пижмы и Цыльмы, противъ селенія Усть-Цылемскаго. Ширина рѣки здѣсь не менѣе $1^1/_2$

версты, и 20 верстъ ниже, отъ деревни Хабарихи, она начинаетъ уже раздѣляться на рукава. Сначала ихъ только два, и правый—восточный — носитъ названіе большой, а лѣвый—западный,—малой Печоры. Эти два крайніе рукава сохраняютъ свое названіе до самаго устья. Отъ времени до времени оба рукава соединяются, но для того только, чтобы сейчасъ же снова разойтись. Чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе увеличивается число рукавовъ, отдѣляющихся вообще другъ отъ друга низменными песчаными островами. Эти второстепенные рукава большею частью не имѣютъ особыхъ названій и извѣстны подъ именемъ шаровъ, тогда какъ названіе рѣки, или Печоры, исключительно присвоивается двумъ главнымъ. Не только обѣ Печоры, но и всѣ шары очень широки и рѣдко съуживаются до одной версты; тамъ же, гдѣ они на время сливаются, ширина доходитъ до 3-хъ и 4-хъ верстъ. Эта ширина рѣки и раздробленіе ея на многіе рукава составляютъ весьма выгодное условіе для прохода рыбы вверхъ по рѣкѣ, куда она стремится, чтобы мѣтать икру, потому что всегда остается множество протоковъ, свободныхъ отъ всякаго лова. Передъ впаденіемъ своимъ въ море, всѣ эти рукава сливаются въ одну огромную массу текучей воды, которая уже переходитъ въ заливъ океана, извѣстный подъ именемъ Печорской губы,—гдѣ вода уже соленая. Западный берегъ этой губы идетъ почти прямо на сѣверъ и не представляетъ никакихъ углубленій, удобныхъ для рыболовства, и далѣе Ловецкаго острова оно и не производится; съ восточной стороны отъ того мѣста, гдѣ печорскіе рукава сливаются въ одно цѣлое, вдается внутрь материка часть Печорскаго залива, извѣстная подъ именемъ Болванской губы. Болванскій мысъ, отдѣляющій ее отъ собственнаго устья Печоры, считается гранью между рѣкою и моремъ. Въ Болванской губѣ вода тоже уже соленая, и въ ней производится морской ловъ семги, который продолжается и за нею, далѣе къ востоку, въ такъ называемомъ Загубьѣ, до устья рѣки Черной, — послѣдней, въ которую еще поднимается семга. На всемъ этомъ про-

странствѣ—ловъ общественный, восточнѣе же онъ вольный, и всякій, кочующій съ оленями у берега океана или по рѣкамъ и озерамъ за Черною, можетъ ловить тамъ по своему произволу.—Передъ устьемъ своимъ Малая Печора образуетъ обширный заливъ—или прѣсноводное озеро, извѣстное подъ неправильнымъ названіемъ Голодной губы, которая соединяется съ Печорою четырьмя или пятью протоками, и вовсе не имѣетъ прямаго сообщенія съ моремъ, хотя на всѣхъ картахъ и показывается противное. Я уже выше говорилъ, какое значеніе могла бы имѣть, при другихъ условіяхъ, Голодная губа для размноженія и питанія рыбы,—теперь же она служитъ только главнымъ мѣстопребываніемъ не очень большому количеству двухъ маленькихъ рыбокъ: нагышей и cауревъ. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи множество небольшихъ и средней величины озеръ, извѣстныхъ подъ именемъ *наволочныхъ* (*), т. е. низменныхъ, въ которыя заливается весною вода изъ Печоры и которыя имѣютъ большею частію и постоянное сообщеніе [illegible] посредствомъ *високъ*. Но мы увидимъ ниже [illegible] тели неразумнымъ ловомъ почти сов[illegible]ь ту пользу, которую эти озера [illegible] для увеличенія запаса рыбы въ Пе[illegible] Кромѣ [illegible] наволочныхъ озеръ, на возвышенной част[illegible] разсѣяно множество другихъ, извѣстныхъ подъ име[illegible] *тундряныхъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ сообщеніе съ Печорою, другія же совершенно отъ нея отдѣлены. Одни изъ нихъ имѣютъ каменистое и песчаное дно и составляютъ поэтому весьма удобныя мѣста къ метанію икры для нѣкоторыхъ рыбъ изъ сиговаго рода; другія же имѣютъ дно тинистое, составляющее иногда подводное болото столь жидкое, что шестъ длиною въ нѣсколько сажень совершенно свободно и безъ малѣйшаго усилія уходитъ туда. Такія озера не могутъ служить для размно-

(*) *Наволокомъ* называется въ Архангельской губерніи всякая часть берега, вдающаяся въ море, озеро или рѣку—будетъ ли то крутой мысъ, или низменная коса.

женія рыбы, но представляютъ довольно изобильный матеріалъ для питанія ея. Замѣчательно, что рыба можетъ уходить въ этотъ жидкій илъ или тину, и тогда невозможно достать ее оттуда никакими снастями. Поэтому озера эти называются у жителей *скупыми*.

Перечисляя съѣдобныхъ рыбъ Бѣлаго моря и рѣкъ, въ него впадающихъ, я при каждой породѣ упоминалъ, находится ли она и въ Печорѣ; поэтому теперь мнѣ остается назвать только тѣхъ изъ печорскихъ рыбъ, которыя ей спеціальны. Такихъ немного, и всѣ онѣ принадлежатъ къ сиговому роду.

1) *Печорскій сигъ* (Coregonus Polkur. Pall.) Кромѣ рѣкъ печорской системы и находящихся въ соединеніи съ ней озеръ, находится и въ Оби.

2) *Пелядь* (Coregonus Peled. Pall.) Въ рѣкахъ и озерахъ печорской системы. Припечорскіе жители увѣряютъ, что рыба эта есть въ Карѣ и въ Оби; рѣдко встрѣчается она въ мезенской системѣ водъ, какъ, напримѣръ, въ Калининыхъ озерахъ, находящихся въ соединеніи съ Пезою; достигаетъ до 7 ф. вѣса.

3) *Чиръ* (Coregonus nasutus. Pall.) Живетъ преимущественно въ озерахъ, находящихся въ соединеніи съ Печорою, и западнѣе этой рѣки не встрѣчается; въ самой рѣкѣ, т. е. въ Большой и Малой Печорѣ, онъ также рѣдко ловится, а больше въ шарахъ, имѣющихъ не столь быстрое теченіе. Послѣ нельмы это самая большая рыба изъ всего сиговаго рода, ибо 7-ми фунтовыя очень обыкновенны, часто же попадается отъ 10 до 13 фунтовъ. Здѣшнимъ жителямъ случалось ловить и такихъ, которые достигали 25 фунтовъ.

4) *Омуль* (Coregonus Omul. Pall.) Поднимается въ Печору изъ моря только осенью, послѣ чего скоро возвращается назадъ. Въ Мезень она тоже идетъ въ небольшомъ числѣ; въ Карѣ ея очень много, но въ Оби нѣтъ, хотя по Палласу встрѣчается въ большомъ количествѣ въ Енисеѣ и другихъ, еще болѣе восточныхъ рѣкахъ. Въ озера она рѣдко

заходитъ. Средній вѣсъ этой рыбы 2 фунта; экземпляры въ 4 фунта уже очень рѣдки.

5) *Зельдь.* Небольшая рыбка, похожая на ряпушку, но, какъ кажется, составляющая отдѣльную отъ нея породу. Она подымается изъ моря въ Печору и ловится какъ весною, такъ и осенью.

6) *Саурей.* Также небольшая рыбка изъ сиговаго рода, водящаяся лишь въ Голодной губѣ. Обѣ эти рыбы имѣютъ сходство какъ съ ряпушкою (Coregonus albula. L.), такъ и съ другою близкою къ ней породою, русское названіе которой мнѣ неизвѣстно, (Coregonus Vimba. L.). Чтобы съ достаточною точностью установить ихъ видовую самостоятельность, или утвердить ихъ тождество съ означенными породами, надо сравнить съ вполнѣ достовѣрными образцами сихъ послѣднихъ, которыхъ у меня теперь нѣтъ. Всѣ эти сиговыя породы извѣстны на Печорѣ подъ именемъ бѣлой рыбы, какъ по серебристому цвѣту, такъ и по бѣлому мясу [illegible] въ противуположность семгѣ, которую однако здѣ[illegible] рыбою не называютъ. Еслибы однажды пой[illegible] пляръ случайно зашедшей въ какую [illegible] валъ право причислить ее къ фаун[illegible] этой рѣки, то въ чи[illegible] печорскихъ рыбъ надо бы считат[illegible] обскаго ос[illegible]. Когда я уже возвращался съ низо[illegible] Печоры, м[illegible] всѣми припечорскими жителями разнесс[illegible] что у острова Бугаева, верстахъ въ ста ниже Усть-Ц[illegible], рыбаки поймали неводомъ трех-пудоваго осетра,—рыбу, доселѣ никогда еще невиданную въ Печорѣ. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣть и пріобрѣсти эту рѣдкость, но, когда я прибылъ къ Бугаевскому острову, то услышалъ, къ моему сожалѣнію, отъ самихъ рыбаковъ, поймавшихъ этого осетра, что они уже недѣли двѣ тому назадъ продали его мимо плывшимъ чердынскимъ купцамъ за 26 руб. ассиг., потому что боялись, чтобъ онъ у нихъ не уснулъ. Такъ какъ осетру неоткуда было зайти въ Печору, какъ изъ Оби, то онъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ породѣ обскихъ осетровъ. Ежели поймали одного осетра, то очень возможно, что зашло ихъ въ Печору нѣ-

сколько, и если бы они размножились здѣсь, подобно тому, какъ стерляди въ Двинѣ, то это было бы чрезвычайно счастливымъ обстоятельствомъ для здѣшнихъ жителей.

Изъ всѣхъ печорскихъ рыбъ имѣютъ промышленное значеніе—семга, только-что поименованныя породы сиговаго рода: сигъ, пелядь, чиръ, омуль и зельдь, пельма, также принадлежащая къ этому роду, и отчасти щука. Всѣ прочія рыбы, въ томъ числѣ и саурей, въ прокъ не приготовляются и идутъ лишь въ непосредственное употребленіе мѣстныхъ жителей.

Семга идетъ въ Печору только однажды въ годъ, именно, начиная съ конца іюля; въ началѣ сентября ходъ ея въ эту рѣку изъ моря уже прекращается, поэтому къ 8 сентябрю ловцы всегда уже оставляютъ Болванскую губу. Какъ и осенняя семга бѣломорскихъ рѣкъ, здѣшняя семга въ ту же осень икры не мечетъ, и поднимается весьма высоко вверхъ по Печорѣ, ибо ее ловятъ даже въ Вологодской губерніи. Изъ притоковъ Печоры сворачиваетъ она въ значительномъ количествѣ только въ Щугуръ, текущій съ Уральскаго хребта и впадающій въ Вологодской губерніи при селеніи Усть-Щугурѣ, немного въ Югу отъ столь извѣстной въ этомъ краю Брусяной горы. Въ Усть-Щугурѣ, говорятъ, вода такъ чиста, что дно ясно видно на глубинѣ трехъ сажень. Печорская семга, изъ всѣхъ сортовъ ея, идущихъ въ наши сѣверныя рѣки, самая вкусная и жирная. Величиною она также превосходитъ всѣ прочіе сорты; 30-ти фунтовыя семги здѣсь очень обыкновенны, а менѣе 15 фунтовъ составляетъ уже рѣдкость. Въ нынѣшнемъ году, когда семги было очень мало, и она была мельче обыкновенной, я видѣлъ однакожъ одну въ 1 пудъ 13 фунт. Одинъ же правдивый человѣкъ сказывалъ мнѣ, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ самъ видѣлъ пойманную въ Печорѣ семгу вѣсомъ въ 2 пуда 15 фунтовъ. Такъ какъ такіе примѣры приводятся и изъ другихъ странъ, то нѣтъ причины не вѣрить этому показанію.

Всѣ печорскія породы сиговъ мечутъ икру въ началѣ зи-

мы,—по словамъ жителей, въ ноябрѣ и въ декабрѣ. Въ это время, рыбаки, какъ разсказываютъ они сами, ставятъ пущальницы въ озерахъ надъ каменистыми мѣстами, и имъ попадаются сиги, чиры и пеляди, у которыхъ икра уже такъ разжижена, что свободно вытекаетъ изъ рыбы. Дѣйствительно, въ началѣ сентября я видѣлъ у всѣхъ сиговыхъ породъ, что икра была уже очень развита, но еще тверда, такъ что ясно было, что ей оставалось нѣсколько времени до полной зрѣлости; къ началу же весны, какъ разсказываютъ здѣшніе рыбаки, икры у сиговыхъ породъ уже не бываетъ. Чтобы выметывать ее, ищутъ онѣ всегда песчаное дно и идутъ—однѣ вверхъ по рѣкамъ, другія же сварачиваютъ въ озера. Изъ всѣхъ этихъ породъ одинъ только омуль совершаетъ правильныя періодическія путешествія изъ моря въ рѣку и, выметавъ икру, спѣшитъ возвратиться въ море. Онъ идетъ въ Печору нѣсколько позже семги, именно съ начала августа. Въ нынѣшнемъ году самый сильный ходъ ихъ былъ въ концѣ этого мѣсяца. Изъ притоковъ Печоры омули болѣе [illegible] сворачиваютъ въ Усу. Въ озера они почти ни[illegible] ходятъ, и поэтому мелкихъ омулей ник[illegible] въ мелкоячейныя сѣти, разставляемыя въ вискахъ. Въ Печорѣ они также не попада[illegible], но здѣсь можетъ быть потому, что тутъ частыя сѣти мало употребляются. Но въ рѣкахъ, впадающихъ въ Океанъ восточнѣе Печоры, какъ, напримѣръ, въ Песчанкѣ, устье которой близъ острова Варандея, ловятъ мелкихъ омульковъ весною (т. е. около Петрова дня); осенью ихъ уже не попадается. Изъ этого можно, кажется, заключить, что омулевые мальки зимуютъ въ рѣкахъ и только на слѣдующее лѣто уходятъ въ море, чтобы возвратиться оттуда уже не ранѣе полной зрѣлости. Въ эту же Песчанку, также какъ и въ рѣки: Черную, Грѣшную и другія, омули начинаютъ подниматься гораздо ранѣе, нежели въ Печору, а осенью идутъ уже обратно изъ нихъ въ океанъ. Это послѣднее обстоятельство извѣстно изъ того, что здѣсь существуетъ дурной обычай перегораживать

рѣки сѣтьми (*), и осенью тянуть неводами не ниже, а выше этой преграды. Ранній ходъ омулей въ эти рѣки объясняется тѣмъ, что онѣ вскрываются не ранѣе половины іюля, иногда же къ концу этого мѣсяца, а мерзнутъ уже въ сентябрѣ; слѣдовательно, войдя въ эти рѣки мѣсяцемъ ранѣе, чѣмъ въ Печору, они только-что успѣютъ воротиться въ море до морозовъ, и во время такъ называемой здѣшней весны, которая здѣсь сливается и съ лѣтомъ, и съ осенью, находятъ туже температуру, какую въ августѣ въ Печорѣ, которая, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ о вскрытіи этой рѣки у деревни Никитцы, въ 4-хъ верстахъ выше Куи, самаго сѣвернаго изъ Печорскихъ селеній, съ 1833 по 1859 годъ (съ пропускомъ нѣсколькихъ годовъ), освобождается отъ льда среднимъ числомъ 24-го мая; (самое раннее вскрытіе было въ 1855 году 3-го мая, самое же позднее 8-го іюня въ 1841 и 1858 г.). Къ сожалѣнію, о замерзаніи этой рѣки у меня есть свѣдѣнія только за три года, именно: въ 1839 г. она стала въ 25 г. октября, въ 1840 г. 30-го сентября, въ 1847 г. 28-го сентября, о нынѣшнемъ 1859 году мнѣ извѣстно только, что она стала позже первой недѣлѣ октября. Изъ этого видно, что Печора по крайней мѣрѣ 3-мя недѣлями ранѣе вскрывается, и на столько же позже становится—чѣмъ небольшія рѣки, впадающія въ океанъ между ею и Карою. Прочія сиговыя породы не совершаютъ столь правильныхъ путешествій изъ моря въ рѣки и обратно, какъ омули, хотя передъ наступленіемъ времени метанія икры и идутъ вверхъ по рѣкамъ или въ озера. Всѣ онѣ не имѣютъ, такъ сказать, опредѣленнаго мѣста жительства, а суть вмѣстѣ и морскія, и рѣчныя, и озерныя рыбы, только не въ одинаковой степени предпочитаютъ эти различныя мѣстопребыванія. Въ каждомъ изъ этихъ видовъ

(*) Хотя это перегораживаніе рѣкъ, при обратномъ ходѣ рыбы, и далеко не столь вредно, какъ во время подъема ея по рѣкамъ, но все таки нельзя его похвалить, потому что такимъ образомъ ловится тощая и дурнаго сорта рыба, которая, отдохнувъ въ морѣ, приняла бы къ слѣдующему году гораздо лучшія качества

нѣкоторыя особи возвращаются въ море, другія же остаются постоянно въ рѣкахъ, и также точно переходятъ изъ озеръ въ рѣки и обратно, или живутъ и постоянно въ озерахъ. Ближе всѣхъ къ омулю подходитъ, по образу жизни, зельдь, ибо она тоже идетъ стаями изъ моря и въ озера почти не заходитъ; но и ее во всякое время года можно поймать въ Печорѣ,—она также сварачиваетъ въ большомъ количествѣ въ рѣку Усу. За нею слѣдуетъ нельма, которая также чрезвычайно рѣдко заходитъ въ озера, однакожъ я самъ видѣлъ небольшихъ нельмъ, пойманныхъ въ Голодной губѣ. Во всякомъ случаѣ онѣ не живутъ въ озерахъ. Пелядь и печорскій сигъ суть на столько же рѣчныя, какъ и озерныя рыбы, и мечутъ икру какъ въ рѣкахъ, такъ и въ озерахъ; наконецъ чиръ—почти исключительно озерная рыба; не только здѣсь достигаетъ онъ своей наибольшей величины, но въ настоящей Печорѣ (т. е. большой и малой) никогда не ловится, а попадается только въ шарахъ, гдѣ теченіе медленнѣе; онъ встрѣчается однакожъ и въ морѣ, по крайней мѣрѣ близъ устьевъ Печоры, шарами которой заходитъ въ озера. Что касается до саурея, то онъ и нагыши попадаются только въ Голодной губѣ и шарахъ, соединяющихъ ее съ Печорою и съ моремъ.

B) *Способы и организація лова.*

Орудія лова на Печорѣ просты и не разнообразны. Это:

1) *Невода.* Отъ 100 до 400 сажень длиною и не болѣе 4-хъ сажень вышиною. Ихъ сшиваютъ изъ нѣсколькихъ сѣтей, каждая длиною въ 10 сажень, и съ ячеями въ $1^1/_8$ вершка, которыя въ матицѣ уменьшаются до $^3/_4$ вершка. По краямъ матицы вшиваютъ сѣть со столь же частыми ячеями, и, если это цѣлая сѣть въ 10 сажень, то такой неводъ называется съ *моромомъ*, если же только кусокъ сѣти въ сажень или въ полторы, то это будетъ неводъ съ *рымталомъ*. Ими ловятъ преимущественно въ дачахъ Усть-Цылем-

ской волости и въ верхней части Пустозерской,—какъ семгу, такъ и прочую рыбу. Зельдяные невода не длиннѣе 100 или 150 сажень, и ячеи ихъ въ $^1/_2$ вершка въ квадратѣ, а въ матицѣ еще мелче.

2) *Поплавни.* Семожьи большею частью въ 200 сажень длиною, такъ что рѣдко равняются $^1/_3$ ширины рѣки. Они сшиваются обыкновенно изъ 10-ти—20-ти саженныхъ сѣтей, съ ячеями около 2 верш. въ квадратѣ. Свободный плавающій конецъ ихъ поддерживается здѣсь, вмѣсто боченка, особливаго устройства поплавкомъ, называемымъ *матафаномъ.* Семга ловится ими болѣе въ низовьяхъ Печоры. Поплавнями же съ болѣе частыми ячеями ловятъ здѣсь и омулей.

3) *Переметы.* Ставныя сѣти изъ той же сѣтной ткани, какъ и поплавни. Ими производится морской ловъ семги. Они выставляются по мелкимъ мѣстамъ, начиная отъ берега и перпендикулярно къ нему до 3600 сажень въ глубь моря. Для этого вбиваютъ въ дно колья въ 10 саженяхъ одинъ отъ другаго. Переметы отъ 40 до 50 саж. каждый на саду, т. е. не разстянутые, а на сборкахъ привязываютъ къ верхней и нижней веревкѣ (тетивѣ) и счаливаютъ между собою, связавъ мѣстахъ въ трехъ или четырехъ ячею съ ячеею. Потомъ верхнюю тетиву навертываютъ на колья, непривязывая къ нимъ, а къ нижней привѣшиваютъ камни. Вся линія этихъ переметовъ, навѣшанныхъ на вбитые колья, называется *тонею.* Въ тихую погоду осматриваютъ эти тони, при хорошемъ ловѣ рыбы — ежедневно, для чего приподымаютъ съ лодки переметы, только висящіе на кольяхъ, а ни внизу, ни по серединѣ къ нимъ не привязанные. Когда снимаются съ лова, то обрубаютъ колья у самой верхушки, чуть-чуть по ниже того мѣста, гдѣ навернута на нихъ тетива. Такимъ образомъ переметы падаютъ вмѣстѣ съ небольшими чурочками—т. е. верхушками кольевъ. Поэтому сниматься съ тони называютъ здѣсь *сѣкаться.*

4) *Пущальницы.* Также ставныя сѣти, употребляемыя для лова въ озерахъ, а зимою и въ рѣкахъ. Онѣ имѣютъ отъ 15 до 20 сажень въ длину, съ ячеями въ 1 и въ $1^1/_4$ верш-

ка въ квадратѣ; къ нижней тетивѣ ихъ привязываются камни на особливыхъ веревочкахъ, называемыхъ *камушницами*. Лѣтомъ навѣшиваютъ ихъ на вбитые въ дно колья, а зимою опускаютъ подъ ледъ, привѣшивая, посредствомъ сдѣланныхъ изъ дранокъ колецъ, къ перекладинамъ, которыя кладутся черезъ проруби. Этими пущальницами перегораживаютъ иногда зимою рѣки съ берега на берегъ, что, безъ сомнѣнія, должно быть запрещено, какъ и всякое перегораживаніе рѣки чѣмъ бы то ни было.

5) *Уды*. Онѣ привѣшиваются къ перекладинамъ и спускаются въ проруби, главнѣйше для лова налимовъ.

6) *Заборы*. На нижней Печорѣ, по причинѣ огромной ширины ея рукавовъ, заборовъ не существуетъ, но плававшіе на чердынскихъ каюкахъ вверхъ по этой рѣкѣ говорятъ, что въ Вологодской губерніи по верхней Печорѣ устроены совершенно сплошные заборы, въ которыхъ отворяютъ ворота лишь для пропуска каюковъ. Такъ какъ семгѣ, чтобы дойти до этихъ мѣстъ, нужно проскользнуть уже мимо множества опасностей, и такъ какъ небольшое число дошедшее сюда — уже достигло своей цѣли и можетъ выметывать икру, то чѣмъ меньше будутъ ее здѣсь ловить, тѣмъ лучше. Поэтому мнѣ кажется полезнымъ совершенно запретить заборы въ верхней Печорѣ. Въ этомъ убѣжденіи подкрѣпляетъ меня еще то, что прибрежные жители этой части Печоры не могутъ получать большихъ выгодъ отъ лова незначительнаго количества семги, тѣмъ болѣе, что могутъ продавать ее, по необходимости, дешевою цѣною лишь однимъ чердынцамъ, возвращающимся съ низовьевъ этой рѣки и, слѣдовательно, запасшимся уже нужнымъ для нихъ количествомъ этой рыбы.

Еще болѣе вреда, чѣмъ печорскіе заборы для семги, приносятъ, можетъ быть, для разныхъ породъ бѣлой рыбы тѣ заборы, которые устроиваются по вискамъ въ низовьяхъ этой рѣки. Вотъ какъ дѣлается это въ самой значительной изъ этихъ високъ, въ такъ называемой Великой Вискѣ, впадающей въ Печору при селеніи Великовисочномъ, самомъ верхнемъ и

самомъ многолюдномъ во всей Пустозерской волости. Именно эту виску избралъ я еще потому, что въ слѣдствіе различныхъ мѣстныхъ условій, заборы, перегораживающіе другіе виски, не могутъ имѣть столь вреднаго вліянія, какъ здѣшніе. Такъ какъ теченіе виски очень слабо и она мелка, то заборы состоятъ изъ пучковъ еры (*), втыкаемыхъ въ дно плотно другъ къ другу; для укрѣпленія они привязываются къ горизонтальной перекладинѣ. По серединѣ забора оставляется промежутокъ, въ который вставляется мережка, т. е. просто четырехъ-угольный мѣшокъ изъ мелкоячейной сѣти (ячеи имѣютъ $1/_2$ дюйма въ квадратѣ), въ который вставлено лишь такъ называемое горло, т. е. воронка изъ сѣти. Мѣшокъ этотъ не растянутъ даже на обручахъ, потому что мережками ловятъ покатную рыбу, т. е. плывущую внизъ по вискѣ, и потому его ставятъ отверстіемъ противъ теченія, которое само достаточно распираетъ ее. Каждый день вытресаютъ изъ этихъ мережъ рыбу въ лодки. Первый заборъ устроенъ въ верстѣ выше деревни, гдѣ виска течетъ однимъ русломъ, и перегораживаетъ его съ берега на берегъ. Онъ считается общественнымъ, потому что рыба, попадающая въ него раздѣляется ежедневно по душамъ. Она идетъ лишь на непосредственное употребленіе; остающійся же излишекъ солится въ прокъ для себя же. Этотъ заборъ дѣлается общими средствами, какъ только спадетъ весенняя вода. Противъ самаго селенія, гдѣ виска раздѣляется при мелководьѣ на рукава, устроиваетъ, когда вода совсѣмъ уже упадетъ, т. е. во второй половинѣ августа, каждый, кому только угодно, свой заборъ. Когда я ѣхалъ внизъ по Печорѣ, ихъ было только 13, когда же я возвращался, но ихъ было уже болѣе тридцати, такъ что на каждомъ изъ рукавовъ стояли

(*) Такъ называются различныя породы растущихъ здѣсь ивъ, которыя всѣ кустарниковыя и представляютъ ту особенность, что листьями покрыта лишь нижняя часть куста, а надъ нею возвышаются сухія безлистныя вѣтви, такъ что все растеніе кажется какъ бы въ два этажа, изъ коихъ нижній,— зеленый, меньше верхняго—чернобураго.

они густою колонною одинъ за другимъ. Хотя они устроены кое-какъ, и при небольшомъ возвышеніи воды остается между ними и берегомъ свободная полоса воды, однако можно сказать, что сквозь весь рядъ ихъ рѣдкой рыбѣ удастся пройти. Изъ разсказовъ здѣшнихъ жителей, нисколько нескрывающихъ этого способа лова и неподозрѣвающихъ въ немъ чего либо вреднаго или запрещеннаго, я уже зналъ, что такимъ образомъ ловится преимущественно мелкая рыба, однакоже на возвратномъ пути, когда заборный ловъ былъ въ полномъ ходу, я полюбопытствовалъ посмотрѣть на однодневный уловъ у общественнаго забора до раздѣленія его по домамъ. Уловъ состоитъ преимущественно изъ сижковъ и пелядокъ въ палецъ длиною, и такой-то рыбы, въ уловное время, попадаетъ въ одинъ общественный заборъ (конечно самый прибыльный) отъ 10 до 20 пудовъ въ сутки. Крупной въ этомъ числѣ очень немного. Этотъ губительный ловъ основанъ на слѣдующихъ условіяхъ здѣшней мѣстности, дѣлающихъ его еще болѣе вреднымъ. Великая виска вытекаетъ изъ озера Ярадды, и, въ продолженіе теченія ея, въ нее впадаютъ многія рѣчки, тоже вытекающія изъ озеръ. Весною вода изъ Печоры и притока ея Сули переливается во всѣ эти озера, и съ нею вмѣстѣ заходитъ въ нихъ рыба, частію чтобы метать тогда же икру (щуки, сазановидныя рыбы, окуни и ерши), частію же—отыскивать себѣ пищу, и осенью возвращается въ рѣки. Но тогда уже вода сбыла, и ей остается одинъ лишь путь—Великая виска, гдѣ ее почти всю перехватываютъ тридцатью упомянутыми заборами. Это было бы еще небольшою бѣдою, если бы такимъ образомъ ловилась одна крупная рыба; но часть сиговъ и пелядей остается въ озерахъ на осень и мечетъ тамъ икру. Кромѣ этой мелкой рыбы, народившейся въ самыхъ озерахъ, еще больше заходитъ въ нихъ такой, которая вывелась въ рѣкѣ прошедшею зимою и съ наступленіемъ весны стремится въ озера, потому что тамъ и болѣе пищи, пригодной для молодыхъ рыбокъ, и—что также необходимо для мальковъ—вода теплѣе и убѣжища спокойнѣе, чѣмъ въ

Печорѣ. И та, и другая молодая рыба возвращается осенью въ рѣки, и тутъ-то ее почти всю перелавливаютъ жители Великовисочнаго селенія, которые воображаютъ еще, что поступаютъ весьма экономно, употребляя на свои непосредственныя нужды негодную для вывоза мелочь и тѣмъ сберегая крупную рыбу на продажу. Этотъ безумный ловъ совершенно походитъ на производимый въ истокахъ волжскихъ ильменей, и если тамъ уже, при баснословномъ почти изобиліи рыбы, онъ не можетъ быть терпимъ, то съ тѣмъ бо́льшею строгостью долженъ онъ быть запрещенъ въ печорскихъ водахъ, и безъ того уже не слишкомъ-то богатыхъ рыбою.

Организація печорскаго лова совершенно различна въ двухъ волостяхъ, занимающихся имъ, Пустозерской и Усть-Цылемской. Это различіе зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ: 1) Отъ того, что въ части Печоры, принадлежащей низовой Пустозерской волости, рыбы гораздо больше, чѣмъ въ верхней ея части, принадлежащей Усть-Цыльмѣ. 2) Для жителей Пустозерской волости рыболовство составляетъ главный источникъ доходовъ: хлѣбопашества нѣтъ вовсе, скотоводство незначительно, оленеводство же есть достояніе немногихъ богатыхъ семействъ. Въ Усть-Цыльмѣ, совершенно на оборотъ, рыболовство составляетъ только подспорье другимъ источникамъ доходовъ, преимущественно скотоводству и земледѣлію. Обѣ эти причины требуютъ, чтобы выгоды отъ рыболовства были гораздо равномѣрнѣе распредѣлены въ Пустозерскѣ, чѣмъ въ Усть-Цыльмѣ. 3) Населеніе Пустозерской волости разсѣяно въ 17 деревняхъ на пространствѣ 120 верстъ отъ деревни Великовисочной до Куи, лежащихъ притомъ при различныхъ рукавахъ Печоры, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ. Между тѣмъ двухъ-тысячное населеніе Усть-Цылемской волости все сосредоточено въ одномъ селѣ Усть-Цыльмѣ, въ которомъ 300 дворовъ и которое послѣ Архангельска едва ли не самое населенное мѣсто въ губерніи, ибо богатая 6-ти тысячная Ижемская волость состоитъ изъ множества отдѣльныхъ деревень. Поэтому каждая изъ пустозерскихъ деревень можетъ получать боль-

шую часть своихъ рыболовныхъ дачь въ своемъ сосѣдствѣ, тогда какъ Усть-Цылемы необходимо должны разсѣяться для рыболовства по всему 250-верстному протяженію принадлежащей имъ части Печоры. 4) Наконецъ, у Пустозерска есть и морскія дачи, которыхъ нѣтъ у Усть-Цыльмы. Ловъ въ нихъ долженъ быть конечно совершенно иначе устроенъ, нежели въ рѣкѣ.

Начну съ болѣе важнаго пустозерскаго лова. При ревизіи собираются въ городокъ, т. е. въ собственно Пустозерскъ, хозяева семействъ изъ всѣхъ 17 деревень, которыя по порядку съ верху въ низъ, или съ юга на сѣверъ, суть: слѣва, или по малой Печорѣ, и на ближнихъ къ ней островахъ: Великовисочная (самая населенная изъ всѣхъ, имѣетъ слишкомъ 120 душъ), Лабоско, Оксино, Голубково, Бѣдово, Сопка, Нарыга и Андегъ; справа, или на большой Печорѣ: Палемецъ, Городокъ, Устье, Тельвиска, Іокушецъ, Макарово, Никитца, Куя и Пойлово. Всѣ жители ихъ раздѣляются на десять сотень; въ какой деревнѣ не хватаетъ ста душъ, къ той прибавляютъ изъ другихъ. Потомъ опредѣляютъ, сколько имѣть поплавней на каждую сотню и въ какихъ мѣстахъ. Мѣста эти назначаютъ такъ, чтобы каждой сотнѣ не всѣ они достались по близости тѣхъ деревень, изъ которыхъ она составлена, а нѣкоторыя выше, другія же ниже ихъ, для уравненія по возможности шансовъ улова, такъ чтобъ и верхняя сотня пользовалась болѣе богатымъ низовымъ ловомъ, и нижнія получили бы нѣсколько менѣе выгодныхъ мѣстъ въ верховьяхъ всей дачи. Каждая сотня распредѣляетъ потомъ пришедшіеся ей участки между составляющими ее деревнями. Такъ, напримѣръ, деревня Никитца имѣетъ: два поплавня въ границѣ своихъ дачъ, третій въ Юшинѣ (верстъ 70 ниже Никитцы), четвертый у Пылемца (верстъ 100 выше) и наконецъ пятый, состоящій изъ двухъ половинъ, именно $^1/_2$ поплавня въ Куѣ и $^1/_2$ поплавня у урочища Конецъ-Куста (гораздо ниже Куи). Далѣе, въ каждой деревнѣ распредѣляется по скольку душъ должно пріитись на поплавень; при этомъ принимаютъ въ расчетъ

одни лишь удобные участки. Такъ, напримѣръ, въ Никитцѣ, гдѣ 75 душъ, распредѣляются между ними сначала только первые три участка (два, лежащіе въ ихъ дачахъ, и третій Юшинской), такъ что къ каждому приписывается по 25 душъ, которые каждый годъ чередуются въ ихъ пользованіи. Четвертый—Пилемецскій—поплавень отдается на Куйскую церковь, къ приходу которой принадлежитъ Никитца. Наконецъ два полу-плавня Куйскій и Конецъ-Кустскій составляютъ добавочный поплавень,—объ немъ скажу послѣ. На каждый поплавень нужно, смотря по плесу, 5 или 6 работниковъ, и на столько же паевъ раздѣляютъ его, приписывая къ каждому паю по ровному числу душъ, которое, слѣдовательно, неодинаково для разныхъ поплавней. Въ Никитцѣ, напримѣръ, приходится на пай по 5 душъ. У кого въ семьѣ 5 душъ, тотъ выставляетъ отъ себя работника, свою долю сѣтей, веревокъ и т. д., и пользуется полнымъ паемъ, у кого же нѣтъ 5 душъ, тотъ соединяется съ кѣмъ-либо другимъ, и они уже вмѣстѣ выставляютъ должное количество сѣтей и работника. Работники нанимаются (хотя бы онъ былъ изъ того семейства, которое его выставляетъ) за деньги, или изъ части въ уловѣ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ называются покрутчиками. Прежде покрутчики шли не менѣе какъ изъ $1/3$ цѣлаго пая, теперь же идутъ и за $1/4$. Добыча дѣлится свѣжею, или уже послѣ посола, сначала на паи, и потомъ уже, если пай составной, дѣлится онъ по душамъ, за вычетомъ доли покрутчика. Дабавочный поплавень дѣлится отдѣльно отъ главныхъ, и изъ него также составляютъ нѣсколько паевъ; въ Никитцѣ также 5 паевъ, какъ и на главныхъ, слѣдовательно число душъ, которымъ принадлежитъ пай, возрастаетъ тутъ до 15. Обыкновенно этимъ поплавнемъ не ловятъ тѣ, которымъ онъ принадлежитъ, а продается ими тѣмъ, кому онъ сподручнѣе, и вырученныя деньги раздѣляются по душамъ.

Все сказанное здѣсь о распредѣленіи участковъ относится собственно къ рѣчному семожьему лову. Для распредѣленія омулевыхъ поплавней придерживаются того правила, что

гдѣ семожій поплавень, тамъ и омулевый. Но такъ какъ омули идутъ не по всѣмъ плесамъ, по которымъ идетъ семга, то въ такомъ случаѣ замѣняютъ ихъ неводами. Самая верхняя деревня—Великовисочная получаетъ на свою долю только тѣ поплавни, которые придутся ей, въ низовьяхъ Печоры; въ ея же собственныхъ дачахъ, по мѣстнымъ условіямъ, поплавни замѣняются неводами. Во всей Пустозерской волости считается теперь 40 рѣчныхъ семожныхъ поплавней и немногимъ менѣе омулевыхъ.

Таково устройство пустозерскаго осенняго рѣчнаго лова. По количеству улавливаемой рыбы, онъ много уступаетъ весеннему, но за то несравненно превосходитъ его цѣнностью своихъ улововъ, состоящихъ главнѣйше изъ семги и омулей—самой дорогой изъ бѣлой рыбы, послѣ нельмы.— Весенній рѣчной ловъ — неводной и вольный, т. е. производится въ дачахъ каждой деревни, кому гдѣ угодно. Въ это время преимущественно ловятся сигъ, нельма, зельдь, щука и налимъ. По существующимъ здѣсь обычаямъ, весенній уловъ идетъ собственно на хлѣбъ, вымѣниваемый у чердынцевъ на рыбу; осенній же покрываетъ главнымъ образомъ уплату податей и другія домашнія нужды.

Морскія тони распредѣляются совершенно независимо отъ рѣчныхъ, и притомъ тони въ Болванской губѣ отдѣльно отъ загубныхъ, такъ что всѣ получаютъ свои доли въ той и другой мѣстности. Въ Болванской губѣ 7 общественныхъ тонь, слѣдующихъ въ такомъ порядкѣ отъ запада къ востоку: 1) *Селезеневка,* раздѣленная на 14 паевъ, 2) *Крестовая* — на 12 паевъ, 3) *Прилучная* и 4) *Носовая* — по 14 паевъ, 5) *Дресва*—11 паевъ, (двѣнадцатый принадлежитъ Спасо-Преображенской церкви въ Городкѣ), 6) и 7) двѣ тони на *Самоѣдской,* каждая по 11 общественныхъ и одному церковному Спасо-Преображенскому паю. Такимъ образомъ всѣхъ общественныхъ паевъ здѣсь 8, такъ что на пай приходится по 12, а на нѣкоторые по 13 душъ.—Такія артели распредѣляются по тонямъ сначала по жребію, а потомъ чередуются въ пользованіи ими. Въ Загубьѣ только 4 обще-

ственныхъ тони, каждая раздѣленная по 12 паевъ: 1) *Погорѣлка*, 2) *Алексѣевка*, 3) *Черная рѣка* и 4) *Грѣшная рѣка*. На каждую изъ этихъ тоней приходится, слѣдовательно, четвертая часть всего пустозерскаго населенія, т. е. около 250 душъ, которыя ежегодно чередуются во владѣніи ими. Такъ какъ каждая тоня раздѣлена на 12 паевъ, то на пай приходится здѣсь по 21 душѣ. Каждыя 12 или 13 душъ, имѣющія пай въ Болванской губѣ, и каждыя 21 душа, владѣющія паемъ въ Загубьѣ, высылаютъ по работнику, приходящееся на ихъ долю количество сѣтей и кольевъ, лодку и хлѣбъ. За то получаютъ они $^2/_3$ всего улова, работникъ же, если нанялся изъ покрута, только $^1/_3$. Здѣсь доля покрутчика больше, чѣмъ на рѣчномъ ловѣ, потому что работа гораздо труднѣе, и ему надо пробыть бо̀льшую часть лѣта внѣ дома на пустынныхъ берегахъ моря. Впрочемъ рѣдко бываетъ, чтобы партіи или артели посылали отъ себя работника и дѣлили потомъ между собою добычу. Обыкновенно они продаютъ свое право кому либо изъ богатыхъ крестьянъ, которыхъ много въ Пустозерской волости. Если кто скупитъ всѣ души пая, то дѣлежъ идетъ только между нимъ и его работникомъ, если же кто скупитъ часть, напримѣръ, 15 въ Загубской тонѣ, то остальные 6 участвуютъ во всѣхъ расходахъ и получаютъ $^2/_3$ того, что придется на 6 душъ изъ улова всего пая, $^1/_3$ же и отъ нихъ идетъ покрутчику. Часто нанимаются работники и изъ за денегъ, рублей по 10 сер за сходъ. Хотя въ хорошіе годы, когда на пай приходилось рублей по 200 ассигн., покрутчику приходится и вдвое больше этого (66 руб. сер.), но за то тутъ доходъ его вѣренъ, и онъ обезпеченъ отъ недолововъ, подобныхъ, напримѣръ, нынѣшнему, когда на пай не пришлось и по 2 пуда, т. е. менѣе чѣмъ по 12 руб. сер.

Кромѣ этихъ общественныхъ тоней есть еще тони, какъ въ Болванской губѣ, такъ и въ Загубьѣ, принадлежащія духовенству Преображенской церкви въ Городкѣ и извѣстныя подъ именемъ Поповскихъ. Ихъ 6, именно — двѣ въ Болванской губѣ: 1) *Ковалева* съ 12 паями и 2) *Мелкая* съ

14 паями (изъ коихъ одинъ принадлежитъ Спасо-Преображенской церкви), и четыре въ Загубьѣ: 3) *Іевка* съ 7-ю паями, 4) *Дресвянка* съ 4-мя паями, 5) и 6) *Кривогорлица* и *Плоская*, каждая съ 5-ью паями. Эти тони отдаются духовенствомъ въ наемъ по цѣнамъ, которыя въ хорошіе годы доходятъ до 1.200 руб. асс. за Мелкую, 175 руб. за Ковалеву, около 80 за Іевку, 15 за Дресвянку, и 35 руб. за Плоскую и Кривогорлицу вмѣстѣ,—что всего составитъ слишкомъ полторы тысячи рублей ассигнаціями. Въ нынѣшнемъ, плохомъ, году эти тони были отданы слишкомъ за 200 руб. сер., въ томъ числѣ одна Мелкая за 144 рубли.

Для лова въ озерахъ и вискахъ существуютъ тоже опредѣленныя правила. Ближнія озера раздѣлены по деревнямъ. Приписанныя къ деревнѣ опять раздѣляются на двѣ или на три части, и такою частью владѣетъ по очереди каждая половина, или треть населенія, ежегодно перемѣняясь. Ловъ производится въ нихъ съ заморозковъ и продолжается всю зиму подледными неводами и пущальницами. Каждая душа должна участвовать въ составѣ невода, доставляя для этого по сѣти, изъ которыхъ онъ сшивается; если есть лишнія души, то на нихъ раскладываются подборы, веревки и прочія принадлежности лова. Если ловъ неводной, то всѣ ловятъ собща и пойманную рыбу дѣлятъ поровну. Зимнимъ озернымъ ловомъ добываютъ преимущественно пелядей и чировъ. Зимою ловятъ также неводами и пущальницами по шарамъ Печоры сиговъ, а удочками налимовъ и щукъ. Этотъ ловъ вольный. Въ вискахъ, кромѣ лова заборами, ловятъ обыкновенно еще ниже ихъ неводами. Такъ, въ Великой вискѣ хозяева тянутъ каждый день по очереди и добытую рыбу ежедневно дѣлятъ по числу душъ. Тянувшій имѣетъ лишь то преимущество, что можетъ на выборъ взять себѣ до раздѣла 20 фунтовъ лучшей рыбы.

Въ Усть-Цылемской волости устройство и правила лова гораздо проще. Желающіе ловить вмѣстѣ на одной тонѣ составляютъ артель и выбираютъ мѣсто для своего лова; при образованіи артели всякій можетъ къ ней пристать, и

вообще это раздѣленіе на артели дѣлается полюбовно безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Осенью ловятъ однѣ артели неводами, другія поплавнями; эти надѣются преимущественно на ловъ семги, первыя же на ловъ бѣлой рыбы: сиговъ и омулей. Надо замѣтить, что для этихъ послѣднихъ въ Усть-Цылемскихъ дачахъ не держатъ особливыхъ, болѣе частыхъ, поплавней. Часто случается, что неводная и поплавная артели ловятъ въ одной и той же мѣстности. Какъ та, такъ и другая раздѣляются всегда на двѣ половины, каждая изъ которыхъ ловитъ подепно, между тѣмъ какъ другая просушиваетъ свои спасти. Уловъ дѣлится между членами артели свѣжею рыбою — вѣсомъ, сообразно количеству доставленныхъ каждымъ спастей. Потомъ каждый солитъ уже про себя, доставшуюся на его долю рыбу. Неводъ или поплавень или принадлежитъ весь одному семейству, если оно многочисленно, или бываетъ составной т. е., принадлежитъ нѣсколькимъ одинокимъ или малодушнымъ хозяевамъ, соединившимся вмѣстѣ. На неводъ нужно бываетъ отъ 5 до 6 работниковъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ, и его закидываютъ отъ 8 до 10 разъ въ сутки, потому что онъ не длиненъ—рѣдко въ 200 сажень, узокъ и, слѣдовательно, скоро тянется. Поплавни здѣшніе обыкновенно меньше пустозерскихъ, и для дѣйствія ими нужно три человѣка, изъ коихъ одинъ гребетъ, а двое выметываютъ; двое же и вытягиваютъ поплавень изъ воды въ лодку. Усть-Цылемскихъ неводовъ и поплавней всего около трехъ сотъ. Такъ какъ отправившіеся на ловъ проводятъ на немъ вдали отъ своихъ домовъ мѣсяца два, а часто и цѣлое лѣто, если между весеннимъ и осеннимъ ловами не бываетъ перерыва, то они на каждой тонѣ устроиваютъ по нѣскольку сплетенныхъ изъ прутьевъ сараевъ, которые покрываютъ толстымъ слоемъ свѣжей травы, и въ нихъ часто живутъ со всѣмъ семействомъ. Эти зеленые шалаши чрезвычайно красивы на видъ. Пустозеры рѣдко дѣлаютъ себѣ такія временныя жилища, потому что большею частью ловятъ вблизи своихъ деревень. У тѣхъ и у другихъ строго соблю-

дается прекрасное правило не ловить по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ эти дни каждая артель закидываетъ неводъ или поплавень только для того, чтобы добыть рыбы на варю. Если же случится, что при этомъ много попадетъ рыбы, то, или посоливъ ее на общій счетъ, или свѣжею посылаютъ въ свои деревни для раздачи бѣднымъ, преимущественно одинокимъ старухамъ, которыя не имѣютъ возможности принимать какого либо участія въ ловѣ. Нельзя довольно похвалить этого обычая, потому что кромѣ своего нравственнаго достоинства, онъ весьма полезенъ и въ томъ отношеніи, что праздники становятся и для рыбы праздниками, въ которые она можетъ безпрепятственно подниматься все выше и выше по рѣкѣ. При весеннемъ и зимнемъ ловахъ въ рѣкѣ и при озерномъ ловѣ руководствуются въ Усть-Цыльмѣ тѣми же правилами, какъ и въ Пустозерскѣ.

C) Приготовленіе и сбытъ рыбы.

На Печорѣ вся рыба продается или мороженою, или соленою. Я имѣлъ уже случай упоминать о дурномъ приготовленіи этой послѣдней. Попавшая въ поплавень семга кладется между *телдасомъ*, т. е. настилкою, составляющею полъ лодки, и ея дномъ, чтобъ эта бойкая рыба не могла биться. Приставъ къ берегу, ее обмываютъ, разрѣзаютъ, и вынимаютъ у ней внутренности; но вмѣсто того, чтобы наполнять внутреннюю полость солью, какъ это дѣлается на Бѣломъ морѣ, рыбу только пересыпаютъ солью внутри и снаружи, даже невтирая въ клескъ, и кладутъ въ широкія бочки, вышина которыхъ почти равняется ихъ діаметру. Бочекъ этихъ употребляется два сорта, носящихъ названіе ижемокъ и мезенокъ, по мѣстамъ, гдѣ онѣ дѣлаются и откуда доставляются на Печору. Ижемка имѣетъ въ вышину 1 ар. $1^1/_2$ верш., въ діаметрѣ 1 ар. $1^3/_4$ верш., и вмѣщаетъ въ себя отъ 16 до 20 пудовъ рыбы, а мезенка вышиною $14^1/_2$ верш., въ діаметрѣ $13^1/_2$, и въ нее помѣщается отъ

10 до 12 пудовъ. Для укладки семги употребляютъ ижемки, и на цѣлую бочку приходится не болѣе какъ отъ 1-го до 2-хъ пудовъ соли. Ежели уловъ хорошъ, то рыбу дѣлятъ свѣжею; въ Усть-Цылемѣ даже и всегда такъ поступаютъ, но пустозеры при дурныхъ уловахъ солятъ вмѣстѣ, а потомъ уже дѣлятъ или соленую рыбу, или вырученныя за нее деньги. Въ обоихъ случаяхъ бочки наполняются медленно, и, пока не наполнятся, конечно не забиваются, а только покрываются рогожами. Между тѣмъ печерская семга изъ всѣхъ сортовъ ея самая крупная и самая жирная, и, поэтому, требуя много соли для своей просолки, скоро портится. Совсѣмъ тѣмъ печорскіе рыбаки поступаютъ такъ съ своею дорогою и лучшею рыбою вовсе не по невѣжеству или по небрежности, а потому, что этого требуютъ ихъ выгоды. Какъ только вскроется ледъ, являются по Печорѣ каюки (родъ барокъ), принадлежащіе чердынскимъ купцамъ. Они привозятъ хлѣбъ и вообще все нужное для печорскихъ жителей, и въ обмѣнъ на это берутъ рыбу. Одни, нагрузившись рыбою весенняго улова, возвращаются назадъ, другіе же остаются на осень. Эти послѣдніе и составляютъ единственныхъ покупщиковъ печерской семги, которая потомъ развозится ими въ Казань, Пермь, Ирбитъ, Тобольскъ,—однимъ словомъ по приуральскому краю. Только небольшое количество семги, пойманное послѣ отъѣзда чердынцевъ, везутъ сухимъ путемъ на оленяхъ въ Пинегу, на Никольскую ярмарку, откуда она идетъ частію и въ Петербургъ. Чердынцы, имѣющіе какъ монополію покупки семги по Печорѣ, такъ и монополію сбыта ея въ восточныхъ губерніяхъ Россіи, куда доставить ее больше не-откуда, вовсе неприхотливы на качество этого товара. Какъ только установится цѣна, зависящая отъ степени изобія улова, они одинаково платятъ какъ за хорошую, такъ и за худую рыбу. Въ нынѣшнемъ году на Мелкой тонѣ (въ Болванской губѣ) одну бочку, какъ здѣсь выражаются, совершенно сквасили, т. е. сгноили, по признанію самихъ промышленниковъ, что уже очень много значитъ, и между тѣмъ эту бочку продали

совершенно тою же цѣною, какъ и всю прочую семгу. А цѣна въ нынѣшнемъ году была очень высокая; начавшись съ 19 руб. ассиг. пудъ, она возрасла подъ конецъ, когда уже исчезла всякая надежда на увеличеніе лова, до 6 руб. 50 к. сер. За чѣмъ же послѣ этого стараться хорошо солить? Но этого еще мало. Покупая семгу, чердынцы вѣсятъ ее не вмѣстѣ съ бочкою, а одну сухую рыбу, вынувъ ее изъ разсола. Слѣдовательно: 1) чѣмъ кто больше положитъ соли, тѣмъ больше сдѣлаетъ совершенно безполезнаго для себя расхода; 2) такъ какъ соль вытягиваетъ изъ рыбы водянистыя частицы и, соединясь съ ними, образуетъ разсолъ и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ больше ея положено,— то этимъ сольщикъ уменьшитъ только вѣсъ своего товара.

Многіе утверждаютъ еще, что печорская семга столь нѣжна, что если ее очень круто посолить, то она слишкомъ много потеряетъ влажности и сдѣлается сухою. Не знаю на сколько это справедливо, но мнѣ кажется, что это едва ли вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, чтобы навѣрное сохранить этой рыбѣ ея превосходныя качества, нужно бы прибѣгнуть къ копченію ея. Мы сейчасъ увидимъ, что введеніе этого послѣдняго способа приготовленія рыбы было бы полезно не для одной семги и было бы самымъ лучшимъ средствомъ къ возвышенію цѣнности здѣшней рыбы. Такъ рижская копченая семга пользуется весьма хорошею репутаціею за границею и идетъ преимущественно въ Гамбургъ, но, къ сожалѣнію, количество этой рыбы въ западной Двинѣ невелико. Но на Печорѣ, какъ и на Бѣломъ морѣ, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, этого улучшенія нельзя ожидать отъ самихъ крестьянъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы правительство взяло на себя устроить у нихъ образцовыя коптильни и научить ихъ искусному копченію.

Самою дорогою рыбою, послѣ семги, считается здѣсь омуль. Даже и тѣхъ омулей, которые ловятся во время морозовъ, не доставляютъ съ Печоры морожеными, потому что при первой оттепели они портятся и совершенно теряютъ свое достоинство. Солятъ ихъ болѣе въ мезенкахъ и на пудъ рыбы

кладутъ $1\frac{1}{2}$ фунта соли. При этомъ бросаютъ щепотку внутрь каждой рыбы, и каждый рядъ ея пересыпаютъ солью. Въ бочкахъ лежатъ они рядами плашмя, такъ что спина правой вкладывается въ разрѣзанное брюхо лѣвой. Такимъ же манеромъ укладываютъ и всю прочую рыбу. Но при соленіи омуль также теряетъ всѣ свои качества и получаетъ отвратительный запахъ особаго рода. Чтобъ употреблять его въ пищу въ этомъ видѣ, надо имѣть привычку архангельскихъ жителей, пріобрѣтенную съ малолѣтства на трескѣ и палтусинѣ. Между тѣмъ свѣжій омуль очень вкусная, нѣжная и жирная рыба, далеко превосходящая невскаго сига, къ которому она ближе всего подходитъ вкусомъ. Такъ какъ притомъ и количество ея (въ Печорѣ по крайней мѣрѣ) не очень велико, то она могла бы составить настоящій предметъ роскоши, еслибы ее стали коптить на манеръ петербургскихъ сиговъ, пріобрѣтшихъ себѣ такую славу, ибо, судя по аналогіи съ сими послѣдними, это единственный способъ придать омулямъ всю ту цѣну, на которую они могутъ имѣть притязаніе по своимъ природнымъ качествамъ. Я думаю, что компанія съ капиталомъ не болѣе какъ въ 50.000 руб. сер., (или даже частный человѣкъ), которая употребила бы эту сумму на заведеніе хорошихъ коптилень въ одной изъ пустозерскихъ деревень, ближайшихъ къ устью Печоры, и на наемъ искусныхъ коптильщиковъ, могла бы получить значительныя для себя выгоды и въ тоже время оказала бы большое благодѣяніе краю, освободивъ его, хотя отчасти, отъ монополіи чердынцевъ. Въ выгодѣ этого предпріятія можетъ убѣдить слѣдующій разсчетъ. Пудъ свѣжихъ омулей стоилъ на Печорѣ, даже въ нынѣшній неуловный годъ, около $1\frac{1}{2}$ руб. сер. Если предположить, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, что черезъ соленіе и копченіе омули потеряютъ половину своего вѣса, то на пудъ копченыхъ омулей надо будетъ употребить два пуда свѣжихъ; издержки на копченіе нельзя положить выше 1 руб. съ пуда; привозъ пуда до Петербурга обходится не дороже $1\frac{1}{2}$ рубля, но положимъ, для большей вѣрности, даже 2 рубля. Слѣдовательно пудъ копченыхъ

омулей обойдется, съ доставкою въ Петербургъ, не дороже 6 руб. сер. Если продавать ихъ по 25 к. сер. фунтъ, т. е. дешевле невскихъ сиговъ, то съ пуда очистится прибыли 4 рубля. Въ самый неуловный годъ, какъ, напримѣръ, нынѣшній, все же можно накоптить ихъ не менѣе 1000 пудовъ, и едва ли можно сомнѣваться въ сбытѣ 40.000 (*) копченыхъ омулей. Но дѣйствія компаніи не должны бы ограничиться одними омулями. Кромѣ ихъ можно бы коптить еще семгу, нельму и зельдей. О семгѣ я уже говорилъ. Нельма если и не совершенно тождественна, то во всякомъ случаѣ очень близка къ волжской бѣлорыбицѣ, а извѣстно, какъ высоко цѣнится провѣсная бѣлорыбица, т. е. приготовленная на маперъ балыковъ. Этотъ способъ приготовленія нельмы, по свойствамъ печорскаго климата, вѣроятно не можетъ удаться, но рыба эта едва ли что потеряетъ отъ замѣна провѣшиванія копченіемъ, которое, если мало употребительно на Волгѣ, то потому лишь, что провѣсной бѣлорыбицы очень много требуется какъ приправы къ ботвиньѣ. Копченая зельдь могла бы соперничать съ копченою ряпушкою. Наконецъ, компанія могла бы испытать, нѣтъ ли средствъ солить печорскую семгу такъ, чтобъ и въ этомъ видѣ она сохранила то преимущество надъ прочими сортами, которое имѣетъ въ свѣжемъ видѣ; въ этомъ случаѣ она могла бы продаваться дороже двины и порога. Я не думаю, чтобы нынѣшняя Бѣломорская компанія могла заняться этими улучшенными способами приготовленія печорской рыбы, съ выгодою для себя и съ пользою для края, потому что кругъ ея дѣйствій и безъ того уже слишкомъ обширенъ. Необходимое условіе для выгоднаго сбыта продуктовъ, компаніею или частнымъ лицомъ, есть, по моему мнѣнію, учрежденіе для продажи ихъ собственнаго депо, покрайней мѣрѣ на первое время, пока не привыкнетъ къ нимъ публика.

(*) Выше уже было замѣчено, что на пудъ приходится 20 омулей. Это должно разумѣть о вычищенныхъ и посоленныхъ уже, свѣжіе же вѣсятъ обыкновенно до 3 фун. штука.

Весеннюю рыбу также солятъ, какъ и омулей, только употребляютъ болѣе соли, именно па мезенку около $1\frac{1}{2}$ пуда, а на ижемку 2 пуда. Весенняя рыба изъ большихъ породъ сиговаго рода, преимущественно собственно сиги, раздѣляется по величинѣ на два разряда: *отборъ* и *уловъ*. Отборомъ называется она тогда, когда въ ижемку укладывается посреди бочки не болѣе какъ въ три ряда, *уловомъ* же, если она мельче этого и укладывается въ 4 и болѣе рядовъ. Неразбирая породъ рыбы, отборъ продавался весною нынѣшняго года по 1 руб. сер. пудъ, а уловъ по 3 руб. ассиг. Щука, какая бы ни была, идетъ цѣною за уловъ, налимъ же дешевле его. Нельма цѣнится всегда дороже отбора и нынѣшнею весною продавалась по 5 руб. ассиг. пудъ.

Если бы мы захотѣли опредѣлить количество и цѣнность печорскаго улова, то должны прибѣгнуть къ приблизительнымъ показаніямъ опытныхъ рыбаковъ, которымъ всегда извѣстно, по скольку кругомъ пришлось рыбы на пай. Вотъ результатъ собранныхъ мною такимъ образомъ свѣдѣній о количествѣ улова въ нынѣшнемъ 1859 году въ пустозерскихъ дачахъ. Семги поймано менѣе 1000 пудовъ, потому что не пришлось и по 2 пуда на пай; омулей можно положить тысячи двѣ пудовъ съ небольшимъ; весенній уловъ былъ гораздо изобильнѣе, и должно быть около 20.000 пудовъ, потому что имъ нагрузилось 15 каюковъ, приблизительно по 1.500 пудовъ на каюкъ. Зимній уловъ можно положить—сказывали мнѣ свѣдующіе рыбаки—въ 5.000 пудовъ. Усть-Цылемскій ловъ всегда полагается въ половину противъ пустозерскаго. Переведя все это на деньги, будемъ имѣть: за семгу 6.000 руб. сер., за омулей 3.000 руб., за весеннюю рыбу,—считая пудъ ея кругомъ по 90 коп. сер., потому что улова гораздо больше, нежели отбора, и щуки больше, чѣмъ нельмы,—18.000 руб. сер; за зимнюю рыбу, также кругомъ по 1 руб. сер. пудъ, 5.000 р. сер. Итого 32.000 руб. сер. Считая на Усть-Цыльму вполовину противъ этого, придется 16.000 р., итого 48.000 руб. сер.,—такъ что 50.000 руб. сер. можно считать наибольшею суммою,

въ которую только можно оцѣнить доходъ отъ рыболовства,
полученный въ нынѣшнемъ году (*) жителями Пустозерской
и Усть-Цылемской волостей. Это составитъ кругомъ 17 р. с.
на душу; принявъ же во вниманіе населенность и изобиліе
улововъ въ каждой изъ этихъ волостей, придется на каж-
даго пустозера по 34 руб. сер., а на каждаго Усть-Цыле-
ма по 8 руб. 50 коп. сер. Въ двое больше этого средняго
дохода (17-ти руб. сер.) отъ рыболовства—уловъ, выведен-
ный мною для Урала съ той еще разницею, что тамъ его
хватаетъ на населеніе въ 12 раза бо̀льшее. Ежели мы при-
мемъ еще во вниманіе, во сколько разъ ничтожный Уралъ
меньше громадной Печоры, то тогда только получимъ полное
понятіе о томъ, на сколько наша крайняя юговосточная
европейская рѣка—Уралъ — превосходитъ ..биліемъ рыбы
нашу крайнюю сѣверовосточную рѣку—Печору. Если бы,
вмѣсто цѣнности улововъ, мы взяли количество ихъ, то при-
шли бы почти къ тому же результату. Немного измѣнился
бы онъ, если бы вмѣсто нынѣшняго, неуловистаго для Печо-
ры года взяли болѣе уловистые года прошедшаго времени, по-
тому что и на Уралѣ—лѣтъ двадцать, тридцать тому на-
задъ—уловы были гораздо изобильнѣе, чѣмъ въ тѣ годы, за
которые выведенъ мною средній доходъ, доставляемый этою
рѣкою, но въ обоихъ случаяхъ болѣе высокая цѣна возна-
граждаетъ недостатокъ въ количествѣ рыбы. Въ самомъ дѣ-
лѣ, весенній и зимній уловы нынѣшняго года на Печорѣ,

(*) Количество семги собственно нужно бы было принять для Пустозер-
ска въ 800 пудовъ, а для Усть-Цыльмы въ половину противъ этого въ 400 пу-
довъ, всего 1.200 пудовъ—цѣною на 7.200 руб, сер, а не на 9.000 руб., какъ
принято у меня, но на одной тони у самой деревни Усть-Цыльмы семожій
ловъ былъ очень изобиленъ, такъ что отъ этого въ нынѣшнемъ году весь
усть-цылемскій уловъ мало чѣмъ уступалъ пустозерскому, и я принимаю
его въ 700 пудовъ. Поэтому цѣнность осенняго пустозерскаго улова соста-
вила бы не 9.000, а только 7.800 руб. сер., а усть-цылемскаго не 4.500, а
5.700 рублей серебромъ. Но въ расчетахъ, имѣющихъ столь мало притяза-
ній на точность, какъ представляемый мною, это можно оставить безъ вни-
манія; притомъ же общая цѣнность улововъ отъ этого перестановленія не
измѣняется.

по словамъ самихъ рыбаковъ, могутъ быть приняты за нормальные. Постараемся же опредѣлить наибольшій уловъ въ ней семги. Одинъ весьма знающій дѣло, разсудительный и грамотный печорскій промышленникъ изъ деревни Никитцы, Андрей Хайминъ, говорилъ мнѣ, что лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, слѣдовательно, около 1847 года, былъ самый обильный ловъ на памяти нынѣшняго поколѣнія, и что тогда досталось кругомъ на пай по 50 пудовъ семги (были и такіе, на которые приходилось и по 100 пудовъ,—но были также такіе, уловъ которыхъ былъ очень незначителенъ). По этому разсчету пришлось бы оцѣнить весь уловъ семги въ этомъ году въ 20.000 пудовъ. Но надо вспомнить, что съ того времени было двѣ ревизіи и что при каждой ревизіи число паевъ увеличивается, такъ что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ было значительно менѣе 400 паевъ. Поэтому я принимаю за вѣроятнѣйшее—показаніе другаго рыбака, опредѣлившаго мнѣ наибольшій уловъ семги въ Пустозерскѣ, бывшій на памяти теперяшняго поколѣнія, въ 15 или 16.000 пудовъ. Мнѣ не могли въ точности опредѣлить цѣну семги въ этомъ году. Было время, когда эта цѣна не превышала 1 руб. 50 коп. асс. за пудъ, но это было, должно быть, еще ранѣе. Но если мы примемъ и 1 руб. сер., то цѣнность общаго улова увеличится не болѣе какъ на 10.000 р. с.

Говоря о мезенскомъ уловѣ семги, я сказалъ, что на Печорѣ замѣчается не постоянное уменьшеніе этой рыбы, а періодическое измѣненіе въ ея количествѣ. Кромѣ того, что наибольшій уловъ ея печорскіе рыбаки относятъ не къ давнопрошедшему времени ихъ молодости, а только за лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Хайминъ и многіе другіе сказывали мнѣ, что, несмотря на ничтожный уловъ нынѣшняго года, они запомнятъ, что лѣтъ сорокъ слишкомъ тому назадъ былъ еще несравненно худшій, оставшійся во всеобщей памяти. Именно, тогда пришлось кругомъ не болѣе какъ по 30 фунтовъ на пай, которыхъ притомъ было гораздо меньше, вѣроятно въ половину противъ теперяшняго числа ихъ, такъ что весь уловъ нельзя положить свыше 200 пудовъ. Послѣ

этого года, говорятъ, стала рыба опять прибывать и довольно быстро, такъ что вскорѣ послѣдовалъ годъ, подобный бывшему двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Здѣсь сообщу еще одно замѣчаніе мѣстныхъ жителей. Они говорятъ, что хорошіе уловы слѣдуютъ за теплыми годами, а дурные за холодными. Такъ прошлогодній уловъ былъ также дурной, хотя и лучше нынѣшняго—и дѣйствительно, два предшествовавшіе года были, говорятъ они, холодные, что кажется справедливо, ибо время вскрытія Печоры пало въ 1857 году на 3 іюня (самое позднее изъ всѣхъ имѣющихся у меня за 21 годъ показаній), а въ 1856 году на 30 мая,—слѣдовательно также 6 днями позже средняго ея вскрытія. Кромѣ этого въ Екатеринбургѣ, ближайшемъ мѣстѣ, изъ котораго я имѣю теперь возможность сравнить температуру 1857 года съ среднею, выведенною за нѣсколько лѣтъ (на основаніи календаря за 1859 годъ и «О климатѣ Россіи» г. Веселовскаго), средняя температура 1857 года была —5,16, тогда какъ общая средняя за 18 лѣтъ съ 1836 по 1853 г. составляетъ 0,43. Такъ какъ 1858 годъ, въ который Печора вскрылась 16 мая, былъ теплый, то и ожидали, что 1859 годъ будетъ уловистъ. Но дѣйствительность не оправдала надеждъ—и это объясняли тѣмъ, что для изобильнаго появленія рыбы недостаточно одного предшествовавшаго теплаго года. Но 1859 годъ былъ еще теплѣе 1858 года. Печора вскрылась 12 мая—да кромѣ того хлѣбъ вездѣ вызрѣлъ, даже у Чупрова, (о которомъ я упоминалъ въ началѣ этого отчета), нѣсколькими минутами только южнѣе полярнаго круга. Если замѣчаніе припечорскихъ жителей имѣетъ какое нибудь основаніе, то слѣдующій 1860 годъ непремѣнно долженъ быть очень богатъ рыбою — и очень любопытно будетъ имѣть объ этомъ свѣдѣнія. Я занялся разсмотрѣніемъ этого народнаго повѣрья потому, что по теоретическимъ соображеніямъ теплый годъ можетъ оказывать выгодное вліяніе, какъ на развитіе молодыхъ рыбъ, такъ и на быстрѣйшее и обильнѣйшее развитіе мел-

кихъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, слѣдовательно, и на увеличеніе запаса питательныхъ веществъ.

Какъ ни приблизительны сообщаемыя мною здѣсь свѣдѣнія о количествѣ печорскихъ улововъ, но они имѣютъ однако ту степень точности, какой только возможно достигнуть при существующемъ здѣсь устройствѣ лова, несосредоточенномъ въ рукахъ одного или немногихъ промышленниковъ, какъ въ Астрахани или на Курѣ, и неподлежащемъ контролю при вывозѣ рыбы, какъ на Уралѣ. При этомъ надо еще замѣтить, что показанія рыбаковъ, на которыхъ основаны мои исчисленія, нельзя считать преднамѣренно уменьшенными, потому что здѣшніе крестьяне, подобно бѣломорскимъ, очень откровенны во всемъ, что касается ихъ промышленности, какъ свидѣтельствуютъ всѣ посѣщавшіе здѣшній край,—и еслибы въ основаніе моихъ показаній я принялъ глазомѣрную таксацію улововъ, то числа вышли бы менѣе приведенныхъ мною со словъ здѣшнихъ опытныхъ промышленниковъ. Посему эти числа должно скорѣе считать за крайніе наибольшіе, нежели за крайніе наименьшіе предѣлы печорскихъ улововъ. И вотъ еще подтвержденіе, какъ приблизительной вѣрности моего исчисленія, такъ и того въ началѣ отчета сдѣланнаго мною общаго вывода, что наши сѣверныя рѣки не могутъ быть очень изобильны рыбою. Г. Абрамовъ въ своемъ описаніи Березовскаго края, помѣщенномъ въ «Запискахъ Географическаго Общества», приводитъ количество рыбы, ловимой въ нижней Оби на пространствѣ 2000 верстъ, протекаемыхъ ею по Березовскому уѣзду, за 1804 и за 1850 годы. Въ первомъ изъ этихъ годовъ было добыто до 160.000 пудовъ рыбы, во второмъ же около 140.000. Слѣдовательно среднимъ числомъ дабывается въ Оби до 150.000 пудовъ рыбы,—количество, совершенно ничтожное для такой огромной рѣки, какъ Обь, если принять за масштабъ каспійскіе уловы, ибо въ одномъ Уралѣ ловится рыбы въ 8 разъ больше. Послѣ этого становится весьма вѣроятнымъ, что въ Печорѣ, находящейся въ весьма близкихъ къ Оби мѣстныхъ и климатическихъ условіяхъ, но гораздо меньшей ея, (система

рѣки Печоры обнимаетъ около 6000, а система Оби около 50.000 квад. миль) уловъ не болѣе $^1/_3$ обскаго, какъ мною и было выведено. Поэтому эти данныя могутъ имѣть по крайней мѣрѣ ту пользу, что должны послужить къ подорванію кредита тѣхъ неимовѣрныхъ преувеличеній, которыя разсѣяны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и даже въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и которыя, имѣя въ глазахъ какъ правительства, такъ и публики авторитетъ мѣстныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ людьми близко знакомыми съ краемъ, могутъ повести не только къ ложнымъ понятіямъ о мнимомъ богатствѣ страны, но и къ промышленнымъ предпріятіямъ, основаннымъ на чисто фантастической почвѣ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведу статью «*Сѣверный рыбный промыселъ, ожидающій разработки компаніями*», помѣщенную въ «Журналѣ для Акціонеровъ» и перепечатанную въ 25 № «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1857 годъ. Между прочимъ въ ней сказано: «Ловъ семги составляетъ главную вѣтвь печорской рыболовной промышленности, онъ производится тремя печерскими волостями», (кромѣ Пустозерской и Усть-Цылемской здѣсь разумѣется еще и Ижемская въ 6.000 душъ населенія, о ловѣ которой я не упоминалъ, такъ какъ онъ совершенно ничтоженъ), «но эти малолюдныя волости не въ силахъ вылавливать семги на всѣхъ печорскихъ и приморскихъ плесахъ, раскинутыхъ не по одной тысячѣ верстъ. Поэтому во многихъ урочищахъ семга остается безъ улова. Однако ежегодно съ Печоры, за домашнимъ обиходомъ, вывозится болѣе 20.000 пудовъ этой рыбы». И далѣе: «по по натуральному качеству роскошная печорская семга, маринованная, копченая или посоленная и упакованная съ голландскимъ искуствомъ, найдетъ вѣрный сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Тамъ она можетъ продаваться по 30 руб. асс. за пудъ, а какъ настоящій уловъ семги, съ притокомъ сюда капиталовъ, легко усилится въ четверо, то Большая земля, независимо отъ внутренняго потребленія, будетъ отправлять за границу одной семги на 1.800.000 руб.» Во всемъ этомъ справедливо

только то, что свѣжая печорская семга дѣйствительно превосходна и что легко сбывать ее, даже въ теперешнемъ ея видѣ, не только на заграничныхъ, но и на внутреннихъ рынкахъ по 30 руб. асс., ибо въ нынѣшнемъ году она и на мѣстѣ продавалась по 22 руб. 75 коп. асс. Все же остальное—продукты: или горячей фантазіи, или мѣстнаго патріотизма, или расчета, какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующаго: 1) въ Большой землѣ, т. е. въ запечорскомъ краѣ семга ловится лишь въ Болванской губѣ и въ Загубьѣ—далѣе же ея вовсе нѣтъ; 2) раздѣленныя на 400 паевъ орудія лова Пустозерской волости и 300 Усть-Цылемскихъ поплавней и неводовъ вылавливаютъ семгу въ той мѣрѣ, что о ловѣ ея выше Усть-Цыльмы и говорить не стоитъ; 3) въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ можетъ быть было всего два, три года, въ которые уловы семги достигали 15 и 16.000 пудовъ и вѣроятно ни разу не доходили они до 20.000;—80.000 же пудовъ семги едва ли когда налавливалось, и едва ли можетъ когда поймaться не только въ печорскомъ краѣ, но и во всѣхъ моряхъ и рѣкахъ Россійской Имперіи съ причисленіемъ къ семгѣ балтійскихъ, терекскихъ и куринскихъ лососей. Но и эти преувеличенія еще ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что говорится далѣе объ омуляхъ и нельмѣ. Первыхъ предполагаютъ возможнымъ добывать, при усиленномъ ловѣ, по 200.000 пудовъ въ годъ, нагружать ими по 10 кораблей и продавать на 2.000.000 руб. асс., вторыхъ же нагружать по нѣскольку кораблей безъ означенія числа. Въ нынѣшнемъ же году какъ мы видѣли, омулей было поймано три, много четыре тысячи пудовъ. Нельмы же ловятъ всегда меньше, чѣмъ омулей.

Выше я имѣлъ случай показать, что и при тѣхъ средствахъ, которыми, безъ всякихъ преувеличеній, дѣйствительно обладаетъ печорскій край, онъ можетъ представить выгодное поле дѣйствій для промышленной компаніи съ умѣрен-

нымъ капиталомъ, — выгодное какъ для нея, такъ и для мѣстныхъ жителей. Теперь я хочу обратить вниманіе на одну отрасль рыбной промышленности, которая можетъ доставить немаловажную выгоду нашему пустынному сѣверу, хотя и той части его, которая выходитъ уже изъ границъ, на которыя должны распространяться изслѣдованія экспедиціи. Перечисляя живущихъ въ Печорѣ рыбъ, я упоминалъ о зашедшемъ туда изъ Оби осетрѣ. Если бы сама природа озаботилась пересадкою этой рыбы изъ Оби въ Печору, то это было бы безъ сомнѣнія однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для края, но думать объ искуственной пересадкѣ въ нее этой рыбы невозможно. Легче могла бы удасться пересадка каспійскаго осетра, изъ камской системы, по одному изъ волоковъ, существующихъ между нею и Печорою, но такъ какъ рыба эта, сама собою перешедшая въ Двину, въ ней однако не развелась, то остается весьма сомнительнымъ, чтобъ эта, болѣе южная порода осетроваго рода могла акклиматизироваться въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ и въ нашемъ сѣверномъ морѣ. Но за то развитіе осетроваго лова въ самой Оби и введеніе туда искуснаго приготовленія драгоцѣнныхъ продуктовъ этой рыбы: икры и клея, могли бы оказать благодѣтельное вліяніе на прибрежье этой рѣки, и именно самой пустынной сѣверной ея части. Оттуда и теперь привозятъ ижемцы осетровъ на пинежскую ярмарку и они даже попадаютъ въ Петербургъ, но ни икры, ни клея тамъ выдѣлывать не умѣютъ. У г. Абрамова въ описаніи Березовскаго края значится, что въ Оби ловится до 7.000 пудовъ осетра, по тамошнимъ цѣнамъ на 9.100 р. сер., что можно назвать довольно хорошею цѣною; икры же выдѣлываютъ только 250 пудовъ на 1.000 руб. сер., и 30 пудовъ клея на 180 руб. сер. Изъ этого видно: 1) Что икры приготовляется слишкомъ мало, ибо обыкновенная пропорція ея къ вѣсу рыбы составляетъ 1 : 10. Происходитъ ли это отъ того, что главное время лова не хорошо выбрано, или отъ того, что у мороженой рыбы она не вынимается, — во всякомъ случаѣ это большая потеря. 2) Что цѣна ея

слишкомъ дешева, ибо даже ниже персидской икры, продающейся по 7 руб. пудъ; тогда какъ на Оби, по ея сѣверному положенію, можно приготовлять икру самаго лучшаго сорта и значительною частью болѣе дорогую — зернистую, сбывая ее въ Петербургѣ кругомъ по крайней мѣрѣ по 20 руб. сер. пудъ; (въ Астрахани икра зимняго и осенняго улововъ продавалась до 24 руб. сер. за пудъ). 3) Что клей продается по 6 руб. сер. пудъ, т. е. дешевле сомовьяго, (что конечно зависитъ отъ дурнаго его приготовленія), тогда какъ цѣна продажи хорошо приготовленнаго могла бы безъ сомнѣнія увеличиться въ 20 разъ. Такимъ образомъ съ икры и клея вмѣсто 1.180 руб. сер. можно бы получить 17.600 руб. сер. (700 пудовъ икры по 20 руб. сер. 14.000, и 30 пудовъ клея по 120 руб. 3.600 руб. сер.).

Я заговорилъ объ этомъ потому, что представляется весьма легкій способъ ввести въ отдаленномъ березовскомъ краѣ улучшенное приготовленіе икры и клея, если только Правительство захочетъ оказать этому дѣлу небольшое пособіе. Именно, нѣкто Степанъ Аввакумычъ Щепихинъ, государственный крестьянинъ Мезенскаго уѣзда, бывшій до истеченія 1859 года головою Лампожской волости, съ которымъ я познакомился во время поѣздки моей на Печору и который сообщилъ мнѣ много самыхъ основательныхъ свѣдѣній по предмету моихъ изслѣдованій, въ разговорѣ со мною изъявилъ мнѣ свое намѣреніе отправиться на Обь, какъ только освободится отъ службы головою, для вывоза оттуда осетровъ, икры и клея. Онъ уже прежде имѣлъ сношенія съ этимъ краемъ и хорошо зналъ, какъ небрежно приготовляются тамъ эти продукты. Такъ какъ онъ незнакомъ съ искуснымъ приготовленіемъ клея и икры, то, хотя безъ сомнѣнія и получилъ бы для себя нѣкоторыя выгоды отъ исполненія этого намѣренія, потому что, какъ бы икра и клей ни были приготовлены, все же можно продать въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Петербургѣ икру дороже 4 руб. за пудъ, а клей 6 руб. за фунтъ, но пользы краю отъ этого не было бы никакой. Поэтому я совѣтовалъ ему отправиться

предварительно въ Астрахань и на Уралъ для ознакомленія съ способами улучшеннаго приготовленія икры и клея, что хотя и не трудно, однако все же требуетъ нагляднаго изученія. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что не имѣетъ средствъ употребить нѣсколько сотъ рублей и почти цѣлый годъ времени на поѣздки и прожитье въ томъ краю. Тогда я предложилъ ему ходатайствовать передъ Департаментомъ, о доставленіи ему этихъ средствъ, будучи убѣжденъ, что это самое вѣрное и легкое средство пересадить съ Каспійскаго моря на Обь искуство выдѣлки икры и клея. Если бы поэтому Департаментъ согласился дать Щепихину около 400 р. сер. и снабдить его казенною подорожною для поѣздки въ Астрахань и на Уралъ, то оказалъ бы этимъ большое пособіе развитію рыбной промышленности въ березовскомъ краѣ. Я полагаю, что необходимо ему посѣтить обѣ эти мѣстности, потому что на волжскихъ ватагахъ онъ можетъ изучить лучшій способъ приготовленія икры и клея, на Уралѣ же—ознакомиться съ ловомъ осетровъ и приготовленіемъ этихъ продуктовъ при тѣхъ условіяхъ, которыя гораздо ближе подходятъ, нежели волжскія, къ тѣмъ, въ которыхъ это дѣло можетъ производиться на Оби. Въ началѣ, конечно, воспользовался бы выгодами отъ этого преимущественно Щепихинъ, но въ скоромъ времени искуство приготовленія икры и клея, черезъ работниковъ его, перешло бы и къ живущимъ тамъ русскимъ рыбопромышленникамъ, а со временемъ перешло бы и на Енисей, гдѣ также есть осетры, и, по словамъ Палласа, самые вкусные изъ всѣхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, слѣдовательно, весь край ощутилъ бы пользу отъ предпріятія Щепихина. Прибавлю къ этому, что Щепихинъ извѣстенъ г. Архангельскому Гражданскому Губернатору съ самой лучшей стороны, какъ дѣятельный, умный и честный человѣкъ.

Заключеніе.

Изъ представляемаго отчета Департаментъ увидитъ, что Экспедиція, на основаніи произведенныхъ ею въ истекшемъ, 1859 году, изслѣдованій на Бѣломъ морѣ и на Печорѣ, убѣдилась отчасти въ необходимости, отчасти въ полезности нѣкоторыхъ измѣненій и нововведеній въ архангельской рыбной промышленности. Сдѣланныя мною въ этомъ смыслѣ предложенія составляютъ практическій результатъ всѣхъ ея трудовъ. Поэтому, для легчайшаго обозрѣнія, я перечислю ихъ въ заключеніе всего отчета со ссылками на тѣ страницы, гдѣ они были въ подробности развиты.

По своему предмету предложенія эти касаются:

A) Правилъ, которыми должно руководствоваться при употребленіи различныхъ рыболовныхъ орудій.

B) Правъ прибрежныхъ селеній на участіе въ рыбной ловлѣ.

C) Улучшеній въ способахъ приготовленія рыбы, и

D) Собиранія яицъ морскихъ птицъ.

A) Относительно орудій лова экспедиція нашла, что многія изъ нихъ употребляются со вредомъ, какъ для размноженія рыбы, такъ и для выгодъ низовыхъ жителей, но съ тѣмъ вмѣстѣ полагаетъ, что узаконеніе предложенныхъ г. академикомъ Бэромъ общихъ для всей Имперіи рыболовныхъ постановленій устранитъ всѣ встрѣчающіяся, какъ на Бѣломъ морѣ, такъ и на Печорѣ, злоупотребленія, и что чувствуется потребность лишь въ спеціальномъ примѣненіи ихъ къ особенностямъ здѣшняго лова. Въ этомъ отношеніи необходимо сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1) Запретить употребленіе сѣтей (исключая и мотней неводовъ) съ ячеями, имѣющими менѣе дюйма отъ узла до узла. (См. стр. 44—45 и 91).

Замѣчаніе. Для лова сороцкихъ и покровскихъ сельдей могутъ быть допущены, въ видѣ исключенія, ячеи въ $^3/_4$ дюйма отъ узла до узла. (См. стр. 45).

2) Заборы на средней и верхней Печорѣ должны быть совершенно запрещены. (См. стр. 112).

3) Заборы по рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море, могутъ устроиваться только тамъ, гдѣ теперь существуютъ, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ оставлять ворота, совершенно свободныя для прохода рыбы въ $^1/_3$ ширины рѣки тамъ, гдѣ есть поселенія выше по рѣкамъ, несоставляющія одной рыболовной общины съ тѣми деревнями, у которыхъ устроенъ заборъ, и въ $^1/_6$ ширины рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выше нѣтъ поселеній. (См. стр. 66).

4) Перегораживаніе високъ, какъ впадающихъ въ Печору, такъ и въ другія рѣки, будетъ ли то заборами, или сѣтьми, должно быть строжайше запрещено; въ особенности же относится это къ Великой вискѣ (См. стр. 112—115).

5) Длина поплавней не должна превышать половины ширины рѣки. (См. стр. 66—70).

6) Поплавни никогда не должны употребляться какъ ставныя сѣти, т. е. не должны прикрѣпляться обоими концами къ берегамъ или ко дну рѣки, а немедленно выниматься изъ воды, если почему либо невозможно плыть съ ними по теченію рѣки. (См. стр. 61—71).

7) Не должно перегораживать рѣкъ пущальницами, и можно постановить правиломъ, чтобы съ каждаго берега выставлять ихъ не болѣе какъ на четверть ширины рѣки. (См. стр. 108—109 и 111—112).

8) Ловъ стерлядей самоловною крючковою снастью въ Двинѣ можетъ быть допущенъ, но съ слѣдующими ограниченіями:

a) Длина крючковъ должна быть не менѣе $1^3/_4$ вершка отъ узелка, которымъ они привязаны къ поводцу, до вершины загиба дуги ихъ.

b) Разстояніе крючковъ другъ отъ друга должно быть не менѣе 12 вершковъ.

c) Болѣе ста сажень крючковой снасти не должно быть выставляемо въ одну линію безъ промежутка, и промежу-

токъ этотъ долженъ быть не менѣе длины самой выставленной въ линію спасти.

d) Разстояніе спасти отъ спасти, выставленныхъ параллельно одна другой, не должно быть менѣе ста сажень. (См. стр. 96—98).

B) Относительно правъ на участіе въ морской рыбной ловлѣ, экспедиція признаетъ полезнымъ:

9) Оффиціально объявить жителямъ деревень Сороки, Шижны, Сухаго Наволока и Выгскаго острова, что корелы, пріѣзжающіе ловить сельдей въ Сороцкой губѣ, имѣютъ на это точно такое же право, какъ и они сами. (См. стр. 41 до 43).

10) Утвердить за жителями прибрежныхъ бѣломорскихъ поселеній 10-ти верстное береговое право съ тѣмъ, чтобъ оно распространялось и на тѣхъ, которые поселены сзади ихъ до границъ Архангельской губерніи. (См. стр. 53—56).

C) Относительно приготовленія рыбы, хотя оно во многихъ мѣстахъ дѣлается очень небрежно, Экспедиція думаетъ что улучшенія его невозможно ожидать отъ самихъ крестьянъ, и посему полагаетъ:

11) Что улучшеніе соленія и копченія бѣломорскихъ сельдей должно быть предоставлено Бѣломорской компаніи. (См. стр. 48—50, 51 и 56).

12) Что для улучшеннаго соленія печорской семги, и для копченія, какъ тамошней семги, такъ омулей, нельмы и зельдей, много могла бы сдѣлать спеціально съ этою цѣлью учрежденная компанія съ выгодою для себя и съ пользою для края; а потому, если правительство имѣетъ средства содѣйствовать къ учрежденію такой компаніи, то предметъ этотъ заслуживаетъ того, чтобъ оно обратило на него свое вниманіе. (См. стр. 124—126).

13) Сверхъ этого я принимаю на себя смѣлость ходатайствовать передъ Департаментомъ, объ оказаніи крестьянину Щипихину денежнаго пособія на поѣздки въ Астрахань и на Уралъ, для изученія тамошняго приготовленія осетроваго

клея и икры, съ тѣмъ, чтобъ онъ занялся этимъ промысломъ на Оби. (См. стр. 133 — 136).

D) Относительно собиранія яицъ морскихъ птицъ.

14) Дозволить собираніе яицъ всѣхъ морскихъ птицъ, кромѣ гавкиныхъ.

15) Запретивъ собираніе послѣднихъ, назначить срокъ для собиранія пуха изъ гнѣздъ.

16) Сдѣлать изъ гавкинаго пуха статью общественнаго дохода.

17) Напечатать и безденежно раздать крестьянамъ наставленія о цѣнности этого пуха и объ обращеніи съ гавками. (См. стр. 98 — 102).

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ ОТЧЕТУ ЭКСПЕДИЦІИ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РЫБНАГО И ЗВѢРИНАГО ПРОМЫСЛОВЪ НА БѢЛОМЪ И ЛЕДОВИТОМЪ МОРЯХЪ, ЗА 1859 ГОДЪ.

I. *Общій обзоръ.*

Общее раздѣленіе предмета изслѣдованій Экспедиціи. (Стр. 3—4). Степень рыбнаго богатства нашихъ сѣверныхъ водъ. (Стр. 4 — 7). Причины сравнительно небольшаго рыбнаго запаса въ нашихъ сѣверныхъ водахъ. (Стр. 7 — 12). Объясненіе малаго количества питательныхъ веществъ, доставляемыхъ на сѣверѣ почвою водамъ. (Стр. 12 — 17). Объясненіе исключеній изъ выведеннаго выше положенія, представляемыхъ: а) необыкновеннымъ изобиліемъ трески у береговъ Норвегіи и Ньюфаундленда (стр. 17—19), и b) богатствомъ животной жизни въ арктическихъ моряхъ (стр. 19 — 20). Вѣроятность медленнаго увеличенія запасы рыбы съ усиленіемъ культуры въ сѣверныхъ краяхъ Европейской Россіи. (Стр. 20 — 21). Организація лова на Бѣломъ морѣ и Печорѣ. (Стр. 21 — 22). Способы лова (стр. 22 — 24). Приготовленіе рыбы и сбытъ ея. (Стр. 24 — 25).

II. *Бѣлое море.*

Перечисленіе породъ рыбъ бѣломорской системы, употребляемыхъ въ пищу. (Стр. 25 — 29). — А) *Сельдь.* Въ Бѣломъ морѣ одинъ только видъ, но двѣ разновидности сельдей. а) Мелкая разновидность. (Стр. 30 — 32). Факты, доказывающіе, что сельди постоянно живутъ въ Бѣломъ морѣ, а не временно посѣщаютъ его, приходя изъ океана. (Стр. 32 — 33). Практическіе результаты. (Стр. 33 — 34). b) Другая разновидность и ея раздѣленіе на сорты. (Стр.

34 — 36). Метаніе икры сельдями. (Стр. 36 — 37). Организація сельдяного лова: a) въ Кандалакшѣ (стр. 37 — 38); b) въ Умбѣ (стр. 38 — 39); c) въ Кузомени (стр. 39); и d) въ Сорокѣ (стр. 39 — 41) Споръ сорочанъ съ корелами о правѣ лова въ Сороцкой губѣ. (Стр. 41 — 43). Орудія сельдянаго лова. (Стр. 43 — 44). Ловъ сельдяныхъ мальковъ у устьевъ Двины. (Стр. 44 — 45). Приготовленіе сельдей: a) мороженыя (стр. 45 — 46), — b) копченыя (стр. 46 — 49), и c) соленыя (стр. 49 — 51). Дѣятельность Бѣломорской компаніи. (Стр. 51 — 53). Необходимость огражденія береговымъ правомъ прибрежныхъ жителей Бѣлаго моря. (Стр. 53 — 56). Чѣмъ Бѣломорская компанія можетъ быть полезна для края. (Стр. 56). — B) *Семга*. Сорта бѣломорской семги. (Стр. 57—58). Метаніе икры семгою. (Стр. 58—61). Осенній ходъ семги въ рѣки и вѣроятныя причины его. (Стр. 61 — 64). Орудія семожьяго лова. (Стр. 64 — 66). Неосновательность раздѣленія рыболовныхъ орудій на безусловно вредныя и безвредныя. (Стр. 66 — 67). Вредный способъ употребленія поплавней на Кулоѣ. (Стр. 67—71). Вредное вліяніе стока продуктовъ сухой перегонки дерева на Вагѣ. (Стр. 71—72). Организація семожьяго лова: a) въ Варзухѣ (стр. 72 — 74), — b) въ Сумѣ (стр. 74— 75), — c) въ Умбѣ (стр. 75 — 76), — d) въ Онегѣ (стр. 76 — 82), —e) въ Кандалакшѣ (стр. 82—83), — f) въ Попоѣ (стр. 83—84), —g) въ Сорокѣ (стр. 85), —h) въ Ковдѣ (стр. 85—86), и i) на Двинѣ и Мезени (стр. 86). Приготовленіе семги. (Стр. 86 — 87). Количество улова семги. (Стр. 87—88). Уменьшеніе семожьяго лова въ Мезени (стр. 88—89).—C) *Навага и прочія морскія рыбы*. Навага, камбала и треска. (Стр. 90—95).—D) *Рѣчныя и озерныя рыбы*. Появленіе стерляди въ Двинѣ. (Стр. 95 — 96). Возможность допустить, съ нѣкоторыми ограниченіями, ловъ стерлядей самоловною снастью. (Стр. 96 — 98). Прочія прѣсноводныя рыбы. (Стр. 98).

Неосновательность запрещенія собирать яйца морскихъ птицъ вообще. (Стр. 98 — 101). Предложенія по сему предмету. (Стр. 101 — 102).

III. *Печора.*

Порядокъ описанія печорскаго рыболовства. (Стр. 102). А) *Естественно-историческія замѣчанія о Печорѣ и рыбахъ, живущихъ въ ней.* Краткій обзоръ мѣстныхъ условій: a) Печоры (стр. 102 — 103), — b) моря (стр. 103 — 104), и c) озеръ (стр. 104—105). Перечисленіе печорскихъ рыбъ, употребляемыхъ въ пищу. (Стр. 105—107). Ходъ семги въ Печору. (Стр. 107). Ходъ въ рѣки и озера сиговыхъ породъ. (Стр. 107—110).— В) *Способы и организація лова.* Орудія лова. (Стр. 110 — 112). Вредъ заборовъ, которыми перегораживаютъ виски и, преимущественно, Великую виску. (Стр. 112 — 115). Причины разнаго устройства рыболовства въ Пустозерскѣ и въ Усть-Цыльмѣ. (Стр. 115—116). Организація пустозерскаго лова: a) осенняго рѣчнаго, (стр. 116—118),—b) весенняго рѣчнаго (стр. 118), — c) морскаго (стр. 118 — 120), и d) озернаго (стр. 120). Организація усть-цылемскаго лова. (Стр. 120 — 122). С) *Приготовленіе и сбытъ рыбы.* Соленіе семги. (Стр. 122 — 123). Причины дурнаго соленія семги. (Стр. 123 — 124). Соленіе омулей и предположеніе объ устройствѣ компаніи для копченія рыбы на Печорѣ. (Стр. 124 — 126). Соленіе весенней рыбы. (Стр. 127). Исчисленіе количества печорскихъ улововъ. (Стр. 127—130). Предполагаемое вліяніе температуры на изобиліе улововъ. (Стр. 130 — 131). Опроверженіе преувеличеній рыбнаго богатства Печоры. (Стр. 131 — 133).

Ловъ осетра въ Оби. (Стр. 133 — 135). Предложеніе о введеніи улучшеннаго приготовленія икры и клея на Оби. (Стр. 135 — 136).

Заключеніе.

Перечень сдѣланныхъ въ «Отчетѣ» предложеній къ улучшенію рыбной промышленности. (Стр. 137 — 140).

8

инв. 1985пк
ПК
II 737